

Владимир Семибратов

Крестом и пулемётом

Попаданец из РПЦ

Оренбург
2020

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4

С 30

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Владимир Семибратов. Крестом и пулемётом. Повесть. — Оренбург: Издательский центр МВГ, 2020. — 168 с.

Попаданцы, то есть путешественники во времени, бывают разные: мужчины и женщины, молодые и в возрасте, богатые и не очень, партийные и сочувствующие. А вот может ли стать попаданцем лицо духовного звания — священнослужитель Русской православной церкви например? Почему нет? Ибо чаша сия никого не минует, да и процесс перемещения во времени крайне прост. Сломалась в пути машина, и мобильник почему-то вдруг отказал. Что делать? Понятно — за помощью в ближайшую деревню напрямик через лес идти. Вот и пошёл батюшка через лес. Вошёл с одной стороны леса, вышел с другой, из России современной века XXI — в Советский Союз века XX, года 41-го, месяца июля, где на всю страну всего 150 православных церквей действующих осталось и попов на дверях их храмов ещё совсем недавно вешали да в ГУЛАГ ссылали. А тут ещё и война, немцы пожаловали. И что делать? Что дальше будет? На всё воля Божья.

ISBN 978-5-9072973-7-1

12+

© Владимир Семибратов, повесть, 2020 г.

© Издательский центр МВГ, 2020 г.

Предисловие

Эта книга в серии литературных произведений о попаданцах несколько необычна. Главный герой, провалившийся в прошлое, лицо духовного звания — священнослужитель Русской православной церкви. Вот и выходит стандартный сюжет при нестандартном персонаже. А почему такое нетривиальное название? Так это просто. В советской антирелигиозной пропаганде был плакат с одноимённым названием. На нём изображён жандарм, который с колокольни церкви из пулемёта «Максим» расстреливает демонстрацию рабочих, а два попа в сем «богоугодном деле» ему помогают. Ну а автор решил этот плакат отзеркалить, сделав по смыслу обратным. Ибо не такой в годы Великой Отечественной войны была церковь православная, а иной. Средства на оборону страны собирала, в бой на защиту Родины бойцов благословляла. И пулемёты тоже были, конечно, причём не только системы Максима и Дегтярёва, но и «МГ» трофейные. «МГ» для партизан даже сподручней, недостаток в трофейных патронах не наблюдается...

*Священнослужителям Русской
православной церкви — участ-
никам Великой Отечественной
войны посвящается*

Часть I.

Партизан поневоле

Глава 1.

Исповедь — начало

На табло индикатора мелькали цифры, отсчитывая пройденные лифтом этажи. Сегодня очень важный день, очень, такой же, как и тогда, когда он был рукоположен и стал батюшкой. Да, батюшкой. Отец Георгий вгляделся в своё отражение в никелированной облицовке. Всё как и положено: подрясник, скуфья, крест. Только бороды нет, что несколько необычно и сразу бросается в глаза. Но это всего лишь внешний антураж, а вот внутри? Что обо всём случившемся скажет протоиерей Александр? Допустит ли он теперь его к служению? Крайний, да, крайний, а не последний раз они виделись две недели назад, когда документы на отпуск оформлял. Благословил его тогда на богоугодное дело отец настоятель на поездку в составе группы поисковиков, что погибших на Великой Отечественной войне солдат ищут и земле, как положено, со всеми почестями придадут. А потом произошло такое, о чём, кроме самых близких, только отцу Александру и его жене матушке Наталье рассказать можно, потому что другим... На индикаторе высветилось 17, лифт остановился. Вот и прибыли. Отец Георгий пошёл к дверям квартиры протоиерея. Всё, как и раньше. Тот же дом, новая высотка, тот же подъезд, где

они соседи с разницей в 15 этажей. Но теперь всё уже будет по-другому, даже если и должно было быть иначе.

Дверь открыл сам настоятель.

— Отец Георгий, здравствуйте! Вернулись. Ну что же, проходите. А?..

В его взгляде мелькнуло удивление.

— Борода где? И сами на себя непохожи, — подсказала вышедшая в коридор матушка Наталья.

— Как будто бы постарел лет на пять, — подтвердил её догадку отец Георгий.

— Вот об этом мне с вами, отец Александр, очень серьёзно поговорить надо, можно сказать, исповедаться. И пусть матушка Наталья тоже послушает, потому что это касается нас всех.

Они прошли в одну из комнат. Икона в красном углу, большой книжный шкаф, диван, два кресла, телевизор, комод, на котором — вставленная в рамку старая фотография. Два лётчика, а если точнее — лётчик и воздушный стрелок на фоне штурмовика «ИЛ-2». Фото из далёкой военной молодости отца Александра. Отец Георгий взял с комода фотографию.

— Отец Александр, это вы и ваш воздушный стрелок Жора — Медведев Георгий Владимирович. Фотография сделана 9 мая 1945 года, в День Победы в Берлине.

— Да. А какое это имеет отношение?..

Протоиерей, не договорив, быстро перевёл взгляд с фотографии на улыбающегося отца Георгия.

— Правильно, я на него очень, очень похож. А теперь слушайте.

Глава 2.

У черты

Аминь. Два гроба с останками солдат, павших на Великой Отечественной войне, опустили в могилу.

«Ну вот и всё, — подумал отец Георгий, наблюдая за тем, как над свежим захоронением устанавливают памятник. — Можно сказать, что экспедиция этого года завершена. Пятерых погибших на этот раз обнаружить удалось. И что самое интересное, двое — местные,

из этой деревни, дома последний бой приняли. Может, оно и к лучшему. В родной земле упокоятся, что с солдатами в войну ой как нечасто бывает. А впрочем, это уже совсем другая история. Мы своё дело сделали, теперь бы и домой не мешало, тем более что завтра день рождения, 33 года исполняется. Надо успеть обязательно. Только бы машину местные «кулибины» починили, а то ведь её на буксире до ближайшего автосервиса гнать придётся, тогда уж точно опоздаем».

Ж-ж-ж, — завибрировал в кармане мобильный.

— Так, кто это? А, мастер звонит. Ну что же, будем надеяться, что с хорошими новостями... Да, слушаю.

— Батюшка, машина готова, можете забирать, — раздалось из трубки.

— Вот и отлично, — отец Георгий улыбнулся, — сейчас подойду.

Он обратился к стоящим рядом поисковикам:

— В общем так. Езжайте, снимайте лагерь, а я — за машиной, потом в магазин, продуктов на обратную дорогу прикуплю. У выезда на шоссе встретимся.

После пятой, но, увы, безуспешной попытки завести двигатель отец Георгий констатировал:

— Нет, надо было отдать предпочтение отечественному автопрому. Может, наши машины и менее надёжны, но в них хотя бы электрика попроще, не то что в иномарке, где работа двигателя внутреннего сгорания контролируется компьютером. Или не контролируется. Вот как сейчас, например, с соответствующим результатом. Мотор заглох намертво. Шестая и последняя попытка.

Ну, ну, давай!!! Опять ничего.

«Ладно, хватит лбом об стену биться. Своих вызванивать надо, — решил отец Георгий. — Во-первых, попросить, чтобы «ГАЗель» с буксиром прислали, чтобы колымагу эту в деревню к мастеру, а лучше всё же в автосервис оттащить, и, во-вторых, что самое главное, сообщить своё местонахождение. Потому как он не к месту встречи у выезда на шоссе, как условились, поехал, а к лагерю экспедиции свернул. Вроде времени ещё хватало, и, стало быть, можно в сборах помочь. «Помог». И что самое неприятное, от места раскопок к шоссе две дороги идут, а стало быть, шанс на счастливую встречу — 50 на 50. Так что... Решим вопрос радикально».

«Нет ответа сети», — высветилась надпись на экране айфона.

— Как нет? Тут же вышка рядом, — удивился отец Георгий. — Хорошо, попробуем «Билайн», если у «Мегафона» проблемы со связью.

Но и «Билайн» молчал.

«Нет ответа сети», — зловеще мерцала на экране всё та же надпись.

— Стоп, а МЧС, 112 где? — спохватился отец Георгий. — Ведь он же в любой точке Земли работать должен. Вызов экстренных служб, навигация и так далее — оно же всё через спутник идёт. Или?

Изображение внезапно стусевалось, экран погас.

— Так, всё ясно — картина Репина «Позвонил». Это не со связью проблема, это мобильный, как и мотор, в одночасье приказал долго жить. И ведь надо же, айфон-то новый совсем, перед выездом в экспедицию купил. За ползарплаты! Продавец чуть ли не на кресте клялся, что не китайский. Ладно, домой приеду — разберусь. Но это потом, а сейчас-то что делать?

Действительно, ситуация складывалась патовая. Один на лесной дороге, машина сломалась, связи нет, и искать его в худшем случае будут полдня, что просто неприемлемо. Домой опоздает гарантированно.

«Что делать, что делать?» — вертелась в голове мысль. И вдруг... Решение пришло неожиданно. Ну да, точно! Здесь же до деревни только в окружную далеко, а через лес, напрямик, километра два. Если поторопиться, минут тридцать ходу. Позвонить оттуда, и всё ещё можно исправить. А если что, на лобовом стекле записка.

«В общем, не буду терять времени», — решил про себя отец Георгий и, заперев машину, быстрым шагом направился в сторону деревни.

— Так, а куда это я попал? — удивлённо произнёс отец Георгий, выйдя на опушку леса. Деревня где? И что это за декорация? Тут что, кино про Великую Отечественную войну снимают?

И действительно, открывшийся перед ним пейзаж говорил именно об этом. Вместо довольно крупного населённого пункта с тремя сотнями домов, в основном современной постройки, который должен был быть на этом месте, тут имелось всего с десяток низеньких бревенчатых избушек, протянувшихся вдоль единственной деревенской улицы. Как есть деревенька первой половины двадцатого века. И народу никого, что для села днём, да ещё и летом нереально в принципе. Уж кто-нибудь, да в огороде копать будет или во дворе делать чего-то. А здесь пусто. Но зато возле крайнего у въезда в деревню дома был припаркован немецкий колёсно-гусеничный БТР с белым крестом на броне, возле которого топтались пятеро «немцев».

— Ну точно, кино снимают, — решил отец Георгий.

Причём как всё натурально обставлено: и солдаты по всей форме с винтовками, и БТР «Sd. Kfz.251», кажется, да и деревню для съёмок соорудили что надо. Дома, заборы, даже огороды засеяны, вон — помидоры на грядках спеют, а рядом арбузы и огурцы. Видать, фильм высокобюджетный будет, иначе зачем такая точность в деталях? Вот только одно непонятно: ведь чтобы всё это сделать и построить, не один месяц надо. Как минимум, с весны возились, а в округе об этом ни слуху ни духу. И ещё — киногруппа где? Раз здесь и сейчас киносъёмку ведут, то где-то рядом кинокамеры обязательно должны быть, ассистенты, помощники разные, режиссёр наконец, который всем этим процессом руководит. Но ни тех, ни других, ни третьих не видно. Или, может быть, это новая метода такая теперь применяется, чтобы актёрам играть не мешать, в образ вживаться то есть, всё на скрытую камеру снимают? Что же, не исключено, как и то, что никакие они не актёры, а исторические реконструкторы, которые какое-то из событий Великой Отечественной войны разыграть решили.

«Ладно, разберёмся», — решил отец Георгий и уже хотел было направиться в сторону «немцев», чтобы расспросить их о том, что тут вообще происходит, и попросить позвонить по мобильнику. Но что-то его удержало. Какое-то смутное интуитивное ощущение опасности не пустило вперёд...

А между тем события развивались своим чередом. Хлопнула входная дверь, на крыльцо дома вышел офицер в чёрной эсэсовской форме, неся в руках какой-то свёрток, рывкнул что-то солдатам на явно немецком языке. Те попрыгали в кузов, офицер залез в кабину рядом с водителем.

«Э-э-э! Куда? А позвонить? Мне же мобильник нужен», — спохватился отец Георгий и со всех ног бросился вслед уезжающим «немцам».

Поздно. Пробежать быстро стометровку с препятствиями в виде огородной растительности и забора не так-то просто вообще, а в подрыснике в особенности. Он ведь под ногами путается и за всё, что из земли торчит, норовит зацепиться... В общем, к тому моменту, как он успел добежать до места стоянки БТРа, тот успел скрыться за поворотом лесной дороги.

Та-а-ак. От всего происходящего очень захотелось выть. Ну ещё бы! Сначала машина, потом телефон, потом в лесу заблудился, не

туда вышел и, наконец, «немцев», вернее реконструкторов, не догнал. И всё в один день. Ну прямо Иов многострадальный, часть вторая. А то, что это именно реконструкторы, а не актёры, теперь было ясно, как дважды два четыре, потому что в противном случае другие участники съёмок фильма уже давно бы себя обнаружили с претензиями: кто он такой да зачем в кадр влез? Если, конечно, сценарий не предусматривал спринтерский забег по па через огород. Но смех смехом, а ситуация вернулась к своей исходной точке, но только в куда более худшем варианте. Теперь он даже толком не знает, где находится, и искать его будут действительно долго. Скорее всего, отметить завтрашний день рождения дома уже нереально. Хотя, конечно, не исключено, что может произойти чудо и реконструкторы внезапно вернуться. Что же — и такое может случиться, на всё воля Божья. Да вот только в свете всего происшедшего в возможность возникновения чуда здесь и сейчас верилось с трудом. Вероятнее всего, придётся провести здесь ночь. И то хорошо, хоть крыша над головой будет на случай дождя.

— Ладно, посмотрим, что внутри, — произнёс отец Георгий и направился к дому.

Вблизи дом ничуть не утратил своей натуральности. Более того, она возросла. Старые, потемневшие от времени бревенчатые стены, крыльцо, по деревянным ступеням которого, как было видно с первого взгляда, ходили много лет. По спине у отца Георгия пробежал неприятный холодок. Это была не декорация. Нет-нет, дом был самый настоящий. И этот, и другие во всей деревне тоже.

— И куда же я попал?

В сенях на столе возле окна стоял глиняный горшок с квашнёй, распространяя кисловатый запах дрожжей.

— Есть кто живой? — громко спросил отец Георгий.

Никакого ответа. Он толкнул дверь в комнату. На полу возле большой русской печи лежала пожилая, судя по виду, лет за восемьдесят женщина с окровавленной головой.

— Что с вами, бабушка? Вы живы?

— А-а-а, — простонала женщина.

Её веки дрогнули, она открыла глаза.

— Слава Богу, живая. Я сейчас.

Осторожно, чтобы не сделать ей хуже, отец Георгий взял женщину на руки и перенёс на стоящую в углу комнаты железную кровать, а потом перевязал ей голову её же платком.

Ничего себе реконструкторы! Они же бабушку чуть не убили головой об печку. Заигрались в немцев. Или не реконструкторы это были, а кто? Неонацисты, точно. Шабаш здесь свой устроили. Им же хуже. Сейчас в полицию позвоню. БТР — машина приметная, на первом же посту повяжут. Да — и «скорую» тоже вызвать надо.

Он машинально достал мобильник. «Нет ответа сети», — высветилось на экране.

Ах да, телефон же сломан. Хотя нет, ведь тогда на дороге он вообще не работал, а сейчас только сеть не берёт. Попробуем перезагрузить. Но перезагрузка ничего не дала. Работало всё: фото, видео, диктофон и прочие функции, но самого нужного — связи — не было.

«Нет ответа сети», — по-прежнему светилось на экране.

«Стоп! А может, у неё мобильный есть? — вдруг подумал отец Георгий. — Ну да, наверняка есть, раз одна живёт».

— Бабушка, у вас телефон имеется? — обратился он к женщине.

— Нет. Откуда? Только в сельсовете у председателя до войны был, пока немцы не пришли, — последовал едва слышный ответ. — И икону, икону мою забрали, Николая Чудотворца, ирод, офицер немецкий забрал. Я её от власти советской безбожной прятала, а как немцы пришли, так в красный угол повесила. Думала всё, погонят немцы большевиков, а немец её...

«Так, спрашивать бесполезно, — констатировал отец Георгий. — Она от шока немецкую оккупацию вспомнила и тех старых нацистов с новыми перепутала. Придётся самому поискать. Комната маленькая, а телефон, как правило, всегда под рукой. А икону-то у неё, судя по всему, действительно украли, — машинально подумал отец Георгий, беглым взглядом оглядев комнату. — Лампадка в красном углу на месте, а вот иконы нет. Но это сейчас не главное. Мобильник, мобильник нужен! Тогда и неонацистов посадят, и икону вернут. Где же он может быть? Так — на столе нет, на печке нет. На сундуке под газетой? Ох ты, вот это газета! За 22 июня 1941 года, речь Молотова о нападении Германии на первой полосе, и сохранилась идеально, будто новая совсем».

Отец Георгий взял газету в руки и остолбенел. Газета была новая. Да-да, новая, и ошибки здесь быть не могло. Пальцы явно ощущали новизну бумаги, а ноздри — запах типографской краски. Но как? Откуда здесь новая газета семидесятидвухлетней давности? Неонацисты реплику распечатали и тут оставили? Зачем? Или... Он резко обернулся.

— Бабушка! Какое сегодня число? Год какой?

— Сорок первый, июль месяц, двадцать второе сегодня, вон календарь на стен...— женщина, запнувшись на полуслове, закрыла глаза.

«Отошла, — понял отец Георгий. — Царствие ей небесное... Но сорок первый год! Этого же быть не может...»

Он глянул на висящий возле кровати календарь. Год 1941, 24-й год Великой Октябрьской социалистической революции, следовало из надписи на численнике. Все даты истекших месяцев, включая 21 июля, были аккуратно перечёркнуты крестиками.

Глава 3.

Попаданец

— Так. И что мне теперь делать? — задал себе вопрос отец Георгий после того, как, выйдя из состояния прострации, снова обрёл способность соображать.

А о том, что он провалился во времени в прошлое и попал из 2012 года в 1941-й, сомнений уже не было, потому как факты говорили сами за себя. И было этих фактов много, неимоверно много, начиная от уже известных и кончая недавно возникшими. Такими, как, например, пролёт звена пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» и появление на небе луны в фазе первой четверти. И это при том, что вчера, 22 июля 2012 года, было полнолуние. Железное доказательство хронопеременения. Да и как оно само, это перемещение, произошло и где, тоже несложно установить, если некоторые подробности «марш-броска» через лес от заглушенной машины до деревни вспомнить. Низина в лесу была вроде оврага, только пологая очень, и воздух такой плотный-плотный, как бы дымкой подёрнутый. Там и был портал, и нигде больше, ведь перемещения во времени, если Бермудский треугольник и ещё массу тому подобных примеров вспомнить, всегда сопровождаются образованием тумана и отказом электроники из-за сильных электромагнитных возмущений. Вот почему машина заглухла и мобильник отказал. Не из-за брака производителя, нет — дыра во времени начала открываться. Эх, ему бы подождать чуть-чуть, а не через лес лесом

ломиться, сейчас бы уже домой ехал завтрашние именины, 33 года, отмечать. А теперь?

— А теперь минус 39 завтра отмечать буду, — резюмировал отец Георгий. — И хватит, не о том думаю. Ах, если бы да кабы! Все мы задним умом сильны, вот только толку? План, план нужен, как из всего этого выкрутиться.

И он начал просчитывать варианты действий.

Первое и самое простое, что можно сделать, это вернуться в лес и уйти в своё время сквозь портал. Звучит заманчиво, а на деле практически нереально. Почему? Ответ очевиден. Временная дыра — это не машина времени: подошёл, нужную дату набрал, ткнул пальцем «start» — и дома. Нет, так не будет. Природные временные дыры по заказу не работают и куда надо не доставляют, да и не каждый день открываются. Вот как сейчас например. Дыра-то уже наверняка закрылась, если по состоянию мобильного судить. Нормально работает, без сбоев, а это означает только одно: идти в лес бестолку. Ну а тогда что же остаётся? Сердце отца Георгия мучительно сжалось, он вдруг со всей ясностью осознал, что ему, скорее всего, навсегда придётся остаться здесь. Да-да, именно навсегда, без каких-либо шансов вернуться. И тот привычный мир, мир будущего, его мир со всем, что в нём было, для него потерян. А если он его и увидит, то лишь через много-много лет, на самом исходе жизни — и никак иначе.

Но как, почему, зачем, за какие такие грехи Господь Бог отправил его сюда, в 1941 год, на войну в сталинский Советский Союз, да и ещё накануне дня рождения? За что такой подарок от Господа? В сознании бушевал океан вопросов, но ответов не было.

— Хватит, хватит, — отец Георгий помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок и погасить перехлёстывающие через край эмоции. Будем разбираться поэтапно, с холодным рассудком, а иначе, как минимум, инфаркт заработать можно, если не что-нибудь похуже.

Итак, как провалился во времени, выяснил. Далее — за какие такие грехи в прошлое, на войну, в сталинский СССР Господь отправил? Ну это вряд ли за грехи. Нет, он, конечно же, не святой, да вот только нигде не сказано, чтобы грешников вот так во времени перекидывало. Нет, им другая дорога после Страшного Суда уготована — муки адские. А стало быть, это ему не наказание, нет, тут что-то другое, но что? Испытание веры либо дело от Господа. Скорее всего. Ведь не зря же он в 33 года сюда попал. Столько же Христу

перед распятием было, и время подходящее — война кругом и коммунистическая безбожная власть. Самое то. И казавшаяся столь трагической и безысходной ситуация предстала вдруг в более выгодном свете, ибо впереди появился вполне реальный шанс вернуться в своё время. А действительно, почему нет? Вот выполнит он то, для чего сюда послан, и...

— Шанс, во всяком случае, на возвращение имеется, — подытожил отец Георгий. — Отлично. Ну а сейчас-то что конкретно делать? — снова задал он себе тот же вопрос.

И почти тут же получил на него ответ, но не в виде голоса свыше, дающего ему пошаговые инструкции для выполнения возложенной на него миссии, нет. Ответ был более прозаичным и страшным — в виде звука мотора подъезжающего к дому мотоцикла.

Отца Георгия как током ударило. Это же немцы, а они... Хозяйку уже убили, он следующий, и бежать некуда. Чёрного хода нет, выхода на чердак тоже. Мышеловка. Хотя на мотоцикле больше трёх человек не ездят, и если напасть неожиданно, то... Эх, ещё бы оружие было. Он окинул взглядом комнату в поисках чего-нибудь подходящего. Ага, есть! На столе возле печки лежал длинный, сантиметров тридцать, кухонный нож с довольно широким лезвием. То, что надо. Самое популярное в мире оружие после автомата Калашникова, ну или ППШ по нынешним временам. Осторожный взгляд в окно. Немец приехал один. Тот самый офицер, что икону украл. С этим в два счёта справимся. Ножом в живот — и всего делов, тем более он про засаду в доме не знает. Встав возле двери, отец Георгий взял нож обратным хватом и стал ждать. Заскрипели ступеньки крыльца, и в дверном проёме появился ничего не подозревающий немец. Удар. Лезвие по самую рукоять почти без сопротивления вошло немцу в солнечное сплетение. Тот разинул рот, но, так и не издав ни звука, как подкошенный рухнул на пол.

«Готов, — сразу понял отец Георгий. — С одного удара, так просто...»

А теперь что? Руки стали противно дрожать, а к горлу подкатил колючий комок, перехватив дыхание. Ещё бы, он же не маньяк, который людей как сосиски режет. Не так-то легко это — ножом человека убить. Даже солдату врага, во всяком случае, в первый раз. Потом да, привыкаешь. Финкой по горлу или шею набок, чтобы часовой тревогу не поднял. Просто и как-то даже обыденно становится. А уж из автомата или пулемёта, так это вообще никаких сомнений: очередь дал и забыл. Но это потом.

Шок прошёл гораздо быстрее, чем тот, первый, от перемещения во времени.

«Вот и ответ, что конкретно сейчас делать», — подумал отец Георгий, переворачивая убитого. Воевать, а как же иначе? Раз война идёт, куда же денешься? Не в плен же сдаваться! Нет конечно. Оба деда войну прошли, да и он теперь, считай, тоже воюет. Вот уже и личный боевой счёт открыл. Небольшой, правда, всего в одну единицу, ну ничего, даст Бог, увеличим, тем более есть из чего. В кобуре у немца оказался штатный «Люгер-08», он же «Парабеллум», оружие-легенда. Отец Георгий повертел его в руках, попутно вспоминая всё, что когда-либо читал или слышал об этой разработке инженера Люгера. В общем и целом пистолет был неплох, хотя дорог в производстве и сложноват по конструкции. Но зато высокая скорострельность и точность боя для отца Георгия, как для неопытного стрелка, были весьма кстати.

— Ладно, изучим устройство, — бормотал себе под нос отец Георгий. — Фиксатор магазина у спусковой скобы, предохранитель флажкового типа, затвор коленно-шарнирный. Так, а зарядность сколько? Вроде бы восемь патронов.

Выщелкнул обойму. Да, патронов было именно восемь штук.

— Странно, — удивился отец Георгий. — Это что же выходит — немец оружие в небоевом положении держал, что ли? Вогнав обойму обратно и сняв оружие с предохранителя, передёрнул мотыль затвора. Да, точно — в небоевом. Ну надо же, какая беспечность! Как у себя дома, ничего не боятся, а впрочем, им же хуже. Скоро их партизаны научат что к чему. С пистолетом под подушкой спать придётся, да ещё и для верности гранатами обложившись, потому как это им не Европа, где лес от парка не отличается. Здесь буреломы дремучие, в которых армию партизанскую спрятать можно, не то что отряд в пару сотен бойцов...

Мысли отца Георгия внезапно резко поменяли направление. А почему бы ему самому, вместо того чтобы через линию фронта к своим пробиваться, не попробовать сколотить партизанский отряд здесь, на месте, и устроить немцам весёлую жизнь?

«А действительно, идея что надо», — немного подумав, решил отец Георгий.

Тем более в его-то положении. Ведь до своих не один десяток километров по тылам немецким топтать придётся, линию фронта переходить к тому же, и это всё при полном отсутствии каких-либо военных навыков. Наверняка не дойдёт. Ну а если вдруг и получится, то уж

особого отдела не миновать точно. И что тогда? Документов нет, политической обстановкой не владеет, да и вообще не похож он на современников. Подозрительно это, а на войне подозрительный — считай шпион, расстреляют у ближайшей стенки. Вот и выходит, что одна ему дорога — в партизаны. Да и там, конечно, проблема из-за отсутствия документов возникнуть может, но хотя бы не в такой жёсткой форме, потому как у партизан особых отделов нет, это во-первых. А во-вторых, не всё население СССР паспортизировано. Деревенским в случае чего справку выдают: кто ты и откуда. И факт сей общеизвестен. Ну и, наконец, даже если не выдавать себя за сельского жителя, на которого он тоже не похож, то и тогда риск минимальный. Нет у меня документов, сгорели в поезде при бомбёжке вместе с вещами. Да, всё так и было. И что с того? Воевать отсутствие паспорта мне не мешает.

— Ну и отлично, остановимся на партизанских действиях, — решил отец Георгий. — Тем более считай, что уже начал. Итак, что для этого понадобится? Оружие. Есть пистолет, после добудем ещё что-нибудь посерьёзнее. Прочная, износоустойчивая одежда тоже имеется. Под подрясником — камуфляж армейский, в котором на раскопе работал. Обувь? С этим сложнее — летние туфли, в них долго не проходишь. Сапоги нужны. Хотя немец с ним одной комплекции, его обувка должна подойти. Далее — продукты питания и вещмешок. С этим тоже проблем нет. У немцев по первому времени брать можно, они с собой НЗ возят. Вещмешок. В доме обязательно что-нибудь подходящее да найдётся. В общем, всё, диспозицию определили, начнём сборы.

В отношении обуви отец Георгий не ошибся, сапоги пришлось впору, да и ремень с кобурой на камуфляже смотрелся весьма эффектно. Как есть партизан — и даже с бородой. Если спросят, одежда, обувь и «Парабеллум» — всё трофейное.

Кстати о «Парабеллуме». Проверить бы его. Но это небезопасно. Хотя деревня и на отшибе стоит, всё равно стрельба привлечёт внимание может. «Так что лучше не рисковать, — взвесив все за и против, решил отец Георгий. — Впереди ещё много времени, настреляюсь».

С продуктами оказалось хуже. Нет, они были, конечно, да вот только в малотранспортабельном виде. Мука, картошка, лук в довольно значительных количествах обнаружались в подполе. Но не тащить же это всё с собой по лесам. Неудобно, да и испортиться может.

«Вот если бы консервы были... — подумал отец Георгий. — А впрочем, надо мотоцикл проверить, там наверняка НЗ имеется».

Мотоцикл оказался настоящим кладом. Во-первых, на сиденье лежал автомат «МП-39», в просторечии «Шмайссер», и подсумок снаряженных магазинов. А во-вторых, в багажнике был целый склад провизии, начиная от разных мясных консервов и кончая галетами и шоколадом.

— Да, это я удачно зашёл, — вспомнил отец Георгий крылатую фразу из фильма про путешествие во времени. — Тут на неделю усиленного питания одному хватит, если не больше. И главное, есть в чём всё это с собой носить. Вот он, аналог вещмешка. Немецкий пехотный ранец из толстой телячьей кожи был аккуратно уложен возле стенки багажника. Удобно и комфортно. Лямки на плечи — и хоть пешком до Берлина. А что внутри? Как ни странно, ранец был доверху набит рваными тряпками.

— Интересно, и зачем это немцу столько ветоши понадобилось? — удивился отец Георгий. — Мотоцикл от пыли отмывать, что ли?

Под слоем тряпок на самом дне оказалась деревянная коробка, а в ней... А в ней аккуратно упакованная ватой лежала икона Николая Чудотворца. Но какая! Массивный оклад из литого золота с камнями. Кроваво-красные рубины, голубые сапфиры, зелёные изумруды общим числом двенадцать украшали нимб святого.

— Господи! Чудо-то какое! — отец Георгий приложился к образу.

Всё ясно, это той бабушки икона, и теперь вполне понятно, почему немец сюда ещё раз наведаться захотел. Дом обыскать решил. Что же, в логике ему не откажешь. Ещё бы! Раз здесь икона такая прямо на виду в избе висела, грабь не хочу, то что же по углам быть запрятано может? Небось на сундук с золотыми червонцами рассчитывал — и не меньше. Вот почему один и приехал. Зачем с друзьями делиться, когда самому пригодится? Пригодилось... Но что же с иконой делать? Не возвращать же её в дом. Хозяйка мертва, некому икону возвращать, да и нельзя. Ещё раз немцы приедут или полицаи — заграбастают. А если...

Отец Георгий с надеждой посмотрел в сторону леса, где был временной портал. Не для того ли он Господом сюда направлен, чтобы икону спасти? Ведь если так, то какие-нибудь полчаса — и он в своём времени. Вот было бы счастье! Как там мобильник, не барахлит? Нет, в норме. Но, с другой стороны, это было бы уж слишком просто. Сквозь портал прошёл, немца зарезал, икону забрал — и домой. Тривиально даже. Хотя и эту версию со счетов тоже сбрасывать не стоит, ибо сказано в Писании о неисповедимости путей Господних,

а потому к порталу сходить по-любому надо, хотя бы на всякий случай. Ну а если закрыт портал, тогда как? В землю икону закопать до лучших времён, а потом?.. Не вариант. Он на войне, и вернётся ли с неё живым или нет, точно не знает, а если бы и знал, всё равно нельзя. Спецконтейнер нужен, а его нет. Вот и выходит, что с собой придётся икону носить, а при случае передать представителям безбожной советской власти. Да, именно так и никак иначе, и риска в этом нет никакого, потому что, хотя большевики в Бога и не верят, но цену ювелирным изделиям и произведениям искусства знают. А стоимость этой иконы по ценам чёрного рынка начала XXI века — от миллиона и выше, долларов разумеется. А это гарантия, что на золото и камни не разберут. Она целая дороже стоит. Максимум в фонд обороны пойдёт. Что же, пусть так. Не в первый раз на Руси колокола на пушки льют. Бережно, для большей сохранности обернув бесценную коробку несколькими слоями ткани, отец Георгий поместил её на дно ранца, а сверху пристроил весь свой продуктовый набор.

Всё ли нет? Ах да, карта! Ещё карта нужна. Без неё как без рук. Где же она может быть? В карманах у немца её не было, значит, в мотоцикле, но где? Планшет обнаружился под сиденьем люльки. Отец Георгий внимательно рассмотрел содержимое планшета. Карты всего здешнего района — это хорошо, и масштаб нормальный, пятисотка. Компас бы ещё для комплекта, но тут уж, как говорится, хорошего понемножку. Ещё что? Вроде всё. Хотя нет, бабушку ещё похоронить надо, но нельзя, времени нет, и так сверх всякой меры здесь задержался. Немца уже наверняка ищут.

«Ну тогда в дорогу. Прости, бабушка», — с этой мыслью отец Георгий направился в лес.

Предположение о местонахождении портала оправдалось на все сто. Примерно четверть часа хода по собственным, довольно хорошо различимым на слегка влажной почве следам, и вот он. Отпечатки ног резко обрывались на самой середине оврага. Но ни марева, ни тумана, конечно же, не было уже и в помине. Временная дыра закрылась, отрезав дорогу в будущее.

— Ну, в общем, этого и следовало ожидать, — вздохнул отец Георгий. — А всё же ориентиры места запомнить надо. По правую сторону большой валун, по левую тоже, но раза в два поменьше, а впереди, метрах в пятнадцати, тоже два валуна, но рядом ещё и высокий дуб.

«Ж-ж-ж», — завибрировал в кармане мобильник. Что, неужели портал открывается? Но где же туман? Отец Георгий достал телефон. Нет, ложная тревога — просто аккумулятор почти разрядился, всего пять процентов осталось. Можно выбрасывать, зарядника-то всё равно нет, а если бы и был, что толку звонить? Всё равно некому, к тому же свои увидят, так вопросов не оберёшься. Или, может быть... Да, это лучше, чем выбросить. Дойдя до дальней группы валунов, отец Георгий вырыл небольшую ямку, чтобы спрятать там мобильник и крест. Пусть подождут его возвращения по ту сторону портала. Ведь помещённые в полиэтиленовый пакет предметы могут храниться, не ржавея и не разрушаясь, многие десятки лет. Тем более что айфон пластиковый, а крест из анодированной нержавеющей стали.

«Какой же я теперь батюшка без креста? — думал отец Георгий, аккуратно разравнивая землю. — Хотя зачем он мне теперь нужен? Я же... О Господи!»

Это был третий удар судьбы за один день.

«Ибо если кто погибнет от руки твоей, будешь извергнут из сана», — вдруг неожиданно всплыла в памяти одна короткая фраза. Но это был приговор. Приговор его священству. Ведь нельзя ему убивать никого и ни при каких обстоятельствах. Нельзя, и всё тут! А он убил. Да, убил! Пусть немца, пусть фашиста, пусть врага, пусть защищаясь, но убил, и нет ему теперь оправдания, Богом не предусмотрено. Не батюшка он больше, сана лишился.

— И что же мне теперь делать?

Отец Георгий растерянно посмотрел вокруг, отыскивая ответ. Но его не было. Вернее был ответ, простой и очевидный: не батюшка — и кончен сказ. И как же после всего этого жить?

С неба послышался шум авиационных моторов. Отец Георгий поднял голову. Меж облаков мелькали силуэты немецких пикировщиков.

«На бомбёжку летят, — мелькнула в голове мысль. — А я...» И вдруг ему стало стыдно за своё малодушие. Ещё бы, сана, видите ли, лишился, премногое потерял. А кто-то сейчас запросто под бомбами жизнь теряет. Ничего? Да если и не жизнь, а здоровье, скажем, — разве намного лучше? Каково это, например, художнику без рук остаться или балерине без ноги? А хоть и не балерине. Вот как, скажем, матушка Наталья, жена протоиерея Александра, в детстве на этой самой войне ногу потеряла и живет семь десятков лет, на протезе ковыляя. Дети, внуки, правнуки у них. И потом... Отец Георгий попытался схватиться за соломинку: ведь есть же священники —

участники войн, а хотя нет, они же до рукоположения убивали, не после. Не после? Неожиданно ситуация предстала в крайне противоречивом свете. С одной стороны — убил он немца после того, как батюшкой стал, то есть через восемь лет служения, а с другой — аж за тридцать девять лет до собственного рождения. Парадокс. И как его разрешить? Мысль упёрлась в стену, а на ум пришло когда-то услышанное четверостишие:

*Был этот мир великой тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон.
Но Сатана недолго ждал реванша —
Пришёл Эйнштейн, и стало всё как раньше.*

— Ну Эйнштейну эйнштейново, а Богу божие, — отец Георгий попытался поставить вопрос ребром.

Если бы выбор ему предложили: ради чего он согласен сана лишиться? Защита Родины в это входит?

— Входит, — улыбнулся отец Георгий. — Однозначно входит, а раз так, не батюшка он теперь или относительно не батюшка, а воин, защитник Отечества, партизан, и в этом для него всё.

— Ладно, — отец Георгий поднял с земли ранец, — больше здесь делать нечего. Судя по карте, в паре километров на север болото, туда немцы точно не сунутся. Заночую там, а утром... А утром — война.

Весь остаток дня и вечер отец Георгий потратил на изучение трофейного автомата и «Парабеллума», а также тренировки — по-пластунски учился ползать. Ещё бы, пехотинцу без этого умения никак. Потом поужинал трофейными, кстати самоподогревающимися консервами, положил под голову ранец и почти мгновенно заснул. Так закончился его первый день на войне.

Глава 4. Жора-партизан

«Итого: мотодрезина с охраной через каждый час, поезда через каждые тридцать минут», — подытожил отец Георгий результат трёхчасового наблюдения за мостом. В принципе, вполне даже осу-

ществимая диверсия, если учесть, что охранников всего четверо в двух будках по обе стороны моста и вооружены они только винтовками. К тому же лес подступает чуть ли не вплотную. Так что...

Идея пустить под откос немецкий эшелон пришла отцу Георгию утром во время завтрака, когда он прикидывал, чем сегодня займётся. Сначала эта мысль выглядела чистой авантюрой, но потом, оценив все за и против, отец Георгий решил попробовать. Ну, во всяком случае, на разведку сходить-то можно, тем более что, судя по трофейной карте, всего-то пять-шесть километров, и вот он мост. А там? А там по обстановке. Если охраны человек сто и доты пулемётные, то, конечно, о диверсии на мосту и думать не стоит. Он же не терминатор из ЖМ-сплава. А вот если нет...

Оказалось — нет.

«Да, из «Шмайссера» всех четверых, даже если с этого дерева стрелять, достать одной очередью явно не удастся», — подумал отец Георгий, прикинув расстояние до дальней будки охраны: метров сто пятьдесят, не меньше. Предельная дальность для пистолета-пулемёта, тем более если учесть его навыки. Два магазина, тренируясь сегодня, расстрелял. Впечатление так себе, вблизи неплохо, а вот по дальним целям... Ну и, кроме того, ещё не факт, что у охранников гранаты имеются. А если нет, что тогда — зубами рельсы кусать? И такой из этого вывод: с диверсией слегка подождать придётся, пока он пулемёт ручной и, как минимум, две-три гранаты не добудет. Но это вряд ли проблема: у одиночных мотоциклистов позаставать можно. Немцы-то ещё непуганые, колоннами не ходят.

Ладно, с Богом. Осторожно, чтобы не привлечь внимание охраны моста, отец Георгий спустился с дерева и направился к ближайшей просёлочной дороге.

«На ловца и зверь бежит. Вернее, стоит и ремонтируется», — подумал отец Георгий, беря на прицел двух немцев, меняющих заднее колесо мотоцикла. А главное, пулемет у них в наличии и гранаты наверняка есть. Лучшего и не надо. Короткая очередь по групповой цели — оба упали. Держа наизготовку автомат, мало ли что, отец Георгий подошел к мотоциклу. Но его опасения не оправдались: немцы были мертвы. Так, с этими ясно, а как там с гранатами? Открыл багажник люльки — ага, четыре штуки и две дополнительные ленты к пулемёту. Кроме всего прочего, консервы — тоже пригодятся. У водителя «Парабеллум» — надо с собой взять. Два пистолета — не один, а ещё винтовка со штык-ножом в ножнах. Ну, винтовка не

нужна, автомат лучше, а вот штык-нож — вещь полезная. И ещё фляжку для воды прихватить обязательно. Ведь своя, что из пластика, — предмет не современный. Вроде всё. Хотя нет, не всё. Трупы и мотоцикл спрятать надо, чтобы раньше времени тревогу не подняли, а то обнаружат убитых, охрану на мосту усилить могут, и тогда — прощай диверсия.

Запахнув трупы немцев в люльку, отец Георгий волоком, чтобы не создавать лишнего шума, откатил мотоцикл подальше в лес, а потом, взвалив на плечи пулемет, двинулся в обратный путь.

За время его отсутствия на мосту ничего не изменилось. График движения патрульных мотодрезин и поездов остался прежним. Да и охрана не увеличилась — всё те же четверо: двое в будке сидят, двое снаружи топчутся или прохаживаются вдоль путей — никаких признаков тревоги.

Ну, Господи, помоги. Осенив себя крестным знамением, отец Георгий передернул затвор пулемёта и, поймав в прицел самого дальнего часового, нажал спуск. Пулемёт ударил трассером, буквально разрезав немца напополам. Из окон сторожевой будки полетели осколки стекла. Доворот ствола вправо, и вот уже второй часовой, изрешеченный пулями, падает на рельсы. Теперь будку сверху донизу — вдруг немец на пол успел упасть. Щелчок, лента кончилась, пулемет замолчал. А вот теперь дело в скорости. Спрыгнув с дерева и держа наизготовку автомат, отец Георгий буквально взлетел на мост. Первое — проверил охрану. Все шестеро были мертвы. Здорово общитался: в будке, оказывается, по двое было. Ладно, теперь не страшно. Всё равно тревогу поднять не успели. Телефонные аппараты повреждены пулями. Но на будущее надо быть повнимательнее. Как у них с гранатами? У каждого по две штуки, итого двенадцать плюс ещё шесть. Восемнадцать в итоге, должно хватить. Подсунув гранаты под стык рельсов на самой середине моста, отец Георгий срезал кусок телефонного провода, один конец которого прикрепил к силовой ферме, а другой соединил с запальными шнурами гранат, получив таким образом растяжку. Готово. Пора уходить. Или всё же посмотреть на деяния рук своих? Вроде всё тихо. Желание посмотреть победило.

«Так и быть, посмотрю», — решил отец Георгий. Тем более первая диверсия — память на всю жизнь. Только отойти надо подальше, а то, не дай Бог, в эшелоне боеприпасы будут, мало не покажется.

Вот что хорошо у немцев, так это точность. Поезд появился минутой в минуту. Отец Георгий затаил дыхание. Паровоз въехал на мост...

Ну вот, сейчас... А вдруг не работает, а вдруг силы взрыва не хватит, а вдруг?.. Лёгкий хлопок под колёсами тендера, сверкнуло пламя, и первая платформа с установленным на нём танком вильнула в сторону, закачалась. Грохот, скрип, скрежет! Сплошная металло-рубка из разбитых платформ, покорёженных танков и перевёрнутых вагонов!

Лишь паровоз уцелел, успев по чистой случайности проскочить мост. Остановившись неподалёку, он начал давать один за другим длинные гудки, подавая сигнал бедствия. Непорядок. Паровоз — машина ценная, без него железная дорога всего лишь пара рельс. Ничего, сейчас доработаем. Длинная, на всю ленту очередь по паровозному котлу. Вот теперь то, что надо. Призывные гудки тут же прекратились, уступив место пронзительному свисту. Из многочисленных пробоин били струи пара.

Отец Георгий оценивающе посмотрел на расстрелянный паровоз. Теперь его долго латать будут. Эх, жалко гранатомёта нет, а то бы разнёс вдребезги. Хотя в принципе, конечно, можно ещё добавить. Но всего одна лента осталась, а патроны пригодиться могут. Тем паче и так сделал всё, что мог, если не сказать больше, чем мог. Паровоз — в дуршлаг, мост повреждён, танки в лучшем случае отправят на завод для ремонта, а в худшем — на металлолом. И это сделал он один!

Ладно, полюбовался и хватит. Как говорится, хорошего понемножку. Отец Георгий взвалил на плечи пулемёт и быстрым шагом направился на запад, чтобы сбить со следа возможную погоню, справедливо полагая, что немцы припишут диверсию какой-нибудь выходящей из окружения воинской части и начнут поиски в восточном направлении. Он был безмерно доволен случившимся. Ещё бы! Сегодня ему в одиночку удалось нанести колоссальный урон врагу. Пустить под откос эшелон с бронетехникой — это ведь... Даже если он ничего больше в этой войне сделать не сможет, и то его сегодняшний вклад в будущую победу уже немалый.

Пять часов вечера, или, по-военному, 17.00. Всё, привал. Отец Георгий в изнеможении опустился на землю. И так два часа по лесу петлял, путая следы на случай, если с собаками искать станут. Хотя, может быть, и не стоило так осторожничать. Ну кто на диверсанта-одиночку подумает? Тем более сапоги немецкие. Но, с другой стороны, ещё не факт, что немцы только версией окруженцев удовлетворятся и облаву по всем правилам не устроят. А вот тогда-то его осторожность и будет более чем кстати. Не зря же наиболее эф-

фактивно действовавшие партизанские отряды, такие как соединения Ковпака и группа ОСНАЗа «Ходоки», использовали именно эту тактику. Максимальная подвижность и максимальная маскировка. Никаких долговременных партизанских баз и скронов. Ударил, отошёл, исчез. Вот и он так же действовать будет и в одиночку, и с отрядом — по возможности всё время в движении. Пусть поищут. Вдали вдруг послышался всё нарастающий шум автомобильного мотора. Отец Георгий насторожился: облава? Хотя нет, вряд ли — лая собак не слышно. Но тогда что? Может, дорога рядом. Сверился с картой — да, есть грунтовка от ближайшей деревни к шоссе, мимо озера идёт. Шум мотора неожиданно смолк. Так, остановились. Причём, судя по звуку, машина одиночная и находится где-то в районе озера, а это значит, либо сломались, либо рыбку ловят.

А что — это идея: охота на рыбаков! Не эшелон с танками, конечно, но на безрыбье и рак рыба. Боеприпасы к тому же пополнить не мешает, хотя бы ещё одну ленту к пулемёту заполучить и пару гранат. С этой мыслью отец Георгий направился в сторону источника звука.

Его предположения о цели визита немцев к озеру оправдалось лишь частично. Нет, немцы не рыбачили. Они купались, и было их не два и не три, а целых двенадцать. Да ещё вместо грузовика БТР с пулемётом. Правда, не колёсно-гусеничный, а просто колёсный, но от этого ненамного легче. Пулемёт, девять винтовок и три автомата под прикрытием брони. Перевес сил явно не в его пользу. Стоит ли игра свеч? Или всё же попробовать? Ведь немцы сейчас расслаблены и нападения не ожидают. Но тут совершенно неожиданно в ход событий вмешался случай. Вдруг один из немцев вылез из воды и, отряхнувшись, направился в сторону леса, но не в ту, где скрывался отец Георгий, а в противоположную. И куда это он? Вопрос остался без ответа по той простой причине, что не успел немец дойти до опушки леса, как оттуда загремели выстрелы. Один, второй, третий! Стреляли явно из винтовок, Этого отец Георгий никак не ожидал, да и немцы тоже. В общем, пока длилась немая сцена, неизвестные стрелки, скорее всего партизаны, успели завалить, кроме первого «путешественника», ещё пятерых оккупантов. Но на этом всё и кончилось. Оставшиеся в живых немцы успели добраться до сложенного на берегу оружия и открыли ответный огонь, причём один из них по небольшой ложбине пополз к БТРу с явным намерением пустить в ход пулемёт.

«Так! А я чего ворон считаю? Своим помогать надо, — подумал отец Георгий и взял на прицел ползущего к БТРу немца, который сейчас был наиболее опасен. Короткая очередь. Готов. Теперь остальные. Промашнуться менее чем с полусотни метров по пятерым неподвижным целям было невозможно. Немцы отправились на тот свет, очевидно, так и не поняв, что попали в огненный мешок. Ведь по ним с тыла вел огонь их родной «MG-34», звук которого они прекрасно знали. Поняли или не поняли — неважно. Стрельба с их стороны прекратилась. Над озером повисла звенящая тишина.

«Ладно, пойдём знакомиться с товарищами», — решил отец Георгий. Подхватив пулемёт и машинально отметив, что на этот раз, ведя огонь короткими очередями, он расстрелял только треть ленты, он вышел на берег озера.

Так, и где же товарищи? А вот они. Навстречу, держа в руках трофейные винтовки, вышли трое. Но не партизаны, окруженцы. Два офицера, или, как принято говорить в этом времени, два командира и девушка-санинструктор. Тот, что постарше и слегка хромает, судя по всему, комиссар, решил отец Георгий. На рукаве красная звезда нашита. Причём комиссар от авиации, с синими петлицами. Второй примерно его возраста, петлицы зелёные, должно быть, пограничник или что-то в этом роде, если учесть, что у него фуражка с васильковым околышем. А санинструктор не иначе как из студенток, ей лет двадцать от силы, видать, с начала войны мобилизована. Ей бы сейчас не воевать, а с мальчишками в парке культуры и отдыха имени Горького под духовой оркестр прогуливаться...

Окруженцы представились:

— Здравия желаю! Комиссар Ульянов Иван Тимофеевич.

— Сержант госбезопасности Шилов Алексей Владимирович, особый отдел Западного пограничного округа.

— Санинструктор Ёжикова Наталья Николаевна.

«Во влип — НКВД и советская власть в одном флаконе, — растерянно подумал отец Георгий. — А я без документов. И как же мне теперь? Мне же тоже назваться надо». И вдруг совершенно неожиданно для себя выдал:

— Жора-партизан, — но, увидев на себе удивлённо-настороженные взгляды, тут же добавил: — Медведев Георгий Владимирович. А на одежду, сапоги и ранец не смотрите, они, как и оружие, трофейные.

— Партизан! — обрадовалась санинструктор. — А до места расположения вашего отряда далеко? Товарищ комиссар ранен, правда, не тяжело — ноги осколками посекло. Но идти может с трудом.

— Нет у меня отряда... — вздохнул отец Георгий. — Один партизану пока...

Особист с комиссаром переглянулись.

— Товарищи! — отец Георгий решил взять инициативу в свои руки. — Тут до шоссе километров пять, не больше. Стрельбу могли услышать, так что предлагаю все объяснения оставить на потом, а сейчас уходить надо. И если вы, товарищ комиссар, идти не можете, давайте попробуем уехать на БТРе хотя бы на несколько километров. Лес не очень густой, а у этой машины проходимость хорошая. Да и следы запутать удастся. Кто же подумает, что партизаны или окруженцы бронетранспортёром воспользовались?

— Согласен, — кивнул комиссар. — Только трупы в озере надо утопить, чтобы фрицы сразу не поняли, что к чему.

— Ну, это само собой, — улыбнулся отец Георгий, — рыбам ведь тоже кушать надо.

«Уборка местности» заняла не более пяти минут. Убитых немцев сбросили в озеро, а трофейное оружие, за исключением трёх автоматов, которыми тут же взамен винтовок вооружились окруженцы, сложили в кузов БТРа, решив прихватить с собой на всякий случай.

Вроде всё — отец Георгий внимательно оглядел берег. Хорошо они с особистом поработали. С первого взгляда и не скажешь, что менее десяти минут назад здесь шёл бой. Ладно, едем. Он залез в кабину.

— Уверен, что сможешь управлять? — с тревогой в голосе спросил сидящий на соседнем сиденье комиссар.

— Попробую. На полторке ездить приходилось, — пожал плечами отец Георгий.

«Вернее, на «Зиле Бычок», — закончил он про себя. — БТР вряд ли сложнее. Главное — завести». Внимательно осмотрел приборную панель. Да, конечно, никакого ключа зажигания здесь не будет. Запуск, скорее всего, от простого тумблера или кнопки. Что же, применим метод тыка. Двигатель завёлся с третьей попытки. Ну вот и отлично. Передачу на первую скорость — и поехали. Развернувшись и проехав в сторону деревни по грунтовке, отец Георгий свернул в лес и повёл БТР в западном направлении, отрабатывая тем самым свою утреннюю стратегию маскировки. Пусть на востоке ищут, а мы в другую сторону.

Предположение отца Георгия о проходимости бронетранспортёра через лес вполне себя оправдало. Правда, ехать пришлось крайне медленно, постоянно объезжая деревья, в результате чего скорость движения не превышала скорости пешехода, но это было всё же быстрее, чем идти пешком, подстраиваясь к возможностям передвижения раненого комиссара. Так ехали минут сорок, как вдруг неожиданно сверху послышался шум авиационных моторов и интенсивная пулемётная стрельба.

Отец Георгий резко затормозил и, высунувшись из кабины, глянул вверх. В небе кипел воздушный бой. Три «Мессершмитта ВФ-109» гонялись за «ИЛ-2». Поочередно атакуя, они пытались зайти нашему штурмовику в хвост. Но это было не так-то просто. Пилот «ИЛа» крутил высший пилотаж, каждый раз уходя из-под огня. Очередная атака. Разогнавшись на вертикали, «Мессершмитт» дал очередь, но за мгновение до этого штурмовик крутнул бочку, и пулемётная трасса прошла далеко за его хвостом. «Мессершмитт» отвалил в сторону, уступая место своему товарищу, но штурмовик снова крутнул бочку, и четыре пункта пулеметно-пушечных трасс буквально разорвали «Мессершмитт» на куски. Немец, занимавший как раз позицию для атаки и явно не ожидавший такого поворота событий, резко уйдя в сторону, сорвался в штопор, из которого так и не вышел, попав под очередной залп штурмовика. Но на этом везение нашего лётчика закончилось. Сверху его атаковал третий «Мессершмитт», буквально прошив пулеметной очередью от винта до хвоста.

Всё, конец, — подумал отец Георгий. — Кабину наверняка вдребезги, а это значит... Но он ошибся. Оставляя за собой широкий дымный шлейф, штурмовик начал набирать высоту.

— Сейчас прыгать будет, — произнёс комиссар. — Один двоих истребителей завалил, мастер.

И верно — от гибнущего самолёта отделилась едва заметная точка и понеслась к земле. Сердце отца Георгия учащённо билось: что с парашютом, почему не раскрывает? А, вот есть — в небе возник купол, и в тоже мгновение на него ринулся «Мессершмитт», пытаясь расстрелять сбитого лётчика в воздухе. Не тут-то было! Очевидно, висящий под куполом пилот был не только мастером воздушного боя, но и прекрасно умел управлять парашютом, потому что сумел, стянув стропы, уйти из-под обстрела, а «Мессершмитт» не решившись повторить атаку на малой высоте, исчез в облаках. Ве-

тер нес лётчика прямо в сторону отца Георгия и окруженцев. Ещё каких-нибудь две минуты, и он, зацепившись куполом за ветви деревьев, повис на стропях в нескольких метрах от БТРа.

— Саша! — вдруг завизжала санинструктор и, выпрыгнув из кузова, бросилась к только что приземлившемуся лётчику. — Ты как — не ранен, всё в порядке?

— Я-то не ранен, — последовал удивлённый ответ. А вот ты, Ёжик, что здесь делаешь?

— Ну я, как и ты, воюю. Товарищ комиссар, — санинструктор вся аж светилась от радости, — это мой Сашенька.

— Знаю, знаю, — комиссар улыбнулся.

— Лейтенант Лукашевич, комэск третьей эскадрильи нашего авиаполка, — представился лётчик.

— Хорошо летаешь, Саша, поздравляю с двумя сбитыми.

— Спасибо, товарищ комиссар, — лётчик тоже улыбнулся. — Но я не пойму, как тут оказалась Наташа.

— Сашенька, я сейчас всё объясню, — тут же влезла в разговор санинструктор. — В общем, я из Ленинграда возвращалась, когда война началась. Пути разбомбили, пришлось идти пешком, потом на ближайшей станции воинский эшелон стоял, его тоже бомбили, а я всё-таки один курс медучилища окончила и в ОСОАВИАХИМе тоже занималась, вот меня и зачислили в медслужбу. Потом с боями отступали, раненых с поля боя выносила, из пулемёта стреляла... Ну, как и все. А теперь вот из окружения выходим, трое нас из всего батальона осталось: я, товарищ комиссар, товарищ сержант госбезопасности и дядя Жора ещё. Он здесь партизанит, помог нам сегодня утром от немцев отбиться.

— Так, понятно, — лётчик, отстегнувшись от подвески, сдёрнул с дерева парашют.

— Лейтенант, до передовой далеко? — поинтересовался особист.

— Километров двести, — после короткого раздумья ответил лётчик.

— Как двести?! — комиссар аж подскочил от такого ответа. — А ты ничего не путаешь?

— Если и путаю, то в меньшую сторону, — вздохнул лётчик. — Это утренние данные, они у меня на карте, сами можете убедиться, — он хлопнул себя по висящему на боку планшету. — А немцы до полусотни километров в день проходят, вот, посмотрите.

Лётчик, закончив сворачивать парашют, расстегнул планшет.

— Не надо, — отмахнулся комиссар. — Двести или ещё на полсотни больше, это для нас уже не важно. Тут недели две хода для здорового человека, а я в обе ноги ранен и, как твоя Ёжик сказала, ещё дня три, а может и все пять, ходить нормально не смогу. Вот и выходит, что даже если немцев, к примеру, сегодня остановят, и то нам, как ты сказал, сколько шагать до передовой!

— А как оперативная обстановка? — перебил монолог комиссара особист. — Когда наступление начаться может?

— Насчёт наступления не знаю, — пожал плечами лётчик. — Даже слухов нет. По всем направлениям идут тяжёлые оборонительные бои с многочисленными прорывами фронта. Нас так на уничтожение танковых и моторизованных колонн кидают. Причём не только штурмовиков, но и истребителей «И-16» с РСами, а также «СУ-2», «СБ», «Пе-2». В общем, всё, что найдётся. Так что вы меня, товарищ сержант госбезопасности, не поймите неправильно, но наступления в ближайшее время не будет.

— Не пойму, — процедил сквозь зубы особист. — Я уже почти месяц от самой границы с боями пячусь, так что реализм от паники отличать хорошо научился. Ещё что сказать можешь?

— Да, в общем-то, это всё, — снова пожал плечами лётчик. — У меня вот к вам вопрос. Если вы с партизанами соединились, то зачем же опять к линии фронта вдруг снова идти вздумали? Не лучше ли здесь остаться?

— Не лучше, не лучше, — замотал головой комиссар. Потому как, во-первых, партизан здесь нет, а это, — краткий кивок в сторону отца Георгия, — всего лишь боец-одиночка. А во-вторых, мы люди военные и воевать должны в составе регулярной армии. Да, конечно, если учитывать нашу сегодняшнюю ситуацию, мы бы могли здесь остаться и партизанить начать, но как без приказа?

— Есть такой приказ, — неожиданно заявил лётчик. — Нам на политинформации зачитали. Принято решение по возможности даже посредством листовок с воздуха проинформировать население и малочисленные окружённые воинские части о необходимости формирования партизанских отрядов и ведения вооружённой борьбы в немецком тылу.

— Вот оно как?! — обрадовался комиссар. — Так это в корне меняет дело. Мы впятером как раз под этот приказ подходим. Спасибо, Саша, за информацию. Тем более что и оружие имеется, кроме нашего, ещё двенадцать винтовок и пулемёт с бронетранспортёра

в придачу. На два десятка бойцов хватит. Всё! Залезай в кузов, едем дальше.

— А я предлагаю БТР бросить, — неожиданно заявил особист. — От дороги мы уже километра на три-четыре отъехать успели, и если немцы серьёзные поиски начнут, то они бронетранспортёр по следам что в трёх, что в пяти, что в десяти километрах найдут. А мы если на нём ещё в глубь леса продвигаться будем, только зря время потеряем. Всё оружие и патроны взять с собой не получится. Лучше в брезент, что в кузове лежит, завернуть от дождя и спрятать где-нибудь поблизости. Ну а мы налегке отойдём как можно дальше, там временную базу устроим, пока у вас, товарищ комиссар, ноги не заживут. А уж потом партизанить начнём.

— Разумно, — согласился комиссар и, морщась от боли, вылез из кабины БТРа.

— Александр, если из парашюта носилки сделать, они человека выдержать смогут? — поинтересовался у лётчика отец Георгий, решив, что, раз их теперь пятеро, то двое могут нести оружие, а двое — раненого. Тем самым ускорить движение по лесу.

— Выдержат. Особенно если мы его стропами дополнительно укрепим, — подтвердил лётчик.

— Да не надо меня нести, я сам пойду! — запротестовал комиссар.

— Надо. Это я вам как врач говорю, — тут же заявила санинструктор. — Хотя раны и поверхностные, но всё же ноги поберечь стоит, иначе процесс лечения может затянуться.

— Ну раз надо, то надо, с медициной спорить нельзя, — улыбнулся комиссар. Ладно, начинаем движение.

Сборы в дорогу длились недолго. Пока лётчик с санинструктором готовили носилки для комиссара, отец Георгий с особистом в полусотне метров от БТРа выкопали яму, куда и сложили ненужное пока трофейное оружие и боеприпасы, аккуратно упаковав брезентом от дождя. После чего яму закопали, прикрыв для маскировки сверху дёрном и сухой травой.

«А бронетранспортёр немцам целым оставлять нельзя, — вдруг неожиданно подумал отец Георгий. — Из строя вывести надо, но как? Шины проколоть или, может... Ну да, точно». Он достал из за пояса гранату и открыл крышку капота.

— Ой, дядя Жора, а что это вы делаете? — удивлённо спросила санинструктор.

— Сюрприз готовлю, — отец Георгий улыбнулся. — Немцы мотор запустят и получают капитальный ремонт с заменой двигателя. А то и...

— Но если учесть здешние места, то он здесь и останется навсегда, — закончил за отца Георгия лётчик. — Ну что — идём?

И они углубились в лес.

Глава 5.

Отряд

— Стойте! — шедший впереди отряда особист остановился и поднял руку в знак внимания. — Шум слышите?

Отец Георгий напряг слух — да, действительно, из глубины леса чуть правее направления их движения, раздавалось едва уловимое ритмичное журчание. Что это? На шаги идущего человека не похоже. Так ведь это...

— Ручей рядом, — произнёс лежащий на носилках комиссар.

— Я сейчас, — сержант-особист скрылся в зарослях, но меньше чем через минуту вернулся: — В десяти метрах отсюда родник. Маленький совсем, но для нас хватит.

— Вот и отлично! — обрадовался комиссар. — Вода рядом, значит, привал как минимум до утра, а там посмотрим, стоит ли уходить, или здесь до моего излечения останемся.

Привал так привал. Отец Георгий, сняв ранец, опустился на землю. Все остальные последовали его примеру. Почти четырёхчасовой переход, считай, со сверхполной выкладкой в виде транспортировки раненого был крайне утомительным.

— Ёжик, как у нас с продуктами? — поинтересовался лётчик у санинструктора.

— Да есть немного, — вздохнула Наталья. — Хлеб, тушёнка, каша перловая. Но надо экономить, народу-то прибавилось.

— У меня десять банок трофейных мясных консервов с саморазогревом, — улыбнулся отец Георгий. — Колбаса копчёная — её в первую очередь съесть надо, чтобы не испортилась, а ещё две галеты и сыр.

— Ой, колбаска! Я её уже целый месяц не кушала. И бутерброд с сыром, — санинструктор расплылась в улыбке.

— Да, богато живут местные партизаны, — резюмировал особист. — И где же это ты, Жора, так отоварился?

— Ну как где? У мотоциклистов немецких, — отец Георгий снова улыбнулся. — И цена небольшая — всего семь патронов на двоих. Но это моя последняя покупка была, а до этого с офицером немецким на ножик столковались. У него, кстати, я, кроме продуктов, ещё и картой здешних мест обзавёлся. Так что, как говорится, дела идут, грех жаловаться, пока что в прибыли.

Все при этих словах чуть не лопнули от смеха.

— Ладно, пошутили — и хватит, — комиссар стал серьёзным. — Значит, с продуктами порядок, во всяком случае, на три-четыре дня хватит, а потом разберёмся.

— Товарищ комиссар, здесь километрах в пятнадцати брошенная деревня есть, — прервал комиссара отец Георгий. — Там продуктов в погребах полно, сам видел.

— Деревня брошенная — это хорошо, — протянул комиссар. — А где точно? — он развернул карту.

— Вот здесь, — отец Георгий показал искомое место.

— Да, действительно недалеко, — согласился комиссар. — По прямой километров пятнадцать будет, а стало быть, завтра налегке с лейтенантом Лукашевичем сходите за продуктами.

— Почему не троём? — удивился особист. — Мы же больше сможем принести.

— Можете. Но ты мне здесь нужен. Пока они ходить будут, мы с тобой организацию партизанского отряда обдумаем. Как, чего и что — это ведь по твоей части.

— Да, по моей, — кивнул особист. — Я тут уже кое-что в уме прикинул.

— Ну и отлично, — подытожил комиссар. — Значит, план действий на завтра готов. А теперь ужинать давайте, а трофейные консервы лучше побережь на крайний случай, пригодиться могут. Листва густая, можно костерок разжечь — сверху не увидят. А немцы до утра в лес не сунутся, они по ночам не воюют, так что отдохнём нормально.

После того как ужин был закончен, комиссар произнёс:

— Ну что, Жора, мы вас слушаем. Кто вы? Откуда? Давно воюете? Как сюда попали? В общем, всё по порядку. Да и документы посмотреть надо, если сохранились конечно.

— Не сохранились, — вздохнул отец Георгий. — Ни документов нет, ни вещей.

И он выложил давно заготовленную историю, суть которой сводилась к тому, что после бомбёжки поезда в первый день войны от прямого попадания бомбы погибла вся его семья — жена и двое детей. Ну и, конечно же, сгорели все вещи, а сам он чудом остался жив, поскольку перед налётом пошёл к знакомому проводнику в другой вагон. Про семью отец Георгий придумал специально, решив сыграть на жалости. Кому же приятно ещё и ещё раз вспоминать про гибель близких, повторяя одно и то же? А раз так, то и лишних вопросов о его прошлом задавать не будут, шанс проколоться меньше.

— В общем, надо было ещё на пару дней в Ленинграде задержаться, — снова вздохнул отец Георгий. — Тогда бы домой во Псков доехали точно, а так...

— Ну, это ещё не факт, — возразил комиссар. — Тут ведь, Жора, дело случая. Не одно, так другое могло случиться. Псков-то уже под немцами.

«Это точно, под немцами, вот и попробуйте проверить, отсюда я или нет», — удовлетворённо подумал отец Георгий.

— Так, ладно, — комиссар достал блокнот. — Адрес, место работы.

Ну, с этим совсем просто. Адрес отец Георгий назвал почти наобум. Был совсем недавно во Пскове по своим личным делам, вот и припомнил одну из тамошних улиц. А место работы — электрик на железнодорожной станции. Ведь в электричестве на бытовом уровне все современные люди разбираются достаточно хорошо, а диплома от него, конечно, никто не потребует. А дальше отец Георгий сделал паузу, как бы собираясь с мыслями.

— Почти неделю у добрых людей в ближайшей деревне от контузии отходил, а как нормально себя почувствовал, к своим к линии фронта пробираться начал. Да вот только я к ней, а она от меня — чуть ли не целый месяц в догонялки играть пришлось. Потом понял, что бесполезно это, немцы-то по полсотни километров в день, оказывается, проходят. Здесь решил остаться и партизанить начать, тем более что картой по случаю обзавёлся. Вот и всё.

— Значит, это ты сегодня эшелон на мосту подорвал? — неожиданно произнёс молчавший до этого особист.

— Я, — отец Георгий сказал раньше, чем подумал. — А вы откуда знаете?

В воздухе повисла тишина.

— Знаем, — наконец нарушил молчание комиссар. — Я, — краткий кивок в сторону особиста, — сержанта на разведку отправил.

Мы через железную дорогу перейти собирались. Ну так он вернулся и доложил, что видел, как человек в маскхалате мост заминировал и эшелон с танками под откос пустил, а потом ещё из пулемёта дал по паровозу. Так вот мы сошлись во мнении, что это наш ОСНАз действовал, только понять не могли, почему на мосту один человек работал. Но чтобы гражданский, да ещё и без военной подготовки в одиночку целый эшелон в реку опрокинул — это ведь...

— Да я и не думал, что получится, — честно признался отец Георгий. — Просто попробовать решил — а вдруг повезёт? Охрана ведь всего из шести человек была, а меня маскхалат хорошо укрывает, близко подобраться можно. Ну, я с дерева из пулемёта всех и положил одной очередью. Вот только не был уверен, что гранат хватит. Все, что были, восемнадцать штук, истратил, но получилось.

— Орден Красной Звезды — и не меньше, — прервал отца Георгия собеседник.

— Согласен, — кивнул комиссар. — Медали «За отвагу» слишком мало. Наташенька, помоги мне встать, — обратился он к санитару.

Все присутствующие тоже поднялись с земли.

— Медведев Георгий Владимирович! — торжественным тоном произнёс комиссар. — За уничтожение эшелона с вражеской бронетехникой вы представлены к высокой правительственной награде — ордену Красной Звезды.

— Служу Родине и трудовому народу... — услышал отец Георгий шёпот лётчика.

Да, именно так.

— Служу Родине и трудовому народу! — громко и чётко повторил отец Георгий.

Хотя напоминание этой сакральной фразы для него было излишним. Образование историка, как говорится, обязывало помнить её, но именно в этот момент он прочувствовал и понял цену боевых наград, их ценность для ветеранов. Потом были и другие награды, за другое, но эта, первая, оставалась в памяти навсегда.

— Поздравляю, Жора, — комиссар улыбнулся и пожал отцу Георгию руку, — от всей души поздравляю. Приказ оформим немедленно за номером один. По партизанскому отряду. Да, кстати, товарищи, как будет называться наш отряд? Название придумать надо и список составить, чтобы всё как положено. — Комиссар опустил глаза на землю. — Итак, у кого какие идеи по поводу названия?

— А пусть дядя Жора назовёт, — предложила санинструктор, — ведь он же у нас сегодня герой.

— Я герой? — удивился отец Георгий. — А вы-то чем хуже? Месяц уже воюете, в настоящих боях бывали, где война настоящая, не то что тут — безответная пальба из кустов и взрыв поезда по чистой случайности...

— Товарищ Медведев, — нарочно, как можно более официальным тоном произнёс комиссар. — Я, конечно, понимаю, что скромность — неотъемлемая черта каждого советского человека. Но не до такой же степени. И потом, — он сделал паузу. — Как говорили в старину, барышня просит.

— Ладно, сдаюсь, — отец Георгий улыбнулся. Если уж барышня просит, тогда предлагаю назвать наш партизанский отряд так — «Народные мстители».

— Хорошее название, в самую точку, — тут же высказал своё мнение комиссар. — А главное, очень точно политически момент подмечен. Ведь партизаны есть армия народа, мстящая оккупантам. Предлагаю данное название утвердить. Кто за?

Пять поднятых рук.

— Ладно, — комиссар сделал пометку в блокноте. — Теперь список, — и он быстро переписал всех присутствующих. — Жора, твои дата и место рождения, — обратился к отцу Георгию комиссар.

- 23 июля 1908 года. Псков, — отец Георгий ответил, как есть. Не видя особого смысла скрывать, только год от 1941-го на 33 единицы сдвинул. А вот где родился... Тут правду было лучше не говорить, и не потому даже, что этот город сейчас, в 41-м, Сталинградом, а не Волгоградом называется, а потому, что это пока ещё тыл глубокий, и, стало быть, при желании вполне можно справки соответствующие навести. Так что пусть уж его тутошнее место жительства местом рождения и будет.

«23 июля 1908 года», — начал писать в блокноте комиссар, и вдруг рука его замерла. — Подождите, так ведь сегодня...

— Да, 23 июля, — подтвердил отец Георгий, — мой день рождения. 33 года исполнилось. И, увидев удивлённые взгляды, пояснил: — Не время сейчас именины отмечать, война идёт.

— Не согласен, — возразил комиссар. — Война войной, а человек человеком. Так что, Георгий Владимирович, примите поздравления от всех нас... Ладно, — продолжил комиссар, снова открыв блокнот. — Как я понимаю, беспартийный?

Отец Георгий кивнул.

— Тогда вот что, Жора. Пиши заявление. Здесь два коммуниста. Примем сразу, без кандидатского стажа. Он тебе подорванным эшелонам зачтётся.

«Так, началось, — вздохнул про себя отец Георгий. — Предложение о приёме в члены ВКП(б)». Этого он ждал и боялся одновременно, исключительно потому, что именно здесь во весь рост вставало противоречие, которое имелось между ним и этой эпохой. Ведь он верующий, да не просто верующий, а священнослужитель Русской православной церкви. Пусть и де-факто лишённый сана, но никак не веры в Бога, а раз так, то ни о каком вступлении в ряды партии большевиков и речи быть не может с одной стороны. А с другой — во время войны Русская православная церковь и ВКП(б) действовали как бы заодно. Ну, в смысле борьбы с фашизмом. И, стало быть? Да и потом — прямой отказ от вступления в партию может плохо сказаться на его теперешнем положении, что крайне нежелательно. И как же в таком случае быть? Выход из возникшей ситуации нашёл отец Георгий ещё прошлой ночью, когда разрабатывал план своей легализации в этом времени. И заключался он в простом принципе: если знаешь, что откажут, не отказывайся сам.

— Товарищ комиссар, за предложение спасибо, но... — отец Георгий сделал паузу. — Боюсь, что вы меня в члены ВКП(б) не примете.

— Это почему же? — искренне удивился комиссар.

— Ну дело в том, что... В общем, я верующий.

— Что? — на лице комиссара появилось такое выражение, будто он впился зубами в самый кислый в мире лимон.

Да-да, в Бога верю, — подтвердил отец Георгий.

Комиссар был явно растерян и только часто-часто моргал глазами, не зная, что сказать. Надо было срочно спасти ситуацию, и отец Георгий сделал ход конём, решив тем самым повернуть разговор в другое, абсолютно иное русло. Не говоря ни слова, он открыл ранец, вынул консервы, а потом извлёк коробку с иконой и извиняющимся тоном произнёс:

— Товарищ комиссар, товарищи, тут такое дело, раньше хотел сказать, да всё времени не было. В общем, я...

В багрово-красном свете догорающего костра сверкнул золотой оклад, заискрились драгоценные камни, а повисшая кругом тишина, казалось, стала ещё гуще.

— Откуда? — наконец выдавил особист.

— У немца в ранце была, — ответил отец Георгий. — У того самого, у которого я карту, автомат и маскхалат с сапогами забрал.

— Можно? — комиссар протянул руку.

— Да, конечно, — отец Георгий передал икону комиссару.

Тот долго её разглядывал, а потом произнёс:

— Страну грабят, фашисты... — и выразительно посмотрел на особиста. — Это, сержант, по твоей части. Всё, как есть, зафиксируй, протокол составь. Жору об обстоятельствах дела допроси, не мне тебя учить. Об этом случае обязательно в Москве знать должны.

— Товарищ комиссар, а она что — из золота? — поинтересовалась санинструктор.

— Да, Наташенька, из золота и с драгоценными камнями. Историко-культурная ценность и народное достояние.

Икона пошла по рукам и, сделав круг, снова оказалась у отца Георгия.

— Значит так, Жора, — подытожил комиссар. — Если икону спас и в Бога веришь, то тебе её и хранить. При первой же возможности переправим на Большую землю, поскольку это предмет не только религиозного культа, но и, как я уже сказал, историко-культурная ценность. А теперь, — комиссар сладко зевнул, — отбой. Часовые сменяются каждые два часа. Медведев, Шилов, Лукашевич. Я и Ёжикова под утро.

— Товарищ комиссар, вы ранены, а потому должны полноценно отдыхать.

Комиссар открыл рот, чтобы возразить, но, так ничего и не придумав, произнёс:

— Ладно, дежурство по два тридцать. — И передал отцу Георгию часы со светящимися стрелками. — Всем спать.

Сон почти мгновенно сморил уставших донельзя людей. Не спал лишь отец Георгий, исполняя обязанности часового. Это была его вторая ночь в новом времени. Вторая ночь на войне, и вот сейчас, оставшись наедине с самим собой, можно было подвести первые итоги. Уже партизан, уже пулемётчик в составе отряда, уже эшелон с танками подорвал и за то к награде, ордену Красной Звезды представлен. И это за неполные двое суток. Что же, для начала совсем неплохо. А что завтра будет? Доживёт ли он до конца войны, или... Ведь на войне каждый день может стать последним. Да может, конечно, но пока он живой, будет бить врага где сможет и как сможет. А там на всё воля Божья.

— У-у-у, — санинструктор вдруг задёргалась и жалобно застонала во сне.

«Кошмары снятся», — догадался отец Георгий. Да, такое с фронтовиками часто бывает. И на войне, и многие годы потом. Вот и у Натальи тоже. Эх, был бы он не историком, а психологом, нашёл бы способ, как Ёжику помочь. Ёжику, как зовёт лейтенант санинструктора. Ёжиком называет, ну прямо как протоиерей Александр свою жену матушку Наталью. Так ведь. У отца Георгия перехватило дыхание. Неужели они? Быть этого не может! А впрочем, почему не может? Оба участника войны, оба из Минска. Причём протоиерей Александр лётчиком в штурмовой авиации был, а матушка Наталья — санинструктором, и в начале войны партизанили оба, и возраст подходит, разница в пять лет, а даты рождения одинаковые — 1 сентября. Вот это встреча! Бывает же такое! Отец Георгий невольно улыбнулся, неожиданно поймав себя на мысли о том, что он приобрёл дар пророчества. Да-да, именно дар, и никак иначе. Ведь ему абсолютно точно известно, что произойдет в этом мире в последующие 72 года в целом вообще и с отдельными людьми в частности. Ну с Александром и Натальей, к примеру. Вот бы им всё рассказать — какая бы радость им была узнать о том, что на войне не погибнут, семья у них будет, дети, внуки, правнуки. Всё бы сейчас легче было. Ведь он так всегда легче, если о хорошем конце знаешь. О хорошем...

Раскрученная воспоминаниями память выдала очередную порцию информации, от которой у отца Георгия всё похолодело внутри. Ведь если это они, а тут сомнений нет никаких, то Наталью ногу отрежут по ранению. Какой ужас! Его снова передёрнуло, как от удара током. И что же теперь делать? Всю, как есть, правду рассказать? Исключено. Предотвратить, в ход событий вмешавшись, — не вариант. Во-первых, как и когда всё случится, ему неизвестно, а во-вторых, если бы и знал, то ещё вопрос, что из всего этого выйдет. Может, тогда вообще матушку Наталью на войне убьют. Ну и, наконец, самое главное. Можно ли в принципе, из будущего в прошлое вернуться, историю изменить? Так-то одному Богу известно, а раз так, вот и выходит, что не столько сладок и приятен дар пророчества. А делать-то что?

Долго думал отец Георгий, пытаясь найти наиболее щадящий вариант, и, наконец, решил. Надо подготовить Наталью к тому, что случится, мягко, исподволь, постепенно, по мере сил и возможностей, чтобы не так больно было.

Глава 6.

Лицо войны

— Товарищ лейтенант, смотрите. Что это? — отец Георгий остановился и указал на висящий среди ветвей деревьев блестящий под лучами солнца белый предмет.

— Это, — Александр глянул в сторону, куда указал отец Георгий. — Это, Жора, обломок хвостового оперения самолета, и если судить по размеру, то тут где-то недалеко транспортник либо сбили, либо он сел на вынужденную.

— Так, — Александр быстро сориентировался. — Метров двести-триста на восток, не больше. Пошли посмотрим, что там осталось. Он наверняка не горел, а просто приземлился жёстко. Может, что ценное подберём.

— Пойдёмте, — согласился отец Георгий. — Тем более что это недалеко и не займёт много времени.

Они двинулись в направлении предполагаемого места авиакатастрофы. В своём предположении лейтенант Лукашевич не ошибся. Пройдя около четверти километра, отец Георгий и Александр вышли к месту падения самолёта. Но это оказался не транспортный «Ли-2», советский вариант «DC-3 Дуглас», а довольно устаревший «К-5», или «Калинин-5». Небольшая восьмиместная одномоторная машина, используемая в основном на местных авиалиниях в начале тридцатых. Крылья при падении срезало от удара о деревья, но фюзеляж, окрашенный в белый цвет, с большим красным крестом был почти цел, если не считать многочисленных пробоин от пулёмётных очередей, которые красноречиво свидетельствовали об истинной причине происшедшей трагедии.

— Санитара сбили... — произнёс сквозь зубы Александр. — Даже раненых не жалеют... Ладно, посмотрим. Там внутри медикаменты должны быть. Для нас это хорошо. Заберём и уходим.

Даже хорошо? От этих слов отца Георгия слегка покорило. Он хотел было возразить. Как же так может быть, чтобы гибель раненых людей была для них полезной? Но промолчал, потому что понял: Александр, безусловно, прав, только не по меркам мирного, а по меркам военного времени. Ведь погибшим раненым уже не помочь, а медикаменты им действительно пригодятся, чтобы жизни других раненых спасти. Вот и выходит, что польза.

— Жора, там... — Александр отшатнулся от иллюминатора и посмотрел на отца Георгия полным ужаса взглядом.

— Что там?

Отец Георгий тоже глянул в иллюминатор и остолбенел от увиденного: внутри разбитого самолёта были не раненые бойцы Красной армии. Там были дети. Тринадцать ребятишек в возрасте пяти-семи лет, сидевших по двое в креслах. Не иначе как младшую группу детдома эвакуировали. Вот почему на санитарном самолёте. Надеялись, что немцы пожалеют, а они их...

— Жора, нам надо уходить, донеслись как бы издали до отца Георгия слова Александра. — Мы уже ничего сделать не можем, только мстить.

— Саша, давай их похороним, — предложил отец Георгий. Нельзя их так оставлять.

— Нет, Жора, — после недолгого молчания возразил Александр. — Не получится, нечем могилу копать. Позже вернёмся и похороним, а сейчас уходить надо.

— Да, надо, — согласился отец Георгий. — Только я помолюсь за них.

Весь оставшийся до деревни путь они проделали в полном молчании. Внутри у отца Георгия была пустота. Ни ненависти к врагам, ни ужаса от увиденного, ни жалости к погибшим, ничего, словно ледяной холод заполнил всё его существо. А перед внутренним взором то и дело возникали погибшие в самолёте дети. Лицо войны, в которое он только что отчетливо заглянул. Но ни один кошмар не может длиться вечно. Либо человек сходит с ума от пережитого, либо психика ставит мощный защитный барьер, справляясь с ситуацией.

— Значит так, Жора, — Александр многозначительно посмотрел на отца Георгия. — О том, что мы нашли, по возвращении — ни слова. Только комиссару доложим, а остальным, особенно Наташеньке, об этом знать совсем не обязательно.

— Согласен, кивнул отец Георгий, а сам подумал: «Ей и без этого ещё столько ужасов пережить придётся, так что чем меньше знает, тем лучше».

В деревню, как ни странно, за двое прошедших суток никто из немцев так и не наведлся, о чём явно свидетельствовал стоящий на прежнем месте мотоцикл убитого отцом Георгием офицера. А ведь немцы своего должны были уже начать искать.

— Ничего странного, Жора, — возразил Александр, когда отец Георгий сказал ему об этом. — Наверняка этот офицерик всё по-тихо-

му сделать решил и заскочил сюда по пути куда-то. Вот поэтому-то его здесь никто и не ищет. Ладно, давай продукты искать, и чем быстрее всё сделаем, тем лучше.

Из продуктов решили брать только картошку, потому как найти что-либо ещё из долго хранящихся продуктов, которые можно унести с собой, в покинутой деревне было просто невозможно.

— Ну не будем же мы, в самом деле, тащить с собой по лесам бочку квашеной капусты или мешок муки, чтобы хлеб на привале печь? — сказал лейтенант Лукашевич. — Вот поэтому бульбой и ограничимся. Так, вроде всё, — он внимательно осмотрел собранное. — Продукты, спички, бумагу, топор, пилу взяли, сапёрную лопатку в мотоцикле у немца взяли. Ещё что?

— Следы убрать надо, товарищ лейтенант, — предложил отец Георгий. — Ведь немцы сюда всё равно когда-нибудь наведаются. Офицера убитого и мотоцикл найдут — сожгут деревню обязательно, а если мы тут всё спрячем, может, она и уцелеет. Будет куда людям вернуться. Да и нам самим сюда в случае чего ещё раз за продуктами прийти можно будет.

— Дельная мысль, — согласился Александр. — Значит так. Бабушку хороним в лесу, мотоцикл тоже в лес загоним, а немца... Без могилы обойдётся — волкам тоже кушать надо.

Но поступить как планировали не получилось, вернее, не совсем. Бабушку они похоронили честь по чести и даже крест поставили, а вот дальше вмешался случай. В деревню наконец-то пожаловали немцы. То ли те, которые убитого офицера искали, то ли другие — залётные, но вдруг из леса со стороны дороги совершенно отчётливо послышался шум автомобильных моторов как раз в тот момент, когда отец Георгий и Александр собирались вытаскивать из дома труп убитого офицера.

— Так, Жора, всё, уходим, его без нас с салютом в Берлине похоронят.

— Да-да, сейчас, я только... — отец Георгий быстро вынул из кармана немецкую трофейную гранату М-39 типа нашей лимонки и закрепил её запальным шнуром за спицу заднего колеса мотоцикла. — Вот теперь пускай ездят. Это им за детей в сбитом самолёте «салют» от Жоры-партизана.

Укрывшись в зарослях на опушке леса, отец Георгий и Александр стали наблюдать за дальнейшим развитием событий. Да, конечно, они бы могли с чистой совестью уйти. Дело-то сделано. Продук-

тов набрали, бабушку похоронили, сюрприз фрицам оставили. Но, во-первых, хотелось посмотреть на деяние рук своих, а во-вторых, лишние разведанные тоже не помешают. Кто и зачем сюда заявился.

Между тем в деревню вполз колёсный БТР, а за ним тентованный грузовик с солдатами, которые, как автоматы, повинувшись командам сидящего в кабине бронетранспортёра офицера, рассыпались веером вокруг остановившихся машин, занимая круговую оборону. «Мотоцикл увидели сразу, — понял отец Георгий. — Вот и думают, что на засаду напоролись. Надо же, бояться — и то хорошо. Видать, подорванный эшелон аукнулся. Дальше что?»

А дальше, отделившись от основной группы, пятёрка солдат занялась проверкой деревни и только по её окончании, убедившись в полном отсутствии противника и вообще людей, немцы занялись своим обычным в таких случаях делом — сожжением деревни, предварительно проведя повальный грабёж домов, который не дал практически никакой поживы. Оно и понятно, это же им не Европа и даже не средний российский город, где хоть что-то да можно наскрести. Русская деревня первой половины XX века. Колхоз — трудодни вместо денег, тут не до роскоши. Только самое необходимое, да и его жители унесли с собой. «Да, не повезло нам сегодня, — думал отец Георгий, наблюдая, как занимаются огнём подождённые дома. — Ещё бы с полчаса, и всё бы убрали, а так вернутся люди на пепелище. И ведь даже пулемёта нет, чтобы пройтись по этим сволочам на всю ленту. А из автомата с двухсот метров всех не положишь...» Отец Георгий обернулся к Александру:

— Товарищ лейтенант, а может, когда граната в мотоцикле рванёт, дадим пару очередей?

— Нет, Жора, не стоит. Немцев здесь два десятка и БТР с пулемётом, а нам ещё к своим продукты доставить надо. Так что пусть живут пока.

«Пусть живут те, кто после моего сюрприза уцелеет, — закончил про себя отец Георгий. — Заодно и посмотрим, на скольких одной гранаты хватит». А хватило её на многих. Причём не только на солдат, но и на технику — исключительно благодаря тому, что отряжённый для управления мотоциклом убитого офицера немец не пожелал плестись в конце колонны и глотать пыль, поднятую впереди идущими машинами, а пошёл на обгон. Вот тут-то немецкая граната, тёрочный запал которой не в пример нашей лимонке горит около шести-семи секунд, и рванула. Как всё произошло в точности,

отец Георгий не видел, поскольку в момент взрыва мотоцикл был закрыт грузовиком, но фейерверк получился знатный. Сначала взорвалась граната, и почти тут же — бензобак мотоцикла, огонь от которого перекинулся на тент кузова, и тут сдетонировал бак грузовика, превратив машину в огромный костёр, который, подобно брандеру, двигаясь по инерции, въехал в зад бронетранспортёру, из-за чего тот, свернув с дороги, врезался в дерево. Паника была полная.

— Партизанен! Партизанен! — слышались со стороны пылающих машин истошные крики. Немцы вели беспорядочную стрельбу по кустам, отражая нападение несуществующего отряда. «Так, теперь в каждую машину по гранате, очень эффективно сработает, — мысленно резюмировал отец Георгий.

— Одним словом, удачный день. Не зря в своё время рассказы ветеранов локальных войн слушал, пригодилось».

— Ну что, товарищ лейтенант, уходим? — он вопросительно посмотрел на Александра.

— Да, Жора, уходим, нам здесь больше делать нечего.

И два партизана растворились в зелени леса.

Глава 7. *Диверсант-любитель*

— Товарищ комиссар, разрешите доложить? — лейтенант Лукашевич вытянулся по стойке смирно и отдал честь. — Ваше приказание выполнено: продукты питания доставлены, во время рейда уничтожены мотоцикл и грузовик с пехотой противника, повреждён бронетранспортёр. В рейдовой группе потерь нет, расход боеприпасов — одна граната.

— Что?! — комиссар аж рот разинул. — Я же приказал...

«Да, неплохо с докладом получилось, — отметил про себя отец Георгий. — Эффектно, прямо как в театре. Хорошо это Саша придумал о происшедшем всё по форме доложить».

— Товарищ комиссар, ну мы это не специально, — как бы извиняясь, произнёс Александр. — Да, собственно говоря, оно всё само по себе случилось. Кто же знал, что одна граната, которую Жора в мо-

тоцикл убитого немецкого офицера засунул, столько дел натворить может? Рядовой Медведев, доложите об обстоятельствах боя.

— Ну вы и даёте! — покачал головой комиссар. — Действительно рейд. Ладно, учтём боевой опыт на будущее. А вот у нас, к сожалению, результат намного скромнее, — и он изложил отцу Георгию и Александру разработанный совместно с особистом план ведения партизанской войны.

Да, картина была безрадостная, и если вопрос с пополнением численного состава можно было решить довольно просто, набрав его из местных жителей, а оружие и боеприпасы использовать трофейные, то вопрос со взрывчаткой для диверсий и прочим необходимым оборудованием стоял очень остро, если не сказать больше. Ни тола, ни детонаторов, ни тем более взрывных машинок не было вообще. А без этого вся деятельность партизанского отряда сводилась к единичным вылазкам в виде налётов на тыловые колонны и прочие малозначительные элементы тыловой инфраструктуры немцев. А то, что один раз поезд удалось гранатами подорвать, так это не правило, а исключительная случайность. Гранаты слабые слишком, и замаскировать их на путях в большом количестве не получится, и даже если немцы и не увидят закладку с мотодрезины, то взрывать-то чем — не растяжкой же, как в прошлый раз?

— Поэтому, — подытожил комиссар, — как только сможем увеличить численность отряда хотя бы вдвое, придётся двоих-троих человек во главе с товарищем Шиловым отправить через линию фронта для налаживания связи с Большой землёй, чтобы всё необходимое для диверсионной работы самолётами прислали, а также инструкторов по подрывному делу и радиста. Без этого мы как без рук — ни эшелон взорвать, ни новости послушать.

— А если в качестве подрывных зарядов авиабомбы или, на худой конец, снаряды от полевых пушек использовать? — предложил Александр. — В них ведь не один килограмм взрывчатки — чем не замена толовым шашкам?

— Мы над этим думали, — вздохнул комиссар. — Достать их, конечно, можно. Но опять же — где детонаторы и взрывные машинки для дистанционного подрыва взять?

— Самим сделать, — вмешался в разговор отец Георгий.

Взгляды всех присутствующих устремились на него.

— И как же ты их, Жора, собираешься делать, а главное — из чего? — поинтересовался особист. — Ведь чтобы взрывмашинку собрать,

детали нужны. Динамо для электропитания, тумблер замыкателя, провода и, наконец, сами детонаторы, что в основной заряд вставляются. А у нас и половины из этого нет.

— И не надо, — отец Георгий улыбнулся. — Я же не собираюсь профессиональную машинку подрывника делать, а так, чтобы работала.

И он набросал на листе бумаги схему импровизированной взрыв-машинки, которую можно было собрать из подручных средств. Аккумулятор от немецкого мотоцикла, как источник энергии, тумблер для замыкателя там же открутить можно. Провода сколько угодно с линии телефонной связи можно поснимать. Детонатор — тут сложнее, но тоже выход есть. Из гильзы от крупнокалиберного патрона пулю вытащить, катушку совсем тонкого провода вокруг любого изоляционного материала, да хотя бы обычной ветки, намотать, в гильзу засунуть, а затем зажать. Чем не детонатор? Ведь в ней, в гильзе этой от патрона калибра 12,7 миллиметра, пороху немерено. Замкнул электроцепь, катушка с проводом разогрелась и как даст!..

— Молодец, хорошо придумал. Сразу видно профессионального электрика. — похвалил отца Георгия комиссар. — Что же, будем считать, что проблема с отсутствием взрывмашинки в какой-то мере решена. У кого ещё какие идеи есть, чтобы без тола обойтись, или как его вот так же методом Жоры заменить?

«Методом Жоры — что же, неплохое название», — мысленно усмехнулся отец Георгий. Но, увы, он, метод этот, в данном конкретном случае почти себя исчерпал, потому как способ выплавки тола из артиллерийских снарядов и бомб, который используют чёрные копатели, в деталях ему, Жоре, неизвестен. А дело это ой какое небезопасное. Чуть что не так — и на тот свет с гарантией. Так что лучше подобной темы вообще не касаться. Ибо от неё больше вреда, чем пользы, получиться может, если, конечно... Мысли отца Георгия упёрлись в стену его внутренних моральных установок, поскольку сознание, настроенное на творческую волну, услужливо напомнило ему о конструкции самодельного термического фугаса, про которую он слышал от одного из членов поискового отряда, офицера спецназа ГРУ в прошлом. В общем-то, ничего сложного — ёмкость с бензином да небольшой заряд. «Не «Буратино», конечно, и даже не «Шмель», но всё ж внушает», — всплыли в памяти слова ветерана всех советских и постсоветских локальных войн. «Да, внушает — мысли о Геенне огненной, — вздохнул про себя отец Георгий. — Ибо

зверство это — людей живьём сжигать. Хоть бы даже фашистов. Вот я бы никогда на такое...» — и в то же мгновение вдруг со всей ясностью осознал, что только сегодня там, возле деревни, нечто подобное устроил. Да-да, он устроил, и никак иначе, потому что именно от взрыва заложенной им гранаты мотоцикл и грузовик с солдатами сгорели. И пусть в грузовике погибли не все, иначе кто бы тогда пальбу на весь лес устроил? Но водитель мотоцикла уж точно в пепел обратился. О Господи, грех-то какой — живьём человека спалить! Пусть и без умысла, но...

Отец Георгий внутренне весь содрогнулся и на мгновение прикрыл глаза, как бы пытаясь отрешиться от всего этого кошмара. И тут же перед его внутренним взором встала картина... Нет, не горящих заживо немецких солдат. Он увидел погибших в сбитом самолёте детей. И принял решение. Должен, да, он должен рассказать про то, как сделать термофугас, а если промолчит, то погибнут не фашисты — те останутся жить. Вместо них погибнут другие, свои, а этого допустить нельзя. Ибо таковы законы войны: либо ты, либо тебя, видишь врага — убей.

— Товарищ комиссар... — отец Георгий на секунду задумался, собираясь с мыслями. У меня тут сегодня, когда немец на заминированном мной мотоцикле подорвался, идея возникла — как при меньшем количестве взрывчатки можно усилить её поражающее действие.

— И как же? — комиссар с интересом посмотрел на отца Георгия. — Давай, Жора, выкладывай, похоже, сегодня твой день.

— Нужно использовать комбинацию взрывчатки — да хотя бы гранаты — и ёмкости с бензином. Вот смотрите, — и отец Георгий нарисовал схему конструкции термофугаса, как он её понял из рассказа бывшего спецназовца.

— Ну здесь я не спец, — развёл руками комиссар. — Тут чтобы на счёт работоспособности определиться, минёр-подрывник нужен или вообще инженер по боеприпасам. Но, возможно, идея стоящая, и мы её в ближайшее время обязательно проверим, тем более что особого недостатка в бензине и гранатах у нас никогда не будет. И то и другое у немцев всегда достать можно... Кто ещё хочет высказаться? — комиссар обвёл присутствующих вопросительным взглядом. — Как я понимаю, никто. Ну что же, тогда оперативное совещание объявлю закрытым, — он глянул на часы. — Ужинать пора, тем более что у нас сегодня печёная картошка.

Глава 8.

Не было бы счастья, да несчастье помогло

Упокой, Господи, души невинно убиенных детушек. Отец Георгий вслед за особистом и Александром поднял ствол автомата, и в повисшей на мгновение над поляной тишине звонко щёлкнули три спущенных вхолостую затвора. Беззвучный салют в память погибших детей, их воспитательницы и экипажа «К-5». Да, беззвучный, стрелять нельзя, они в тылу врага, но салют должен быть, так надо, таков ритуал. Две могилы возле разбитого самолёта: в одной — воспитательница детдома и экипаж, в другой — двенадцать погибших детей. Хотя должно быть... И кто сказал, что тринадцать — несчастливое число?

В памяти отца Георгия внезапно возникла картинка прошедших суток. Поход за продуктами в деревню, сбитый «К-5», подрыв немцев, возвращение, разговор у костра и тайный доклад обо всём комиссару. Они пошли втроём, хотя это и было излишне, но особист направился с ними, он представитель следственных органов и должен всё знать. Что же, пусть так, ведь впереди Нюрнбергский процесс, и гибель детей тоже должна войти в обвинение.

А то, что произошло потом, не укладывалось ни в какие правила логики и теорию вероятности. Один из детей, маленький рыжеволосенький мальчик лет четырёх, оказался живым! И это после падения в сбитом самолёте и, как минимум, недели среди разлагающихся тел.

— Я только одним подобное могу объяснить, — заявила санинструктор, которой доставили малыша без сознания. — От всего происшедшего он впал в шоковое состояние, и это в виде защитной реакции вызвало летаргию. Вот потому и продержался так долго.

«А я ещё чудом да промыслом Божиим могу это объяснить, — подумал отец Георгий. — Ведь малыш-то наш не только не умер за эти дни, но и практически никаких травм при обстреле истребителем и падении самолёта на лес не получил. Ну разве что пара гематом на груди, так это, считай, ничто, и даже рёбра целы. И в сознание пришёл быстро, и имя своё помнит — Ваня Сидоров. Чудо да и только!

Но всё это было потом, а сначала... Две братские могилы — одну для троих взрослых, поменьше, и одну большую — для тринадцати детей — выкопали довольно быстро. Но потом должно было начаться самое страшное. Сначала, чтобы оттянуть жуткий момент, из

самолёта вытащили тела воспитательницы и двух лётчиков. Теперь дети. Первый, второй, третий, пятый восьмой, двенадцатый... Всё происходящее отдавало чем-то нереальным, напоминая кошмарный сон. Двенадцать изувеченных пулями и уже тронутых гниением детских тел легли в свежерытую могилу и...

— Жора, он живой, — неожиданно произнёс Александр, подойдя к последнему, тринадцатому малышу, одиноко сидевшему в хвосте самолёта.

— Что?! — отец Георгий глянул на ребёнка.

Не может такого быть, но никаких ранений и посмертных следов на теле, слабенький ветерок из разбитого иллюминатора слегка шевелит рыжеватые волосики, на носу и щёчках — конопушки. Так не выглядят мёртвые! Он... он... он... Их пятикилометровому марш-броску через лес с самодельными носилками, на которых лежал спасённый ребёнок, мог бы позавидовать любой марафонец. Неслись, как ураган, не разбирая дороги, по самой лучшей в мире траектории — по прямой. Только бы успеть, только бы скорее, только бы добраться до врача! Мальчик должен жить!..

— Жора, пошли, — слова Александра прервали каскад воспоминаний.

— Да-да, сейчас иду, — отец Георгий ещё раз со смешанным чувством взглянул на две свежие могилы.

С одной стороны, трагедия, а с другой? После всего случившегося, когда они во второй половине дня вернулись, чтобы завершить начатое, настроение у всех было, прямо скажем, не похоронное. Да, ничего не изменилось: погибшая воспитательница детдома, погибший экипаж и двенадцать погибших детей. Но один ребёнок живой! И не просто живой. Отец Георгий улыбнулся. Иногда дар пророчества — очень хорошая штука. Ведь вот Саша с особистом сейчас переживают, что да как с нашим крестничком сложится, а ему, выходящему из другого времени, это наверняка известно. Станет Ванечка Сидоров Иваном Александровичем Лукашевичем. Приёмным сыном будущего протоиерея Александра и матушки Натальи, и что братик у Ванечки будет и сестрёнка, и дразнить они его будут Рыжиком. Эх, рассказать бы обо всём Саше и Наташе, но... «Ладно, всему своё время, а в общем-то, сегодня исключительно удачно день пока складывается, — констатировал отец Георгий. — Всегда бы так», — и, поправив автомат, зашагал вслед за Александром и особистом в направлении партизанского лагеря.

Пять километров по лесу — много это или мало? Как утверждал Эйнштейн, расстояние есть понятие относительное и зависит в данном конкретном случае от физического и морального состояния человека. Когда идёшь со свежими силами, то не так уж и далеко. Когда надо жизнь ребёнка спасти, то тут, считай, всего один шаг шагнуть, а когда физически выдохся, да и силы моральные от всего, что было, подрастерял, вот тогда...

Особист, подняв руку, дал знак остановиться:

— Привал на час, нам торопиться некуда.

Слава Богу, отдых! Отец Георгий в изнеможении опустил на землю. Самое время — они же, в конце концов, не лошади, и так за сегодняшний день, считай, километров пятнадцать протопали да пробежали, да ещё землю сапёрной лопаткой копать пришлось. Утомительное всё-таки это дело — война, особенно для пехоты. Лётчикам вон не в пример легче. Отец Георгий посмотрел на расположившегося рядом Александра. Отлетал день — и отдыхать в землянку милости просим, а то и в уютный домик. Ежели аэродром недалеко от деревни расположен, то наверняка лётный состав по хатам расселят. Так можно воевать, но и умирать тоже, ведь лётчики в штурмовой авиации, особенно в начале войны, более двух недель не жили, а за тридцать боевых вылетов к Звезде Героя Советского Союза представлялись, услужливо выдала историческую справку память.

«Зря завидую, — вздохнул отец Георгий. — Везде свои плюсы и минусы имеются. Тем более что ему самому, человеку сугубо земному и ни разу в своём времени даже пассажиром не летавшему, попасть здесь в авиацию уж никак не светит. Разве что шофёром в автотороту, учитывая наличие навыков вождения. Но и тут неувязочка выходит. Во-первых, здешних прав нету, а во-вторых, до всего этого ещё дожить надо, года два с гаком партизана...

Да, кстати, а сколько там времени до конца привала осталось? Отец Георгий хотел было глянуть на часы, но вдруг увидел мелькнувший между деревьями силуэт человека. Это ещё кто? Рука сама потянулась к лежащему рядом автомату. Александр удивлённо посмотрел на отца Георгия, но особист поднёс палец к губам, а потом указал в том направлении, где только что был человек. Александр кивнул и тоже взялся за автомат.

Это точно не немец, сделал вывод отец Георгий, наблюдая из-за кустов за остановившимся на привал неизвестным. На лётчика или, скорее, на парашютиста похож. Шлем и комбинезон не лётные, но

наподобие, а вместо унтов — ботинки, причём явно гражданского образца. Из оружия — пистолет в кобуре, за спиной довольно большой рюкзак. А по поведению — явно не профессионал. Мы за ним полчаса шли, а он нас так и не обнаружил. Ладно, сейчас всё выясним.

— Здравствуйте. Кем будете? Что здесь делаете? — строго спросил особист, держа оружие наизготовку.

— Вот мои документы, — незнакомец попытался встать, но сержант жестом остановил его.

— Та-ак, значит, Корзун Степан Матвеевич?

— Так точно. Направлен для установления связи с подпольем и помощи в организации партизанского движения в качестве радиста.

— А имя ваше в документах подлинное или?..

— Подлинное, подлинное, товарищ сержант госбезопасности, — закивал радист. — И паспорт с минской пропиской, и всё остальное моё, настоящее. Перед заброской решили, что так надёжнее, а сюда направили потому, что у меня здесь, в райцентре, родственники живут, ну и, соответственно, легализоваться будет полегче, связи нужные наладить. Но, как я понимаю, партизанский отряд уже сформирован частично из окруженцев.

Радист озадаченно посмотрел на отца Георгия, очевидно, пытаясь понять, кто перед ним — фронтовой разведчик в маскхалате или всё же партизан в трофейном немецком камуфляже. Партизан — потому как с бородой.

— Не совсем так, — особист вернул радисту документы. — Четверо нас всего, а это, — краткий кивок в сторону отца Георгия, — действительно партизан в трофейном маскхалате. Но вот только, к сожалению, пока лишь в одном лице. Так что работа нам предстоит большая. А до райцентра вашего отсюда ещё километров так с полсотни, если по прямой.

— Как с полсотни? — радист изменился в лице. — Меня же должны были совсем рядом выбросить, чтобы максимум за день можно добраться было. Куда же этот штурман... смотрел.

— А сколько ему лет, штурману этому? — поинтересовался Александр.

— Восемнадцать, а может, и того нет, — вздохнул радист. — Но всё-таки, чтобы вот так с местом выброски промахнуться! Ведь это... А хотя, может, оно и к лучшему: рация целая, сам живой и своих встретил. Так что я не в претензии.

— Ну, если не в претензии, то тогда, — особист глянул на часы, — пора идти. Мы и так сверх меры здесь задержались.

— Нет, сегодня поистине день чудес, — обрадовался комиссар. Мало того, что ребёнка спасли, так ещё и связью с Большой землёй обзавелись плюс законсервированная партизанская база под боком. Лучшего, как говорится, и желать не надо, а потому... — он на секунду задумался. — В первоначальный план действий придётся внести коррективы. Первое — поход через линию фронта группы связи отменяю за ненужностью. Второе — через три-четыре дня, как только смогу нормально ходить, переберёмся на подготовленную для нас базу, где и приступим к ведению активных действий с одновременным формированием партизанского отряда. Но это уже дело товарища Корзуна. И самое главное, — комиссар сделал паузу. — Что с малышом делать будем?

— С собой возьмём, — тут же заявила Наталья. — До базы недалеко, он не тяжёлый, я его донесу, а там присматривать буду. Пусть живёт в санчасти. И при первой же возможности самолётом в тыл в Москву к моей бабушке отправим.

— Ну то, что с собой возьмём, вопроса нет, — согласился комиссар, — а вот что он у нас на базе в санчасти жить будет... Не лучше ли его в какую-нибудь деревню к добрым людям пристроить? Ведь неизвестно ещё, сколько мы первого самолёта ждать будем, а считай, уже через месяц с небольшим холода начнутся. И потом — мы ведь на войне. Не дай Бог немцы базу обнаружат, и что тогда?

— Они и деревню сжечь могут, как вчера, — прервал монолог комиссара Александр. — А потому это ещё вопрос, где ему безопасней — с нами на базе или...

— А одежду у моему Ванечке сама сошью на любой сезон в самом лучшем виде, — твёрдым тоном добавила Наталья.

— Твоему, значит? — комиссар внимательно посмотрел на неё, обнявшую мальчика. — Ладно, будь по вашему, убедили.

— В общем-то, прилёт самолёта в некоторой степени можно и ускорить, — вмешался в разговор отец Георгий.

— Это как, Жора? — удивился комиссар.

— Если сообщить в радиограмме о том, что у нас имеется объект, который необходимо срочно переправить на Большую землю, — ответил за отца Георгия особист, поняв, на что тот намекает.

— А вот об этом сообщим в обязательном порядке. Спасибо, что напомнили.

Комиссар, посмотрев на часы, достал блокнот и, быстро набросав текст радиogramмы, передал её радисту.

— У тебя время связи через пятнадцать минут. Зашифруй и передай.

Радист пробежал глазами текст и удивленно уставился на комиссара:

— Неужели в золотом окладе с драгоценными камнями? Посмотреть можно? Можно, можно, — комиссар улыбнулся. — Жора, покажи Степану Матвеевичу икону.

«А он, судя по всему, верующий. Ну, или, во всяком случае, не полный атеист», — сделал вывод отец Георгий, наблюдая за радистом, в восхищении рассматривающим икону. Оно и понятно, ему ведь под сорок, ещё при государе императоре в России православной родился. Не всё, видать, большевистская пропаганда из людей за два десятилетия советской власти вытравить успела.

— Товарищ Корзун, время. Вам ещё шифровку составлять надо, — напомнил о брэнной реальности комиссар.

— Да, конечно, я мигом, — и, вернув отцу Георгию икону, радист начал быстро составлять шифrogramму. А через десять минут сорвавшиеся с антенны радиоволны понесли на Большую землю весть о новом партизанском отряде, возникшем в тылу врага. Одним из многих десятков и сотен отрядов, бойцы которых в ближайшем будущем превратят жизнь немецких оккупантов в настоящий ад.

Глава 9. *Пустой схрон*

— Товарищ комиссар, я... Я ничего не понимаю, — растерянный радист лишь дико вращал вытаращенными глазами да периодически открывал рот, пытаясь произнести что-то более или менее членораздельное в своё оправдание.

А впадать в ступор было отчего: база оказалась пустой. Ни оружия, ни боеприпасов, ни продуктов на складах не было. Сами склады — да, были, как и прекрасно замаскированные и оборудованные землянки, рассчитанные на круглогодичное проживание с макси-

мально возможным в подобных условия комфортом не менее полусотни человек.

— В общем, я не знаю, почему здесь нет ни оружия, ни всего остального, — наконец окончательно придя в себя, заявил радист. — Не знаю и всё. Когда меня сюда отправляли, то чётко объяснили, что надо делать, и если вы думаете, что...

— Не сходи с ума, — оборвал радиста комиссар. — Никто тебя ни в чём не обвиняет, и мы тебе верим. Потому как если бы ты от немцев был, то мы бы уже давно все на деревьях болтались или с перерезанными глотками отдыхали где-нибудь под сосной. Ведь в иконе, которая у Жоры в ранце лежит, только золота в окладе с килограмм, не меньше, а ещё камни да плюс надбавка за древность. Вот и считай, на сколько рублей или марок она потянет. И какой же, скажи мне на милость, предатель свою выгоду в таком деле упустит? Правильно — никакой. Вот отсюда и думай, что и как.

— Товарищ комиссар, а не могли в военной неразберихе склады на базе просто не успеть всем необходимым снабдить? — высказал предположение отец Георгий, желая увести разговор в более безопасную от возможного выявления виновных сторону.

Хотя в том, что база оказалась без всего необходимого именно по причине чьего-то недосмотра или ротозейства, он лично, как историк и человек из будущего, имел серьёзные сомнения по той простой причине, что ему было прекрасно известно о репрессиях против профессиональных партизан. Да, были такие в середине тридцатых на случай возможной войны. На базе ОСОАВИАХИМа кадры готовили. Со всей необходимой инфраструктурой, разумеется, в виде схронов, землянок, складов с вооружением и взрывчаткой. А потом, в памятном 1937 году, вдруг почему-то взяли и решили, что партизаны эти есть потенциальные диверсанты и враги советской власти со всей вытекающей отсюда любовью к Родине в одностороннем порядке. Вот и здесь, скорее всего, подобное случилось. Склады вывезли, а землянки, может, поленились ликвидировать, может, просто приказа на уничтожение не было... Одному Богу известно, почему не снесли.

— Вполне могли не снабдить, да и, скорее всего, не снабдили, — ответил за комиссара особист. — Это у нас дело нередкое. Наверх отпишут, что сделали, а сами...

— Как оно было, теперь не важно, — прервал особиста комиссар. Даже если виновных прямо сейчас к стенке там, на Большой земле,

поставят, то и тогда нам тут лучше не станет. А потому план действий будет такой. Сегодня обустроиваемся на базе, вечером радируем обо всём на Большую землю, далее действуем в соответствии с полученным ответом и сообразно обстановке. Но... — комиссар вздохнул. — Я думаю, что ответ будет такой: полагайтесь первое время на свои силы. Вот из этого и станем исходить.

В своём предположении относительно содержания ответа с Большой земли комиссар не ошибся. Так им и ответили, ну и ещё, разумеется, сообщили, что примут соответствующие меры к поиску и строгому наказанию виновных. Кто бы сомневался? Но подобное мало интересовало отца Георгия и его боевых товарищей. Им надо было воевать, а не искать виноватых. И вот поэтому сразу после ухода радиста за пополнением для отряда они занялись подготовкой к будущей партизанской войне в расчёте исключительно на свои силы и возможности. А именно: провели всестороннюю разведку района будущих боевых действий в поисках возможных объектов для проведения диверсий и источников пополнения продовольствия. Со вторым повезло не очень. Сёла поблизости были заняты немцами, и потому на первое время решили, пока партизанский отряд не превратится в реальную силу, довольствоваться трофейным НЗ, а также продуктовыми запасами сожжённой немцами деревни, погреба которой во время своего памятного рейда отец Георгий и Александр успели очень хорошо изучить.

Что же касается первого и самого важного — что и где у немцев взорвать, то тут для их отряда было непаханое, а вернее непуганое поле деятельности в виде железной дороги и нескольких второстепенных шоссе, по которым в значительном количестве и очень часто не слишком хорошо охраняемыми колоннами, а то и поодиночке, двигались немецкие машины. И что самое главное — им удалось раздобыть столь необходимую для проведения диверсий взрывчатку в виде противотанковых мин. Они нашлись на старом поле боя, куда партизаны заглянули во время разведки местности в надежде поживиться оружием и боеприпасами. Ни того, ни другого в разбитых и полузасыпанных окопах не было. Трофейная команда постаралась на славу, но вот мины в предполье обороны немцы не тронули, лишь огородили опасный участок столбиками с надписью «АНТUNG! MINEN!». Особист, будучи по своей первой специальности пограничником, имел некоторое понятие в сапёрном деле, а потому, хотя и не без риска, но смог произвести разминирование,

благодаря чему отряд получил постоянный источник столь необходимой взрывчатки.

Так, в трудах и заботах, прошли две недели, отведённые радисту для набора пополнения партизанского отряда. Но и в мирной жизни, как известно, желаемое очень часто расходится с действительным, а уж на войне и подавно. И вот, приняв во внимание древнюю истину о том, что человек предполагает, а Господь располагает, ну или, в духе советской эпохи, случай располагает. Было принято решение начать партизанские действия имеющимся наличным составом отряда, проведя пробную диверсию на железной дороге.

Глава 10.

Знамя отряда

«Господи, помоги воинству своему! Слепи слуг антихристовых, не дай им заметить мину замаскированную», — мысленно молился отец Георгий, выцеливая из пулемёта медленно двигающуюся по железнодорожным путям патрульную мотодрезину.

Да, заряд, сработанный из противотанковой мины, они с особистом и Александром заложили и замаскировали как надо, навалив сверху щебня и присыпав землёй. Но вот провод к электротонатору — он же не зелёный, он чёрный, от немецкого полевого телефона. Его вдруг да в траве углядят, и что тогда? Нет, отец Георгий, конечно, всех троих в дрезине даже отсюда, с двухсот метров одной очередью снять может. Но лучше бы без стрельбы, потому как, во-первых, не вернись вовремя в контрольную точку патруль, немцы наверняка тревогу поднимут и движение приостановят до выяснения, а во-вторых, лес запросто с собаками могут прочесать, что само по себе не лучшее из возможного, поскольку в этом случае вместо удачной диверсии им по всей округе петлять придётся, в местных ручьях и речушках «купаясь», чтобы следы замести. Ладно, будем надеяться... Мотодрезина, не снижая скорости, проехала место закладки заряда. Слава тебе, Господи, похоже, пронесло. Отец Георгий мысленно осенил себя крестным знамением. Всё. Теперь только ждать очередного поезда семнадцать минут. Немцы — народ аккуратный, поезд не опоздает. Время, как и положено в таких

случаях, тянулось необычайно медленно: пять, десять, пятнадцать минут. Вдали над лесом появился дым.

— Так! Жора, внимание! Приготовься. Подрыв по команде, — произнёс комиссар.

— Есть подрыв по команде, — отец Георгий, перещёлкнув предохранительный тумблер, положил палец на кнопку замыкателя са- модельной взрывмашинки.

Сработает или нет? В теории должна, на практике при испытании тоже не подвела, а вот как на деле? В прогале между деревьями показался паровоз, толкающий перед собой платформу с установленной на ней автоматической зенитной пушкой, обложенной со всех сторон мешками с песком. «А ведь её и по наземным целям в случае чего для отражении атаки использовать можно», — машинально подумал отец Георгий. И в это мгновение услышал:

— Давай!!!

Палец вдавил чёрную кнопку до упора. Ну! Под передними колёсами паровоза полыхнуло пламя. Подорванный локомотив вздрогнул и, накренившись, покатился с железнодорожной насыпи, увлекая за собой состав. «Интересно, а что в ваго?..» — успел подумать отец Георгий, когда от страшного, всё заглушающего грохота содрогнулась земля. На месте подорванного эшелона будто проснулся вулкан. Господи, там же боеприпасы! Ещё, ещё и ещё — взрывы следовали один за другим. Да сколько же там всего! И вдруг совершенно неожиданно наступила тишина.

— Все живы? — раздался слегка приглушённый голос комиссара.

Отец Георгий поднял голову. Если не считать временных проблем со слухом, никто не пострадал. Правильно всё-таки сделали, что отошли подальше, а то бы не только оглушило...

— Так, первый блин вроде даже очень не комом, — резюмировал комиссар, глядя на последствия их работы. — Тут немцам дня два возиться придётся, чтобы движение восстановить, а может быть, и неделю.

И действительно, место подрыва эшелона представляло собой настоящий филиал Апокалипсиса. Вырванные с корнем деревья, груды земли, щебня и обломков. В вагонах явно везли не патроны, они так не рвутся.

— Жора, сворачивай провод, и уходим, — распорядился комиссар.

Отец Георгий начал быстро собирать в бухту остатки контактного провода. Хотя у них целая катушка, но имущество надо беречь.

Не каждый же день удаётся поймать немецких связистов со всеми принадлежностями. Прóвода удалось собрать метров восемьдесят, а дальше он застрял намертво, видимо, придавленный упавшим деревом. Пришлось его отрезать. «Ладно, удовлетворимся тем, что осталось, — решил отец Георгий, засовывая свёрнутую бухту провода в ранец». Тем более что до второй части «Марлезонского балета», то есть для диверсии прикрытия, которую они запланировали на вторую половину дня, оставшегося куса хватит с избытком.

А стратегически идея в виде одной основной крупной и, как минимум, одной мелкой, второстепенной диверсии, предложенная комиссаром, была проста. Подорвали поезд — немцы начнут район прочёсывать, партизан искать, а тут вдруг новая информация: восточнее места взрыва колонну из двух-трёх машин накрыли. Вывод: не партизаны это, окруженцы к своим, к линии фронта пробиваются, по пути озоруя. Ну и начнут, стало быть, этих самых окруженцев ещё дальше на восток ловить. Что же, Бог им, как говорится, в помощь, пусть ловят. Окруженцам этим, которых нет, хуже ведь не будет, а партизанам польза. Поскольку чем позже догадаются немцы о том, что у них под боком партизаны завелись, тем работать легче.

И вот поэтому, отработывая схему маскировки факта существования партизанского отряда, диверсионная группа во второй половине дня устроила засаду на просёлочной дороге в надежде поймать одиночную машину. План нападения был прост. Растяжка из пары гранат по обе стороны дороги. Машина или мотоцикл — это уж как получится — натягивает провод, гранаты рвутся... А дальше по обстановке. Либо добить уцелевших, либо, если их слишком много, уйти по-тихому, не ввязываясь в бой, имитируя тем самым подрыв на самодельной мине, поставленной давно и по принципу «на кого Бог пошлёт». Да, конечно, существовал определённый риск, что оставшиеся в живых немцы устроят прочёсывание леса, и тогда уйти по-тихому не получится, придётся принимать бой, скорее всего последний из-за явного неравенства сил. Но, во-первых, прочёсывание леса, по логике, маловероятно, ведь у немцев тоже на плечах головы имеются, и если партизаны сразу после взрыва стрельбу не открыли, то это может означать только одно: их здесь просто нет. Так чего же, спрашивается, в лес зазря соваться? А во-вторых, кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Или шнапс по нынешним временам. В общем, на войне как на войне, всегда есть риск умереть героем.

«Интересно, и сколько же мы тут ещё будем отдыхать?» — отец Георгий глянул на часы: без четверти пять. Третий час в засаде — и никого. Ни машины, ни мотоцикла. Будто вымерли все. Хоть бы телега с парой полицаев на худой конец появилась, что ли. Отработали бы их — и на базу как раз к ужину... Вдали послышался шум мотоцикла, к которому примешивались звуки двигателя грузовика. «Наконец-то мотоцикл и машина», — обрадовался отец Георгий и снял пулемёт с предохранителя. То, что надо. В мотоцикле не более трёх человек, их всех разом растяжка снимет. А грузовик наверняка пустой, раз в тыл следует. Скорее всего, из интендантской службы или что-то в этом роде. Но длинную очередь по кузову всё же дать следует, если он тентованный, хотя бы для проформы — мало ли что.

Шум моторов усилился, и между деревьями показалась колонна из вооружённого пулемётом мотоцикла, двухместной легковушки с открытым верхом... А в конце колонны, плавно переваливаясь на ухабах, катил советский броневик «ФАИ» с намалёванным на бортовой броне белым крестом. «Трофей перегоняют», — тут же догадался отец Георгий. А как быть? Стрелять сразу после взрыва или?.. В общем-то, броневик — не БТР, послабее должен быть, и до него недалеко, метров пятнадцать-двадцать — считай, огонь в упор. Но возьмут ли пули бортовую броню? Ведь «MG-34» — это всё-таки не противотанковое ружьё.

Отец Георгий глянул на комиссара. Тот поднял руку: тишина, ждём. Мотоцикл зацепил провод растяжки. Одна... две... три... четыре... пять секунд. Тёрочный запал немецкой противопехотной гранаты «M-24» не в пример нашей «Ф-1»-лимонке горит долго. Ну! Ну!

Взрыв! Обе гранаты рванули почти одновременно в пространстве между мотоциклом и легковушкой, обдав их дождём из осколков, а потом мотоцикл, завалившись набок, вылетел в кювет, легковушка, съехав с дороги, на полном ходу врезалась в одиноко стоящее дерево, и лишь броневик, как ни в чём не бывало, ещё несколько секунд продолжал движение. Но потом, дав очередь наугад из башенного пулемёта, резко набрал скорость и скрылся из вида.

«Эх, ушёл, — с сожалением подумал отец Георгий. — Вот бы и его тоже подорвать». Броневик хотя и не танк, но всё же сила. Да и потом, как он помнил из истории, немцы именно вот такую лёгкую трофейную бронетехнику для борьбы с партизанами применяли. Ладно, как говорится, что имеем, то имеем. Ведь в конечном итоге

мотоцикл и легковушка — тоже совсем неплохо. Как-никак, пять трофейных стволов с боекомплектом, включая пулемёт, плюс НЗ в придачу.

Вдали снова послышался шум мотора, моментально переключив ход мыслей отца Георгия с подсчёта трофеев на суровую действительность. Ещё колонна. Как не вовремя! Но почему по звуку всего одна машина? Пулемётная очередь подтвердила догадку — это был броневик. Очевидно, немцы поняли по отсутствию обстрела сразу после взрыва, что стали не объектом атаки со стороны партизан, а жертвой подрыва на mine, и решили вернуться, чтобы помочь раненым.

Ещё и ещё очередь. Медленно двигаясь по дороге, броневик, вращая башней, периодически постреливал из пулемёта для подстраховки. Ой! Срезанная пулемётной очередью ветка, упав сверху, чувствительно приложила отца Георгия по спине. Да чтоб тебя! Ладно, не пуля, переживём. Но впредь до открытия огня палец на спуске не держать, а то чуть не пальнул от неожиданности.

Тем временем броневик затормозил возле перевёрнутого мотоцикла. Дверь кабины медленно открылась, и из неё с винтовкой наизготовку вылез немец. Внимательно оглядевшись по сторонам, но, очевидно, не заметив ничего подозрительного, он что-то сказал водителю и, не выпуская винтовки из рук, подошёл к мотоциклу.

— Жора, огонь по ногам, в колени, как будет назад в броневик садиться. А потом добьём гранатами, — прошептал комиссар.

— Само собой.

Отец Георгий прикинул: да, тактика верная — немец в этом случае наружу упасть должен и дверь при падении распахнуть. Хорошо, если так, на открывание, сработать удастся, а второй очередью водителя достать. Он как раз на линии огня будет. Глядишь, и гранаты сэкономить удастся, их всего-то две штуки осталось... А между тем, убедившись, что в мотоцикле никто не выжил, немец подошёл к легковушке. Устраивать акробатическую стрельбу отцу Георгию не пришлось, как, впрочем, и использовать пулемёт вообще. Задачу упростил случай и сами немцы. В легковушке оказался тяжелораненый офицер, вытаскивать которого одному человеку, по-видимому, было неудобно, а поскольку кругом стояла полная тишина и ничто не говорило о присутствии партизан, то «санитар», окончательно уверовав в свою безопасность, позвал на помощь водителя. Короткая очередь из автомата особиста наглядно объяснила членам экипажа броневика всю глубину их заблуждений.

— А вот теперь за трофеями, — улыбнулся комиссар и, поднявшись, направился в сторону убитых немцев.

Первым проверили мотоцикл. Стандартный оружейный набор: две винтовки, пулемёт «MG-34», шесть гранат, патроны, продуктовый НЗ. Ничего интересного. Заглянули в броневи́к — и того меньше. Определённую ценность представлял только пулемёт «ДТ — Дегтярев танковый», установленный в башне, но патронов было всего два диска, то есть чуть меньше ста штук. За неимением возможности пополнить отечественный боезапас его решили не брать, чтобы не тащить с собой на базу практически бесполезную железку, ведь путь назад был неблизкий. Дальше пришла очередь легковушки, и вот тут находки посыпались как из рога изобилия. Во-первых, офицер, которого безуспешно пытался спасти экипаж броневика, оказался вооружён не «Парабеллумом» и не «Вальтером П-38», а самым настоящим «Маузером», только под девятимиллиметровый парабеллумовский патрон. Да к тому же ещё и наградным, о чём свидетельствовала гравировка на стволе и щёчки рукоятки из слоновой кости со свастикой. Трофеем с подачи отца Георгия и при всеобщей поддержке был преподнесён комиссару — командиру отряда. Дальше — больше: в багажнике, кроме ранцев с личными вещами офицера и водителя, обнаружился портфель с документами и бутылка вина бордо.

— Не иначе как трофеи французской кампании, — предположил комиссар. — Ладно, за ужином сегодня попробуем.

Но самое интересное обнаружилось в последнюю очередь. Из багажника извлекли аккуратно упакованный матерчатый свёрток, внутри которого...

— Знамя, товарищи! Это же знамя! — комиссар поднял красное полотнище над головой, и оно заполоскалось на ветру.

Знамя — это святыня любой воинской части. Как для верующего чудотворная икона. Сохранят знамя — сохранится и воинская часть. Потеряют знамя, погибнет оно — позор, расформируют часть, исчезнет она бесславно. Знал это отец Георгий из фильмов, из книг, из истории, а вот теперь и прочувствовал. Торжественно и приятно. Правда, как на деле оказалось, не воинское это было знамя, а партийное. Первичной партийной организации, попросту говоря, райкомовское. Но с его сбережением — так же, как с военным, не менее строго. Особист немедленно заявил, что после возвращения на базу намерен оформить всё как положено и сообщить о таком вопиющем факте шифрограммой на Большую землю.

— Само собой, — поддержал его комиссар. — Но это позже, а сейчас забираем трофеи, поджигаем машины и уходим. А знамя... — он на секунду задумался. — Раз мы его у немцев отбили, то и быть ему теперь знаменем нашего отряда.

Глава 11.

По заслугам и награда

— Ну, как всё прошло? Никто не ранен? — встретила их вопросами Наталья.

— Наилучшим образом, — комиссар улыбнулся. — Эшелон с боеприпасами — под откос и колонну небольшую накрыли, так что день, можно сказать, удачный.

— А малыш где? — поинтересовался Александр.

— Спит. Так что потише, — предупредила Наталья. — Ужин через полчаса, раньше не готовила, чтобы не остыл. Не знала, когда вас ждать.

— Полчаса — не час, сказал комиссар, — потерпим. Ладно, оружие — в оружейку, продукты — на склад, за ужином будет оперативное совещание по итогам дня — и отдыхать. Мы это сегодня заслужили.

«Это точно», — мысленно согласился отец Георгий. После дневного рейда он чувствовал себя основательно измотанным, а потому имел лишь два самых распространённых на войне желания — поесть и поспать. Но судьба распорядилась иначе — поесть-то получилось, а вот поспать...

— Есть, записал, — Александр, временно исполнявший обязанности радиста, снял наушники и протянул особисту листок с текстом полученной с Большой земли радиogramмы.

— Ну что там? — поинтересовалась Наталья, помешивая кашу в котле.

— Сейчас-сейчас, — особист достал шифрtaблицу и начал расшифровку. — Товарищ комиссар, сегодня ночью, примерно около двух, за иконой прибудет самолёт, — наконец произнёс он. Приказано принять на обозначенной нами полосе. Ребёнка заберут тоже.

— Так, ясно, — комиссар окинул взглядом присутствующих. — Выдвигаемся сразу после ужина. У тебя одежда для малыша готова? — обратился он к Наталье.

— Давно готова, только вот я не думала, что это будет так скоро. И куда его потом?

— В детдом, как полагается, — вздохнул комиссар. — Хотя я думаю, что мой рапорт всё-таки должны учесть, и есть определённый шанс, что его твоей бабушке передадут. Но это не обязательно, он ведь тебе не родной.

— Товарищ комиссар, — Александр выразительно посмотрел на Наталью и взял её за руку. — Мы вот тут давно с Ёжиком решили. Вы, как командир отряда, имеете право вместо ЗАГСа нас распisać. Мы Ванечку усыновить хотим. Вот рапорт.

— Понятно! — комиссар расплылся в улыбке. — Имею право. Будьте счастливы! Да, кстати, и отметить есть чем — как раз к случаю трофейное бордо.

Партизанская свадьба. Двое близких, любящих друг друга людей в глубоком тылу врага на самой страшной войне в истории человечества. Много видел свадеб отец Георгий, многих обвенчал, но эта простая и скромная, без нарядов и золотых колец свадьба осталась у него в памяти на всю жизнь.

«Господи, хоть бы не разбились», — думал отец Георгий, вглядываясь в темноту, где еле заметные с земли, но хорошо различимые с воздуха, слабо мерцали зажжённые в неглубоких ямах, вырытых по периметру большой поляны, восемь сигнальных костров.

— И как же в таких условиях самолёт сажать? Ведь темно же внизу, — произнёс отец Георгий.

— Ничего, Жора, сядут нормально, — ответил стоящий рядом Александр. — В «ночники» кого ни попадя не берут, там народ опытный, да и это ещё не самое худшее из того, что может быть. Вот я вообще на пятый день войны в полной темноте на вынужденную пошёл, пару километров до аэродрома не дотянул. И ничего, нормальная посадка по альтиметру, хотя и козла дать пришлось. А здесь костры, хороший ориентир.

С неба послышался нарастающий шум авиационного мотора, и, скользнув над вершинами деревьев, еле различимый в темноте «ПО-2», совершив удачную посадку, замер у самой границы леса. Из задней кабины вылез одетый в лётный комбинезон человек.

— Капитан госбезопасности Ерёменко, — представился он. — Кто старший?

— Я. Командир партизанского отряда комиссар Ульянов.

— Где груз?

— Вот, возьмите, — отец Георгий передал коробку с иконой.

— А ребёнок?

К самолёту подошла Наталья, держа на руках закутанного и потому похожего на медвежонка малыша, который, проснувшись от шума работающего на малых оборотах мотора, испуганно прижимался к ней.

— Только вы поосторожней, пожалуйста. Его в Москву к моей бабушке отправить надо, — дрожащим голосом произнесла она. — Это наш сын.

— Вот рапорт и сопроводительные документы, — вмешался в разговор комиссар. — Ребёнок усыновлён. Родители — Александр и Наталья Лукашевич. Брак заключён в партизанском отряде.

— Так, понял. Поздравляю, товарищи, — капитан Ерёменко улыбнулся. — А за сына не беспокойтесь, у меня приказ груз сопроводить до Москвы, так что и правнука вашей бабушке доставлю лично. И ещё — вот вам подарок с Большой земли. Всё, что просили. Взрыв-машинки, тол, инструкции по минно-взрывному делу, медикаменты. Помогите с разгрузкой.

На крыльях «ПО-2» были закреплены два довольно объёмистых ящика, в которых и содержалось всё, что было прислано партизанам с Большой земли. Правда, такой способ крепления контейнеров сильно ухудшал аэродинамику, но другого способа доставлять значительный объём груза в партизанские отряды на лёгком и имеющем возможность приземлиться фактически на пяточке «ПО-2» просто не было. Разгрузка заняла не более пары минут. Затем общими усилиями самолёт развернули, и Ерёменко залез в кабину, взяв на руки ребёнка.

— До свидания, товарищи. Как всё сделаю, сообщу в радиограмме. Взлетаем.

Мотор взревел на взлётном режиме и, пробежав несколько десятков метров, «ПО-2» свечой ушёл в небо.

Слава тебе, Господи! Отец Георгий облегчённо вздохнул. Ещё пара дней, и Ванечка будет дома у прабабушки. Да и у бабушки тоже. Опять «дар пророчества». Наталья очень за мать переживает — где она, что? А она в Москве. До Минска доехать не успела, поезд вернули.

Ему-то это точно известно, а вот как ей рассказать, чтобы правды о себе не выдать, он так и не придумал. Ладно, скоро радиogramма придёт, и она всё узнает.

— Гасим костры, забираем груз и уходим. Нам здесь больше делать нечего, — распорядился комиссар.

— А может быть, лучше до утра подождать, чем с ящиками по темноте идти? — внёс предложение особист.

— До утра? — комиссар на секунду задумался. — Да, пожалуй, так даже лучше. Только в лес отойдем на всякий случай — мало ли что. А утром — на базу.

Следующий день был объявлен выходным. В планах не было диверсии, потому что, во-первых, надо было отдохнуть после боевого дня и бессонной ночи, а во-вторых, любую боевую операцию вообще и диверсию в частности, какой бы простой она ни казалась, требуется основательно подготовить. И в-третьих, самое главное — необходимо было разобрать груз, доставленный с Большой земли. Чем все и занялись сразу после возвращения на базу.

Груз оказался настоящим кладом. Просто мечта партизана! Взрывмашинки, детонаторы, тол, специальная литература по диверсионной работе и минно-взрывному делу. А ещё, что не менее важно, — перевязочные материалы и медикаменты, включая набор хирургических инструментов и средств общего наркоза.

— Да, солидный подарок, — кивал особист. — Сразу видно, что профессионал поработал, а не по сусекам скребли. Может даже, на самой Лубянке это всё паковали.

— Ну, это Жоре спасибо надо сказать — по заслугам и награда, — заявил комиссар. — Если бы не он, мы бы, скорее всего, и сотой доли этого не получили.

— А я-то тут при чём? — удивился отец Георгий.

— Как при чём? — улыбнулся комиссар. — Это же всё благодаря тебе, Жора. Ты икону сохранил, Родина огромную пользу получила. Да, огромную — в фонд обороны, а нам с того фонда в лучшем виде вот этот аванс доставили, и мы его теперь должны в лучшем виде отработать. Так что, товарищи, пару дней на подготовку, и опять на железку пойдём поезд рвать. Или куда-нибудь на шоссе. Чтобы немцам в наших краях жизнь мёдом не казалась.

Глава 12.

Пополнение

Ну всё, теперь окончательно не батюшка. Отец Георгий внимательно смотрелся в своё отражение в зеркале. Последнего священнического атрибута лишился — бороду сбрил. Что же, в общем-то, комиссар в этом отношении, по большому счёту, прав, борода ведь у православных священников во многом дань традиции и не больше, а вот на войне, что в регулярных частях, что в партизанском отряде, если ты, конечно не Фидель Кастро, от неё больше вреда, чем пользы: излишний объект для ведения «животноводства» в смысле вошек и прочих ползучих прелестей походной жизни. Баня, правда, на базе есть, и её уже опробовали, но всё же бережёного, как известно, Бог бережёт, это во-первых. А во-вторых, сегодня день присяги, так что надо соответствовать и надлежащий пример новобранцам подавать.

Пришло наконец-таки пополнение. Через два дня после того, как икону и малыша на Большую землю отправили. В самый раз, к сроку поспели, а то ведь что получается — «подарок» с Большой земли оприходовали, радиограмму об успешном перелёте получили: дома уже Ванечка у бабашки и прабабушки в Москве, теперь и воевать со спокойной душой можно, а личный состав всего ничего. Но зато теперь... Двадцать семь бойцов радист с собой привёл, итого, стало быть, их вместе с санинструктором тридцать три. Ничего не скажешь, солидная прибавка, более чем в пять раз. Без боевого опыта, правда, и большинство без какой-либо военной подготовки, но было бы желание. В особенности если самого себя вспомнить. А желание имеется, это по людям видно. Успели уже попробовать, что такое новый немецкий порядок, на своей шкуре испытали. Ведь Гитлер, на Россию нападая, один крайне важный момент упустил: ежели человеку выбор между смертью и смертью дать, смертью позорной и смертью героической, то победить такого человека нельзя, его можно только убить, а убить всех немцы, по-культурному говоря, ни черта не смогли.

Ну а что касаясь принятия присяги, то идея превратить партизанский отряд в полное подобие воинской части была высказана комиссаром уже давно для поддержания дисциплины вообще и морального состояния личного состава в частности, дабы отряд был настоящей боевой единицей, а не превратился в содружество тру-

сов-единомышленников, прячущихся в лесу и выходящих на боевую операцию только когда на продскладе становится совсем пусто, чтобы, значит, и немцев заодно потрепать, совмещая, так сказать, полезное с приятным.

В землянку заглянул Александр:

— Жора, идём, сейчас построение начнётся.

Отец Георгий одернул камуфляж, подтянул ремень, ещё раз оглядел себя в зеркале. Пора.

На импровизированном плацу у штабной землянки возле флагштока со знаменем замерла шеренга партизан.

— Товарищи! — торжественным тоном начал комиссар. — Сегодня у вас знаменательный день — вы вступаете в ряды партизанского отряда «Народные мстители». Партизанский отряд — это часть Красной армии, ведущий борьбу с врагом нашей Родины в его глубоком тылу. И пусть у нас нет того оружия и той численности, что имеет любая фронтовая воинская часть, но мы от этого не становимся слабее. За неполный месяц боёв наш партизанский отряд, действуя в составе всего пятерых бойцов, смог уничтожить эшелон с боеприпасами и автоколонну врага. Теперь же нас больше в шесть раз. Вместе мы — сила, и я верю, что вместе мы будем бить врага в пять, в десять, в сто, в тысячу раз сильнее, чем было до этого. И вам есть на кого равняться, товарищи. Сейчас в одном строю с вами партизан Медведев. Ещё до вступления в отряд, он, воюя в одиночку, смог уничтожить эшелон с танками и спасти объект особой государственной ценности, за что представлен к высокой правительственной награде — ордену Красной Звезды. А всё, что у него есть, его форма, его оружие, взято им в бою как трофеи. Медведев Георгий Владимирович, для принятия воинской присяги выйти из строя!

Стараясь чеканить шаг, отец Георгий подошёл к флагштоку со знаменем и произнёс:

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик Медведев Георгий Владимирович, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом. Строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь воинское и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным

своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Двадцать семь раз прозвучали над плацем слова присяги, двадцатью семью бойцами пополнился отряд, превратившись в полноценное разведывательно-диверсионное соединение, действующее в тылу врага. Хотя, если по-честному, то не совсем полноценное. Ведь личный состав — это ещё полдела, для войны оружие требуется, а его с учётом всех отбитых у немцев трофеев и двух охотничьих ружей, которые принесло с собой пополнение, насчитывалось всего 24 ствола, из которых треть пистолеты, причём половина — отечественные ТТ с минимальным запасом патронов без какой-либо возможности их пополнения. Да и с немецкими боеприпасами хоть караул кричи — минут на десять нормального боя, не больше. Плюс проблема с продовольствием. Едоков-то стало больше в шесть раз, а продуктов...

Вот почему на состоявшемся в тот же день оперативном совещании было принято решение сформировать из числа прибывшего пополнения две группы. Первую — для доставки продуктов из сгоревшей деревни. А вторую — для отправки за трофейным оружием из схрона, оставленного недалеко от отбитого у немцев после боя возле озера бронетранспортёра. Командиром второй, оруженосной группы, учёта наличие хорошего знания местности и реального боевого опыта, назначили отца Георгия.

— В общем так, Жора, — объявил комиссар. — В схроне пятнадцать винтовок, пулемёт и ящик с патронами. Выделю тебе семерых, итого с тобой восемь. Этого вполне хватит. Задача, как я уже сказал, поскорее доставить оружие и боекомплект. На всё вам четыре дня. В бой не ввязываться, себя не обнаруживать, сделать всё чётко и быстро. Сам понимаешь, без того арсенала, что в схроне, мы и половины не стоим.

— Понимаю, — кивнул отец Георгий. — Пара лишних убитых немцев погоды не сделает. Для скрытности прошу включить в состав моей группы одного из двух наших охотников. Я его вперёд пушу как разведчика. Он человек опытный.

— Разумно, — согласился комиссар. — Охотника забирай с собой. Ещё что?

— Как с оружием? — поинтересовался отец Георгий.

— С оружием... С оружием, Жора, сам знаешь, проблема, — комиссар вздохнул. — Возьмёшь автомат с двумя магазинами, оба своих «Парабеллума» людям раздашь, и у охотника дробовик будет. Вам этого за глаза хватит. Гранат ещё две пары, чтобы пустым никто не шёл. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Ну тогда иди, инструктируй бойцов. Ты же теперь командир, — комиссар улыбнулся. — Выходите завтра на рассвете. Всё.

Глава 13.

Командир

По солнцу судя, вроде пора. Отец Георгий, исполнявший под утро обязанности часового, глянул на трофейный «Мозер». Стрелки показывали пять пятьдесят. Нет, рано, подъём в шесть тридцать. Он посмотрел на спящих партизан. Пусть ещё немного отдохнут, не надо попусту людей гонять. Человек ведь тоже нечто вроде машины, только биологической: не поел, не поспал как следует, и выходит уже результат не тот, пусть даже чуть-чуть, самую малость, но хуже. А в итоге этого чуть-чуть в самый нужный момент боя может не хватить... Так вот для того, чтобы такого не случилось, хороший командир обязан учитывать все факторы — от возможной тупости вышестоящего командования и оперативной обстановки до усталости личного состава и собственного авторитета в глазах подчинённых. Чтобы они за ним не из страха перед трибуналом шли, а по его знаниям, его опыту и умению доверяя.

Ну с авторитетом всё более чем в порядке, особенно после того, как на митинге комиссар в своей речи его боевые заслуги во всей красе расписал. Новобранцы чуть ли не в рот заглядывают, а вот со

знаниями... Он, конечно, не профессионал, но пока вроде ничего, во всяком случае в первый день на марше. Построение группы оптимальное. Впереди разведка — Иван Андреевич Руковицын, охотник, ветеран трёх войн, ещё под Порт-Артуром с японцами бился. А дальше основная группа. Шли быстро, но тихо. Спасибо охотнику, показал, как это делается. Перед выступлением все попрыгали, чтобы ничего ни на ком не шумело. Питание — трофейные консервы с саморазогревом, они в таком деле в самый раз — очень время экономят, костер для готовки разжигать не надо. Дно у банки финкой пробил, и пошла реакция фосфора с кислородом. Несколько минут — и завтрак, обед, ужин милости просим, а кроме того, весьма питательные.

Может быть, при движении по лесу в теперешних условиях такие строгие меры могут быть излишними. Август сорок первого на дворе, немцам вроде бы как ещё не до партизан. Они с блицкригом торопятся и на разного рода мелкие неприятности в своём тылу особого внимания не обращают, а потому шанс встретиться с ягдкомандой — охотниками на партизан — минимален. Но всё же лучше бдительности не терять, потому что и в сорок первом жизнь у партизан всё же не была курортом, тем более что их отряд уже два эшелона под откос опрокинул, да и закона Мёрфи, то есть закона подлости в переводе на русский, никто не отменял. И, стало быть, имеется вполне реальный шанс набрести на немцев вот прямо тут, в лесу, столкнувшись нос к носу, что со всей определённостью не есть гут. Так что бережёного Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт.

Стоп, а который теперь час? Отец Георгий снова глянул на часы: ровно шесть тридцать. Тогда пора, подъём. Десять минут на сборы, и рейдовая группа, покинув место ночного привала, углубилась в лес. Шли, как и в первый день, быстро и скрытно. Но на душе у отца Георгия было беспокойно. Чувство надвигающейся опасности росло по мере приближения к схрону и, как оказалось, не зря.

Был полдень, когда они прошли ориентир — крупный пирамидообразный валун, лежащий посреди небольшой поляны. Курс верный, почти на точку вышли, обрадовался отец Георгий. Отсюда до схрона метров двести. Интересно, а нашли ли немцы бронетранспортёр? Надо будет на всякий случай Ивана Андреевича вперёд отправить, пусть подход к схрону проверит, мало ли что. Конечно, они тогда с особистом схрон хорошо замаскировали, но, тем

не менее, не хотелось бы на засаду напороться. Сказано — сделано. Охотник ушёл вперёд, а группа, затаившись, стала ждать его возвращения. «Двести метров туда, двести обратно, — прикинул отец Георгий, сверившись с часами. — Уже должен быть там». Стрельбы не слышно...

Звук запущенного автомобильного мотора и грохот взрыва почти одновременно разорвали тишину леса. Отца Георгия как током ударило: немцы у БТР! Господи, ну почему именно сейчас?! Он оглянулся на лежащих рядом партизан. Из зарослей папоротника на него смотрели шесть пар тревожных глаз, в которых читался немой вопрос: что делать, командир? «Что делать, что делать?» — вертелась в голове мысль. Ведь если немцы сейчас возьмут разведчика и прочешут лес, то...

Спокойно. Отец Георгий осадил начинавшие нахлестывать эмоции. Так нельзя, иначе паники не избежать, попробуем разобраться. Граната рванула сразу после запуска мотора, а не раньше, из ружья не стреляли. Да, однозначно, это сюрприз сработал, и немцам сейчас не до разведчика. Они его вообще не обнаружили! Не такой Иван Андреевич человек, чтобы себя в лесу выдать, потому как в противном случае перестрелки с ним немцам не избежать. И прочёсывания леса не будет за неимением сил, потому что на перегон бронетранспортёра ни полк, ни батальон, ни даже роту не пошлют. Так — человек пять, от силы десять, не больше. Не с таким составом лес прочёсывать, смешно это. А во-вторых, чёс вообще без надобности — с первого же взгляда видно, что это не внешнее нападение было, а граната, которую партизаны в мотор засунули, взорвалась. А если учесть, что БТР здесь уже целый месяц с гаком стоит, то партизаны те уже давно тю-тю, ищи волка в чаще.

Вся эта аналитическая цепочка почти мгновенно выстроилась в голове у отца Георгия. Сам потом даже удивлялся, что так, оказывается, быстро и правильно думать умеет. Но это потом. А сейчас отец Георгий улыбнулся:

— Спокойно, товарищи. Это немцы бронетранспортёр обнаружили и перегнать пытались, а я ещё с того раза в моторе гранату оставил, вот она и рванула. Облаву делать не будут, их слишком мало, человек пять-шесть. Да им и не до этого сейчас, после взрыва наверняка драпают. Ждём разведчика.

Спокойный и даже обыденный тон, которым всё это было произнесено, возымел действие — страх во взглядах исчез.

Руковицын появился минут через пятнадцать и доложил:

— Командир, схрон на месте, засады нет. А броневик два немца и четыре полицаи перегнать пытались. Я их заметил, когда у схрона был. Немец к кабину залез, мотор запустил, тут оно и рвануло, полкапота снесло. В общем, и шофер, и два полицаи, похоже, преставились. Ну а два остальных раненого немца к дороге понесли. Хотел я их было из моей тулочки приголубить под шумок, да приказ помню, вот и не стал.

— Правильно сделали, Иван Андреевич, — одобрил действия разведчика отец Георгий. — Пусть эти трое живые вернуться и всё, как было, расскажут: что мина в бронетранспортёре была. Нам же лучше, а то ведь их бы наверняка искать начали, а нам облава ни к чему. А что до них самих, то немец, может, и вообще не выживет, это смотря как его зацепило, а полицаи — так их вполне и к стенке могут поставить по злобе. Всё, идём к схрону, забираем оружие — и на базу.

Брезентовая упаковка полностью себя оправдала. Винтовки и пулемёт, несмотря на прошедшие дожди, были сухими и не имели следов ржавчины. «Вот и отлично. Считаю, полдела сделали», — удовлетворённо думал отец Георгий, наблюдая за тем, как партизаны рассовывают по вещмешкам патроны. Потом взвалил на плечи пулемёт.

— Уходим.

Обратный путь прошёл без происшествий, но был более утомительным, потому что каждому пришлось тащить на себе, кроме собственного оружия, ещё пуд дополнительной нагрузки в виде трёх винтовок и патроны в вещмешке. Успокаивало только то, что теперь они были отлично вооружены и в случае встречи с противником могли оказать реальное сопротивление. Но, несмотря на это, исполняя приказ и не желая ненужных эксцессов, отец Георгий, перестраховавшись, повел свою группу окружным путём. Из-за этого они вернулись на базу с суточным опозданием. Но комиссар поддержал отца Георгия в его решении.

— Считаю действия товарища Медведева правильными, — заявил тот на оперативном совещании. — Как в случае с бронетранспортёром, так и при выборе обратного маршрута. Оружие нам было очень нужно, и теперь оно у нас есть. Будем готовить большую операцию. На шоссе пополнение боем проверить надо, посмотреть, кто и чего стоит.

Глава 14.

Испытание огнём

Ж-ж-ж! Ползущая по стволу пулемёта пчела, взмахнув крыльшками, взлетела и исчезла в зарослях. Отец Георгий проводил её взглядом. Надо же, хорошо-то как! Лес, травка зелёная, земляничкой пахнет, будто и нет войны, а так — вроде за грибами или за ягодами в лес пошёл, ну и прилёг немного отдохнуть в теньке. Очень похоже. Вот только пулемёт «MG-34» всю иллюзию напрочь портит, ясно показывая, где они на самом деле: в засаде на войне. Подходящую колонну ждут.

Почти весь отряд, за исключением боевого охранения базы, комиссар поднял, а его, Жору, учтя наличие боевого опыта и прежних заслуг, командиром назначил. Так при планировании операции и заявил:

— Шилов, Медведев, Лукашевич, назначаетесь командирами отделений.

Нет, с одной стороны неплохо вот так сразу из рядового до сержанта в звании подрасти. Просто мечта карьериста! Но с другой — сержантов ведь на курсах учат, как минимум. Вот Саша, к примеру, — выпускник лётного училища, особист — пограншколы. И опыт у обоих в руководстве людьми в бою имеется. Офицеры как-никак, а он... Даже до отца-настоятеля в своё время не дорос. Хотел было возразить: не рано ли мне, товарищ комиссар, командовать? Но, взвесив все «за» и «против», промолчал. Во-первых, более опытных, чем он, среди пополнения всё равно нет, а во-вторых, вряд ли это такая уж непосильная задача. Ведь тогда у схрона с оружием получилось.

Отец Георгий поглядел по сторонам. Никто из партизан себя не демаскирует? Вроде нет. А то ведь, не дай Бог, с колонны углядят засаду — не только эффект внезапности утерян будет, но и вообще всех вдребезги могут разнести, ежели та глазастая колонна явный перевес сил имеет. Такое было уже, причём только что. Пять танков, четыре бронетранспортёра с пушками на прицепе и десять грузовиков с пехотой полчасика как мимо проехали. Ой нет, с такими лучше не связываться. На гусеницы наматывают и не замечают.

Вдали послышался шум моторов. Отец Георгий прислушался, пытаясь по звуку определить тип машин. Нет, это не грузовики, по-

хоже, опять бронетехника или БТРы. Ладно, и их пропустим, время до вечера ещё есть, кто-нибудь да попадётся, а эти пусть живут пока. Но колонна оказалась именно той, которую они ждали. Наш клиент, сразу понял отец Георгий и снял пулемёт с предохранителя. По дороге, возглавляемая БТРом, двигалась колонна из четырёх полугусеничных тягачей «Sd. Kfz 7», буксирующих на прицепе 88-миллиметровые зенитные пушки «FlaK 37» и тентованный грузовик. Пятеро солдат в бронетранспортёре, чуть больше полсотни в четырёх тягачах и ещё несколько в грузовике. Итого примерно шестьдесят ослабленных, ничего не подозревающих зенитчиков против двадцати пяти неопытных, но готовых к бою партизан с тремя пулемётами. Самое то. Тем более что зенитки «FlaK 37», или «Восемь восемь», как их называют сами немцы, — оружие универсальное, могущее работать не только по воздушным целям, но и по наземным. Например, по танкам «Т-34» и «КВ», пробивая с полутора километров броневой снарядом их лобовую броню. Нет, до фронта их допускать никак нельзя...

Сигнал к атаке — подрыв головной машины. БТР поравнялся с местом закладки мины, и под его колёсами вздыбилась земля. Взрыв противотанковой мины может уничтожить или серьёзно повредить танк, а для бронетранспортёра он оказался просто смертельным. Передний мост вынесло напрочь, а из развороченного капота полыхнул факел пламени, и тут взорвался бак, превратив завалившийся набок БТР в огромный костёр. Зрелище не для слабонервных. Возможно, именно поэтому водители идущих сзади тягачей, не успев вовремя затормозить, один за другим въехали вопереди идущие машины, образовав посреди дороги непроходимый затор. Всеобщего столкновения избежал только грузовик, но это его не спасло. Отец Георгий от души прошёлся по кабине и кузову из пулемёта, а потом перенёс огонь на тягачи. Надо было за как можно меньший промежуток времени попытаться уничтожить как можно больше немцев, пока они не опомнились и не попытались организовать оборону. А потому партизаны не жалели патронов, ведя ураганный огонь из пулемётов и винтовок, причём очень и очень успешно. Покинуть кабины тягачей смогли человек пятнадцать-двадцать, не больше. Но не успели выжившие, укрываясь за машинами, открыть ответный огонь, как были атакованы с тыла группой прикрытия. Это и решило исход скоротечного боя, длившегося меньше минуты. Стрельба и взрывы гранат прекратились. Жарким коптящим пла-

менем пылал подорванный бронетранспортёр, над дорогой оседала пыль, кругом лежали убитые немцы.

«Да, неплохо, если не сказать больше, — думал отец Георгий, вместе с другими партизанами собирая трофеи. — Фрицев всех положили, а у нас даже раненых нет». Хотя чему удивляться? Ведь немцы даже при наличии трёхкратного численного перевеса не успели развернуться в боевой порядок, а потому стали, по большому счёту, просто беззащитными мишенями. Читал он в исторической литературе о подобной тактике партизан, когда вот так, малыми силами из засады колонны на марше уничтожались, а теперь и сам увидел, насколько подобная тактика эффективна. И на пополнение этот бой хорошо подействовал. Сразу по людям заметно стало. Исчезли нервозность и тщательно скрываемый страх, ведь на войне только ненормальный не боится. Зато появились уверенность и ощущение собственной силы. Мы их тоже бить можем! Трофеи к тому же немаленькие, да хотя бы вооружение. Немцы-то в основном автоматами «МП-39» вооружены были, потому как батарея эта зенитно-противотанковая не к вермахту, а к ваффен-СС относилась с соответствующим уровнем снабжения. И теперь, стало быть, весь партизанский отряд на автоматы перевести можно.

А ещё отец Георгий поймал себя на мысли, что картина огромного количества погибших, пусть и врагов, но всё же людей, никого особенно не трогает. В том числе и его. Сам вот только что при осмотре грузовика тело убитого им же шофёра из кабины за шиворот просто выкинул и даже не поморщился, а ведь раньше по-другому было. Привыкать уже, наверное, начинает к войне и крови.

К ним подошёл комиссар:

— Как у вас?

— В кузове снаряды для зениток, четыре ящика, и два цинка автоматных патронов, а также продукты — НЗ в консервах, — доложил отец Георгий.

— Продукты и патроны — это хорошо, а снаряды... — комиссар на секунду задумался.

— Ящики со снарядами к зениткам — по одному на каждую. Мы их вместо мин используем, чтобы взрывчатку не тратить. В них хоть и не тол, но должно хватить. Вместо детонатора — костёр.

— Действуйте.

Сухих веток в лесу было много, а потому проблем с дровами не возникло, и вскоре среди подожжённых машин почти одновремен-

но прогремели четыре мощных взрыва, уничтожив то, что не смог уничтожить огонь.

Обратная дорога, сортировка трофеев, митинг по случаю удачного завершения первой боевой операции и общее подведение итогов заняли остаток дня и весь вечер. В общем, когда отец Георгий покинул штабную землянку, было уже довольно поздно. На западе догорал закат, на небе загорались первые звёзды, очередной военный день 28 августа 1941 года уходил в историю. До конца лета оставалось четыре дня, до конца войны — 1350. Ещё так много...

Глава 15. *«Великий изобретатель»*

Санитарный с фронта, это не наш. Отец Георгий, опустив бинокль, глянул на часы, засекая время. Ждем следующего через тридцать минут. Полезное всё-таки это качество у немцев — пунктуальность. Поезда даже в войну идут точно по графику, не то что у нас — неделю ждать можно. Он ещё раз глянул в бинокль на многострадальный мост, тот самый, на котором он ровно десять месяцев назад, 23 июля 1941 года, свой первый поезд подорвал.

Тогда это было вроде бы просто, не то что пять месяцев спустя, когда из Москвы пришёл простой донельзя приказ: взорвать этот же самый мост. Только вот одно дело приказать, а другое — выполнить. Да, конечно, отряд с лета сорок первого разросся, его общая численность превысила сто человек, да и опыт бойцы кое-какой поднабрали, регулярно устраивая налёты на небольшие колонны и пуская под откос поезда. Но это всё же было не совсем то. Ведь одно дело засаду у шоссе устроить или поезд на путях подорвать, а другое — мост. Немцы же тоже сложа руки не сидели и железную дорогу, хлебнув сполна партизанских реалий, стали охранять по всем правилам военного времени. Особенно мосты, как здесь, например. Четыре дота и гарнизон с полсотни полицаяв плюс минное поле по периметру, а ещё бронепоезд туда-сюда шастает... Ну и как, спрашивается, в таких условиях работать?

Да, конечно, будь у них целый батальон, можно было бы устроить классическую атаку в лоб, зайдя со стороны железнодорожного полотна, две спецгруппы из стрелков и минёров для подавления дотов

и подрыва бронепоезда отрядив, чтобы под ногами не путался. Что же, в принципе, подобная тактика при определенном очень и очень большом везении могла бы иметь шансы на успех, если, конечно, не считать возможные потери личного состава от пятидесяти процентов и выше. И будь это фронтовая часть, то совершенно не исключено, что неопытный, но рвущийся в бой командир так бы и поступил, положив при этом зазря уйму народу. Не на пустом же месте, в конце концов, возник приказ генерала Жукова, запрещающий лобовые атаки населённых пунктов по принципу «за Родину, за Сталина, на пулемёты, ура!».

Но регулярная армия — это одно, а партизаны — совсем другое. Здесь, когда воюешь малыми силами, без поддержки танков, авиации и артиллерии, как никогда становится актуальным правило «воевать не числом, а умением». И ведь сумели. Мост был уничтожен силами диверсионной группы общей численностью всего-то в десять человек, причём без потерь личного состава, даже раненых не было. А вот как это сделать, придумал лично он, Жора, используя свой жизненный опыт из XXI века, потому что, приняв во внимание тот факт, что партизану Медведеву уже знаком район проведения будущей операции, комиссар, формируя разведгруппу, включил в её состав и Жору. Учтя также, что он, кроме всего прочего, имеет ещё и нестандартное творческое мышление, позволяющее время от времени изобретать различные, весьма полезные в военном хозяйстве вещи. Например, управляемое по проводам минное поле, установленное вокруг старой и всех новых партизанских баз, или самодельную батарею для питания рации, изготовленную из латунных снарядных гильз и подсоленной воды. Которая, правда, занимает чуть ли не четверть штабной землянки, но зато работает исправно, позволяя регулярно слушать сообщения Совинформбюро. Что очень благоприятно влияет на моральное состояние личного состава. А уж про глушители, что на ствол автомата или пистолета при минимальной доработке установить можно, и говорить нечего. Исключительно полезная при снятии часового вещь. Щёлк — и готово, как говорится, без шума и пыли, никакого ножа не надо. Причём конструкция простая до невозможности. Трубка с отверстиями, а внутри вкладыш — шайбы из резины. На токарном станке делать такие легче лёгкого. Несколько десятков штук после удачных испытаний подпольщики в железнодорожном депо втихую от немцев наштамповали. А один глушитель вместе с описанием и чертежом на Большую землю отправили в порядке передачи опыта, так ска-

зять. А откуда ответ: это же самый настоящий «БраМит», товарищи! Прибор для бесшумной стрельбы, ещё до войны инженерами братьями Митиными разработанный и в их честь названный. Ну надо же! Не перевелись ещё на Руси Кулибины.

Так вот пусть и сейчас Жора всё на месте оценит и головой своей умной подумает. Может, что дельное и подскажет. И Жора ожидания комиссара не обманул. Вот только способ по итогам разведки выдвинул уж больно фантастический. Ежели к мосту втихую подойти нельзя, то надобно в открытую на патрульной мотодрезине подъехать, соответствующей мощности заряд тола на неё загрузив, и трупы немцев из её экипажа туда посадить для маскировки. Мотодрезина на мост заедет и как шарахнет!.. А чтобы заряд в нужное время подорвать, необходимо всего-навсего использовать радиодетонатор. В общем, просто всё и изящно — для начала XXI века, разумеется, где подрыв мины по радиокоманде — дело обыденное. А вот для Великой Отечественной войны подобная идея была в диковинку и потому вызвала крайне жаркое обсуждение, закончившееся вердиктом: попробовать надо, тем более что другого способа своевременно подорвать заряд просто нет.

Изготовлением радиодетонатора из деталей радиостанции, снятой со сбитого немцами ещё летом «К-5», занялись радист Корзун и ещё один партизан, в миру радиолобитель. Попробовали так и так, покумекали. Готов детонатор. Правда, слабенький радиус приёма сигнала от штатной коротковолновой РБМ — не более трёхсот метров. Но и на том спасибо. А потом операция прошла как по маслу. Мотодрезина-брандер с привязанным на поручне для опознания куском красной тряпки въехала на мост..

Стоп! А сколько там времени до нашего эшелона осталось? Отец Георгий, прервав мысленное подведение итогов истекших десяти военных месяцев, глянул на часы. Семь минут. Уже скоро. Ладно, будем надеяться, что «Слонобой» себя оправдает, а то уж заели совсем — новые идеи им, видите ли, подавай. Ты же такой умный! Ага, умный. Если бы вы знали, дорогие товарищи, откуда в действительности эти идеи у Жоры берутся. Плагиат один, да и только, в отличие от той штуки, которую вы «Слонобоем» называете. А если точнее, то однозарядная мелкокалиберная 20-миллиметровая пушка конструкции Медведева Г.В., состоящая из ствола от автоматической немецкой пуши «Эрликон» и затвора винтовочного типа. Изготовлена теми же подпольщиками из желдордепо, что глушители

делали. А суть идеи проста. Снаряды у «Эрликона» фугасные с контактным взрывателем, и если по вагону с боеприпасами пальнуть так, чтобы в ящик со снарядами или бомбами попасть, то и мина под рельсами не нужна. Разнесут боеприпасы весь эшелон и то, что вокруг. Мост к примеру. А то немцы после того прошлого раза сильно умные стали и все патрульные мотодрезины на подходе к мосту за сто метров проверяют. Ну что же, это, comrades, ваше право и святая обязанность перед фюрером и Рейхом.

Да только мы-то на опережение работаем по прописной истине: удивить — значит, победить. Ведь вам со всем вашим орднугом и в страшном сне присниться не может, что партизаны эшелон с боеприпасами из самодельной переносной пушки издали обстреливать начнут, для нейтрализации отдачи эту самую пушку к дереву привязав.

Вдали за лесом появился дым. Отец Георгий поднёс к глазам бинокль. Сейчас начнётся, и если сработает, как надо... Комиссар к медали «За отвагу» представить обещал. Что же, очень даже неплохо. Вторая награда за неполный военный год. И пусть тщеславие есть грех, но уж чуть-чуть то можно? Тем более заслужил.

Поезд въехал на середину моста. Огонь! Грохот выстрела «Слонобоя» и гром взрыва перевозимых в эшелоне боеприпасов слились в один всё заглушающий рёв, от которого задрожала земля, а когда пыль и дым рассеялись, мост просто исчез. Да и не он один. Ударная волна смела даже пулемётные доты на подступах к нему.

К отцу Георгию подошли партизаны.

— Поздравляем, командир! Лихо мы его — как в тире. Теперь все эшелоны вот так же щёлкать будем, и мины не нужны.

— Спасибо, — отец Георгий улыбнулся. — Но со всеми эшелонами так не получится. Только с теми, в которых боеприпасы везут. А вообще-то да, теперь работа у нас во многом упростится. Ладно, отвяжитесь «Слонобоя», и уходим. Мы своё дело сделали.

Глава 16.

Охота на охотников

Между деревьями показались осторожно крадущиеся люди в камуфляже. Так и есть, немцы. Отец Георгий взял их на прицел. При-

чём, судя по амуниции, не пехота. Автоматы, камуфляж. Не иначе ягеры — спецподразделение вермахта по борьбе с партизанами, набранное из профессиональных охотников, прошедших егерскую подготовку. Нечто вроде спецназа. Да, тактика контрольных засад, когда рейдовая группа делает по пути следования остановки и, затаившись, ждёт, чтобы проверить, не идёт ли кто по следам, полностью себя оправдала, а то бы мы вывели их прямо к базе. До неё-то меньше чем полкилометра осталось. И вот тогда визита карателей не избежать. Повезло, одним словом. Интересно, как же они на нас вышли? В лесу случайно по следам или от самого подорванного моста вели? Ладно, пленного возьмём, дознаемся.

А между тем немцы, которых оказалось пятеро, сошлись группой и стали о чём-то совещаться. Самое время. Отец Георгий провёл рукой по ногам. Условный знак — попытаемся взять живыми. Такой язык, из егерей, дорогого стоит.

Одиночный выстрел разорвал тишину леса. Иван Андреевич Руковицын — охотник, а теперь штатный снайпер отряда и по совместительству наводчик «Слонобоя», сменивший свою двустволку на трофейную винтовку Маузера, — мастерски отработал цель, прострелив одному из немцев колено. Тот со стоном рухнул на землю. Ещё четверых достали из автоматов, но уже менее удачно. Немцы оказались крайне шустрыми, что неудивительно, принимая во внимание их подготовку. Резко упав на землю, они всё же успели ответить, но не более того. Как потом оказалось, в каждого попало по несколько пуль, и ответную стрельбу они вели уже практически на рефлексх.

Скоротечный бой был закончен. Единственный оставшийся в живых немец, очевидно отойдя от шока, потянулся к висящей на поясе гранате. Безуспешно. Руковицын вторым выстрелом перебил ему руку.

Удостоверившись, что все ягеры, кроме одного, мертвы, партизаны подошли и стали оказывать помощь раненому языку, заняв на всякий случай круговую оборону: нельзя было исключать, что группа ягеров была не одна. Но опасения отца Георгия не оправдались. Подошедшее вскоре с базы на звуки перестрелки подкрепление самым тщательным образом обследовало лес, однако ничего подозрительного не обнаружило.

— Одни они были, командир, — авторитетно заявил Руковицын. — Только наши следы и ихние, пять пар, по сапогам видно. Да

и не будут в разведку целой ротой ходить. Пятеро для такого дела самый раз.

— Согласен, — кивнул отец Георгий. — На том и остановимся.

Теперь он был уверен, что их группа благодаря правильно выбранной тактике смогла полностью уничтожить отряд егерей, одержав очередную хоть маленькую, но победу в этой ещё очень долгой и тяжёлой войне.

Глава 17.

Предначертанное да исполнится

— Итак, подведём итоги, — комиссар оглядел собравшихся. — Первое. Применение «Слонобая» полностью себя оправдало, будем использовать его и дальше против эшелонов с боеприпасами. Проще и безопасней, чем мины. Второе. Немцы, очевидно решив заняться нами серьёзно, бросили против нас подразделение по борьбе с партизанами, имеющее специальную подготовку. Но благодаря тактике контрольных засад, предложенной товарищем Медведевым, сегодня его группа во время возвращения из рейда уничтожила одно из таких подразделений охотников и взяла пленного. За что товарищу Медведеву и всей его группе объявляется благодарность. Те пятеро были разведкой, выследившей, как показал на допросе пленный, нашу группу со «Слонобоем» совершенно случайно после многодневных безуспешных поисков, что, кстати, подтверждается незначительным запасом продуктов у егерей. Вывод: противник хоть и опасен, и силён, но не всесилен. Его возможности серьёзно ограничены местными условиями. Но! — комиссар сделал паузу. — Бдительность придётся усилить. Любая группа, пусть даже идущая от одного опорного пункта к другому, обязана использовать контрольные засады. Прошли, остановились, подождали, убедились, что нет хвоста. В случае чего — действовать по обстановке: от боя на уничтожение, как сегодня, до увода в сторону с запутыванием следов. Третье — это к подпольщикам, — комиссар вздохнул. — Необходимо подыскать нового врача для отряда. Как вы, думаю, уже все знаете, сегодня Наташеньку шальной пулей зацепило. Это на настоящий момент наша единственная возвратная потеря в бою с охот-

никами. Рана, правда, не тяжёлая, пуля навывлет прошла, и, как сама санинструктор говорит, дней через десять уже бегать будет. Но, тем не менее, второй врач лишним у нас не будет.

«Не второй — первый, — мысленно поправил комиссара отец Георгий. — Потому что Наталья уже... Ну, в общем, всё как и должно было случиться. 1942 год, ранение в левую голень шальной пулей, выпущенной, как теперь выяснилось, из автомата одним из ягеров с полукилометра. А дальше — гангрена с ампутацией. И он один сейчас об этом исходе знает. Давно знал, а сделать ничего не мог... Единственное — ампулу с хлороформом для неё приберёт, чтобы, не приведи Господи, под крикаином, то есть по живому, резать не стали. Не заслужила она этого, не заслужила.

— Гангрена у меня, гангрена, — дрогнувшим голосом произнесла Наталья. — Мне ногу отнимать надо.

Из глаз у неё потекли слёзы. Александр прижал её к себе:

— Не надо, Ёжик, не плачь. Может быть, ещё вылечить можно. Ты же хороший врач. У тебя же ни один раненый не умер.

— Жора, пойдём, не будем им мешать, — позвал отца Георгия комиссар. — Пусть вместе побудут.

Новость о случившемся распространилась мгновенно. И вся база погрузилась в печаль. Наталья была всеобщей любимицей и прекрасным врачом, вернувшим к жизни не одного раненого. И вот теперь... Да, конечно, отряд нёс потери, и за десять месяцев их было немало. Но это было не то. Погибали бойцы, а Ёжик должна была жить и не стать инвалидом.

Из землянки санчасти вышел бледный как полотно Александр:

— Я ничего не могу сделать. Она сначала плакала, а теперь просто молчит — и всё. И ещё, — он перешёл почти на шёпот, — другого врача до сих пор нет. А если гангрену не остановить, то кто ногу резать будет и как? У нас же наркоз кончился, а без него это невозможно.

— Знаю, что кончился, — вздохнул комиссар. — Она мне докладывала. Жоре спасибо скажи. Он с моего разрешения запас сделал, как раз на такой случай. Мы-то, если что, и под спиртом потерпим.

Александр растерянно посмотрел на отца Георгия. В его взгляде явственно читался вопрос: «Жора, а ты откуда про это мог знать?»

— Да не знал я, — пожал плечами отец Георгий. — Предположил такую возможность просто, и вот — прав оказался. А с врачом что? Когда будет? Ведь тут же тянуть нельзя.

— Не знаю когда, — отрезал комиссар. — Может, завтра, а может... Молчит подполье.

— Я оперировать буду, — твёрдо сказал отец Георгий.

— Что? — комиссар и Александр, одновременно замолчав, усталились на него.

— Нет, я не врач, но когда-то хотел в мединститут поступать, книги соответствующие читал, — объяснил отец Георгий. — Да вот только проверку на профпригодность в патологоанатомии не прошёл. Пришлось стать электриком.

Всё сказанное отцом Георгием было ложью от начала и до конца. Но это была ложь во спасение, если принять во внимание тот факт, что ему было прекрасно известно о том, как оно всё дальше будет. Доставят в отряд доктора. Фельдшера, правда, не хирурга. Но тут уж, как говорится, не до жиру, быть бы живу. Вот потому и придумал он про своё несостоявшееся медобразование, желая людей успокоить, имея при этом абсолютную гарантию того, что ему самому операцию делать не придётся. — Жора, а уверен, что сможешь? — с тревогой в голосе спросил Александр. — Ведь одно — по книгам, а другое...

— Согласен. Это не часовым глотки резать, — вздохнул отец Георгий. — Но раз надо, так надо. А как, Наталья мне и подскажет. Прямо сейчас с ней поговорю. Но не об операции, нет. Об этом позже. Дай Бог, может, и без того обойдётся, а просто душу успокоить чтобы. Это ведь тоже важно.

В современной российской армии есть военные психологи, в царской армии их в какой-то мере заменяли военные священники, а вот в Красной армии ни тех, ни других не имелось в принципе. До первых ещё не доросли, от вторых, само собой, отказались. У партизан картина та же самая, но за небольшим исключением, которое и составлял тот отряд, в чьём составе воевал Жора-партизан, а в действительности попавший в прошлое священнослужитель Русской православной церкви отец Георгий. Да, он, конечно, не устраивал коллективных молебнов, не принимал исповедей и даже не отпевал погибших. Об этом не могло быть и речи. Как сказал комиссар, главное, чтобы вера в Бога Родине не мешала. Но время от времени по необходимости использовал свои знания и опыт для душевных бесед с личным составом. Об этом в отряде знали все, а потому очень надеялись, что после общения с Жорой-партизаном Наташе станет легче...

— Не надо, дядя Жора, я... Я всё равно умру, — Наталья посмотрела на отца Георгия полным безысходности взглядом. — Нога — ладно, пусть её отрежут, но у нас наркоз кончился, а без него, даже если врач будет... Не надо, пожалуйста, лучше не мучайте. Я же видела, как это бывает, ещё тогда, в самом начале войны. Один раненый, он так кричал, а потом...

— Не кончился наркоз. Вот, смотри, — отец Георгий показал Натальше ампулу.

— Что? Та самая, которую в Москве в упаковку не доложили? Так вы это что? Зачем?

— Да на всякий случай. Ну что — не будешь больше плакать? — отец Георгий улыбнулся.

— Нет, не буду, спасибо.

Дверь распахнулась. В землянку вошёл Александр и пожилая, лет под семьдесят, женщина.

— Вот, Ёжик, доставили тебе доктора.

Женщина подошла к лежаку Натальи.

— Здравствуй, Наташенька. Меня Ефросиньей Павловной зовут. Что у тебя? Давай ножку посмотрим.

Дальше разговор пошёл исключительно на медицинские темы. «Кажется, работало», — думал отец Георгий, слушая разговор двух медиков. Во всяком случае, пока, а после операции, если что, ещё с Наташей поговорить можно. Но уже о будущем. Про сына, про семью. Она ведь скоро дома окажется. И про Сашу, про то, что он живым вернётся, тоже сказать следует. Во сне вроде увидел. Объяснение, конечно, не очень, но где другое найти?

— Да, придётся ампутировать, и чем быстрее, тем лучше, — сделала вывод новый врач отряда. — Сейчас и начнём.

— Жора, ты почему про наличие у тебя медподготовки скрыл? — задал отцу Георгию вполне ожидаемый вопрос комиссар.

Наталью прооперировали более чем успешно, и вот теперь, когда у всех свалился камень с души, командование решило расставить все точки над «i».

— Нет, я, конечно, понимаю, что у тебя, как и у нас всех, есть личная причина немцев собственными руками душить, — продолжил комиссар. — Но ты пойми: ведь врач тоже воюет, хотя и не напрямую. Он спасает жизни бойцов, тем самым опосредованно уничтожая врага. И является при этом особо ценной боевой единицей!

Потому что врача не как подрывника, его не один год учить надо. Неужели ты этого не понимаешь?

— Нет у меня медподготовки и никогда не было, — прервал комиссара отец Георгий. — Придумал я всё это, чтобы вы зазря душу не рвали. Видел же, как все мучаются. Вот и решил, что так оно лучше будет. А в случае чего — да, пришлось бы мне ампутацию проводить, раз уж вызвался, врача-то всё равно не было. Так какая же тогда в принципе разница, кто резать будет? Получилось бы или нет, это уже другой вопрос, но хуже бы не было точно.

В землянке повисла звенящая тишина. Лишь стенные ходики отбивали секунды.

— Ну если так, то ладно, — наконец нарушил молчание комиссар. — В общем-то, правильно поступил. О тех, кто рядом, всегда думать надо. Но на будущее о подобном меня в известность ставь. Всё, свободен.

Глава 18.

Не допустить Хатынь.

Последний бой Жоры-партизана

— Иван Андреевич, работаешь отсюда по офицерам, огонь — как мы начнём.

— Есть, командир, — кивнул Руковицын.

— Удачи вам всем и тебе тоже, — отец Георгий снял с плеча автомат. — Группа, за мной.

Осторожно, укрываясь за домами и сараями, партизаны вошли в приговорённую к сожжению деревню. Это мост аукнулся. Взбешённые столь наглой и виртуозной диверсией на особо охраняемом объекте, немцы в качестве ответной меры решили провести показательную акцию устрашения. Какую? Из белорусской Хатыни, которую каратели спалили вместе с жителями, после сделали мемориал. Но таких сожжённых сёл в ту войну было немало.

Подполье сработало хорошо, но слишком поздно. Ни перехватить карателей, устроив засаду на дороге, ни хотя бы увести жителей времени уже не было. В результате, когда поднятые по тревоге все находившиеся в тот момент на старой базе партизаны подошли к де-

ревне, в ней уже вовсю хозяйничала зондеркоманда. Около сотни полицаев под командованием эсэсовских офицеров, согласно докладу выдвинутой вперёд партизанской разведки, загоняли селян в большой амбар на окраине деревни.

— Полицаев втрое больше, чем нас, — комиссар обвёл взглядом партизан. — Но ждать подхода подкрепления мы не можем. Иначе некого уже будет спасать. Их сто, нас тридцать. У нас автоматы, у них винтовки. Мы на своей земле. Атакуем с трёх сторон, как только наших людей, наших граждан запрут внутри. Группа Медведева в центре, начинает. Моя и Лукашевича — по правому и левому флангу. Гранат и патронов не жалеть. Нам их сразу, как минимум, уполовинить надо. Дальше по обстановке. Если разбегутся, не преследовать. Уводим людей в лес. Если сунутся — бой на добивание.

«Хорошо, что собак нет — ни наших, ни немецких, а то бы уже давно учуяли и лай подняли». — Отец Георгий, держа наготове автомат, осторожно выглянул из-за угла дома. Двое карателей длинными жердями крест-накрест заколачивали двери амбара, а остальные, встав плотной группой возле двух мотоциклов с пулемётами, наблюдали за происходящим. То, что надо — цель групповая. Пора.

Рывок за запальный шнур, отсчёт до трёх. Запал трофейной «М-24» горит слишком долго, шесть-семь секунд, и первая граната, брошенная отцом Георгием, падает у ног карателей. Гремит взрыв, за ним ещё и ещё. Всего одиннадцать, по одной от него и от каждого бойца его группы. А теперь — огонь! Длинными очередями по мечущимся в панике карателям. Автомат дергается в руках, выплёвывающая потоки свинца. Рядом захлёбывается пулемёт. Щелчок. Затвор в крайнем заднем положении, магазин пуст. Секунда на замену, смена позиции. Ещё и ещё очередь.

Площадь опустела. Оставшиеся в живых каратели, отстреливаясь на ходу, спешно отступили в другой конец деревни. Точно уполовинили, таким было первое впечатление отца Георгия от увиденного. Всё пространство перед амбаром было буквально завалено трупами. А вот свои не пострадали. Благодаря толстым бревенчатым стенам и обшитым железом дверям амбар в одночасье превратился из смертельной ловушки в подобие блокауза, защитив от пуль и осколков запертых в нём селян.

— Занять оборону. Жора, выдели троих, пусть уводят людей в лес, мы прикрываем, — отдал приказание комиссар.

Но уйти сразу не получилось. Не успели партизаны взломать двери, как пришедшие в себя каратели организовались и пошли в контратаку. Пришлось снова прятать местных в амбар. Но далеко не всех. Совершенно неожиданно сельские старики изъявили желание влиться в ряды партизан. Благо с оружием для пополнения вопросов не возникло, трофейные винтовки пришлись весьма кстати, а потому атакующих встретила плотная стена огня. Из леса, филигранно снимая немногочисленных офицеров, работал из снайперки Руковицын.

Поняв, что с партизанами им не справиться, каратели снова отошли. Перестрелка стихла. «Похоже, больше не сунутся, — отец Георгий в очередной раз сменил пустой магазин. — А сунутся — добьём». Странные они какие-то, на наших полицаев не похожи. Его взгляд совершенно случайно упал на валявшуюся рядом форменную кепи. Так это же прибалты — шуцманы, карательный батальон, их эмблема. И они ещё после всего того, что здесь сделать собирались, там, в будущем, себя борцами за свободу называют?! Ну уж нет, может, кто другой, а эти участие в маршах ветеранов легиона СС не примут точно! Ладно, хватит истории. Дальше что? Он обернулся:

— Товарищ комиссар!..

Пронзительный свист, щелчок и резкий удар в грудь. На ткани камуфляжа чуть ниже сердца стало расплываться кровавое пятно. «Шальная», — рикошетом мелькнула в затухающем сознании мысль, и всё поглотила чёрная тьма.

Часть 2.

Большая земля

Глава 1.

Почти дома

Сознание вернулось резко, будто бы свет включили. Отец Георгий открыл глаза. Бежевые стены, белый потолок, сильный запах лекарств, а он сам лежит на железной кровати возле двери. Это же госпиталь. И тут, как бы подтверждая догадку, появилась боль. Тупая, тянущая, чуть ниже сердца, волнами в такт дыханию. Точно госпиталь. Ведь он же пулю от карателей в той деревне в грудь получил. И ранение, видимо, очень серьёзное, раз через линию фронта на Большую землю эвакуировали. Самолётом? А насколько серьёзное ранение?

Отец Георгий прислушался к ощущениям тела. Повязка только на груди. Руки-ноги работают нормально, и если не считать сильной слабости и головокружения, что должно быть вполне естественным после потери крови, то всё не так уж и плохо. Осторожно повернув голову, оглядел палату. Ещё две койки, на них спят раненые. Видимо, ещё рано. Судя по освещённости, часов семь утра. И что же делать? Звать врача или подождать до утреннего обхода, чтобы соседей не будить? Вдруг совершенно неожиданно сильно захотелось пить. А если сейчас не утро, а вечер или вообще белая ночь? Кто его знает, где этот госпиталь.

Вопрос разрешился сам собой. Дверь приоткрылась, и в палату заглянула средних лет женщина в белом халате.

— Воды дайте, — попросил отец Георгий.

— Ой, в себя пришёл. Я сейчас, — медсестра выскочила в коридор и меньше чем через минуту вернулась в сопровождении врача, неся чайник. Отец Георгий, присосавшись к носику, стал с жадностью пить воду, с каждым глотком ощущая, как уходит жажда. Выпил почти весь чайник и только тогда почувствовал, что пить больше не хочет.

— Два литра, дегидратация налицо, — констатировал врач. — Как общее самочувствие?

— Рана на груди болит, голова кружится, сильная слабость и есть захотелось, — слегка удивленно ответил отец Георгий. — А ранение серьёзное? Долго лечиться буду?

— Ну, то, что есть захотелось, это нормально, организм в норму приходит, — объяснил врач. — А насчёт ранения повезло тебе, партизан. Пуля хорошо прошла. Лёгкое только слегка задето, и здоровье у тебя, как у быка. После восьми дней без сознания даже температуры нет.

— Сколько дней?

Услышанное поразило отца Георгия. Больше недели — да это же кома!

— Восемь, партизан, восемь, — врач улыбнулся. — Но это не страшно, места здесь курортные, Волга рядом, так что максимум к середине августа на ноги встанешь. В общем, повязку сменить завтра, а сейчас бульон и две инъекции.

Врач стал давать указания медсестре, но отец Георгий его уже не слушал. Места курортные, Волга рядом...

— А этот госпиталь случайно не?..

— В Сталинграде, — подтвердила его догадку медсестра. — В городе имени товарища Сталина. Санаторий под госпиталь оборудовали. Не был у нас ни разу?

— Нет, не был, но буду, — ответил отец Георгий.

— Ну тогда считай, что в гостях, — медсестра улыбнулась. — А теперь есть давай, а то бульон остынет.

Съеденный бульон разлился по желудку приятным чувством сытости. «Ну надо же, как оно всё обернулось! Я ведь дома или почти дома, — думал отец Георгий, подводя итоги происшедших событий. — Со Смоленщины в Сталинград попал. И не абы когда, а акку-

рат перед началом Сталинградской битвы. Нет, неспроста всё это. Не иначе воля на то Господня, чтобы я свой родной город защищал, да и не только. Ведь это ещё и самый настоящий хронотур в прошлое с элементами экстрима, так сказать. Но суть-то от этого не меняется. Нет уж, что-что, а по городу погулять надо обязательно. На дом наш старый посмотреть, который только на фотографии видел. С бабушкой и прабабушкой увидеться...»

Но долго строить планы не получилось. Видимо, введённые во время инъекции препараты имели в своём составе снотворное, а потому мысли очень скоро стали путаться, превратившись во что-то вязкое и тягучее. И отец Георгий погрузился в сон.

Глава 2.

Родственные души

Затвор автомата, щёлкнув, замер в крайнем заднем положении.

— Что — патроны кончились? — немец криво улыбнулся.

На его черном эсэсовском мундире, как камешки в кругах на воде, исчезали следы от пуль.

— Меня нельзя убить! Слышишь, нельзя!!!

От его дикого, почти звериного рёва, казалось, задрожал весь дом.

— Ни ножом, ни пулей, ни гранатой. Ничем!!!

— А крестом? Жора, иконой попробуй.

В руках женщины была та самая икона Николая Чудотворца. Нечисть ведь страсть как икон боится.

— Нет-нет, не надо, — эсэсовец изменился в лице. — У-у-убери-и-и!!!

Но тут дощатый пол неожиданно провалился, и у немца под ногами разверзлась бездна, полная огня. — Не-е-ет!!!

Отец Георгий открыл глаза: «Где это я? Ах да, вспомнил — в госпитале на Большой земле. А это, слава тебе, Господи, был всего лишь кошмар. Хотя почему кошмар? Нет, не совсем. Тут же продолжение было и конец хороший — отправил-таки я немца в ад». Видимо, действительно дело к выздоровлению идёт, раз сны с хорошим концом сниться стали. Хотя, если честно, то лучше бы и не просы-

паться до конца лечения. Потому что, когда спишь, ничего не болит. Рана на груди уже явственно напоминала о себе, хотя по сравнению со вчерашним днём боль была послабее, или он уже привык.

— Жора, врача позвать?

— Что? — отец Георгий повернул голову.

На соседней койке, подложив под спину подушку, сидел мужчина лет пятидесяти.

— Зазуля Иван Иванович, — представился сосед по палате.

— Нет, не надо, — отец Георгий осторожно повернулся чуть набок, чтобы принять более удобное положение для разговора. — Я в норме. А откуда вы знаете, как меня зовут?

— Медсестра сказала. Не каждый же день партизан из-за линии фронта к нам в госпиталь доставляют, да ещё и с таким послужным списком.

— Вы про награды? — догадался отец Георгий.

— Про них, Жора, про них. — Иван Иванович кивнул. — Кстати, можно тебя так называть, или всё же Георгием Владимировичем, учитывая заслуги?

— Лучше Жорой, — отец Георгий улыбнулся. — Меня в отряде все так называли.

— Так вот, Жора, я тоже, почитай, с самого начала войны, с июля месяца, воевал в брянском ополчении. Но вот чтобы так, за год, Красную Звезду и «За отвагу» заработать... То редкость большая.

— А это кто? — отец Георгий указал взглядом на третьего соседа по палате. — Перемотанный бинтами, как египетская мумия, он неподвижно лежал на койке. — Мы его не разбудим?

— Хорошо бы разбудить, да вот только, — Иван Иванович вздохнул. — Сёмка это, бронейщик из нашей роты. Почти на позиции танковый снаряд рванул. Чудом живой остался. Ну, дай Бог, выкарабкается, ему же всего восемнадцать. А уж если нет, то я с тем танком и за него, и за свой «Максим» сполна рассчитался. Только вот с гранатами не совсем всё ровно прошло. Не надо было связку на моторное отделение кидать. Если что, Жора, учти на будущее — лучше под гусеницу. Сам целей будешь, а то, как у меня, получиться может. Боекомплект рванёт, и в лучшем случае — госпиталь.

— Само собой, — согласился отец Георгий. — Взрыв боеприпасов — штука страшная, особенно если их целый эшелон. А вы, значит, пулемётчиком были?

— Был, ещё с империалистической, — произнёс Иван Иванович, слегка помедлив. — Так что квалификация у меня в этом деле солидная.

«Странно, а что это он о своём участии в Первой мировой как-то вскользь и с неохотой упоминает?» — обратил внимание отец Георгий. Почти год нахождения в ином времени выработал у него рефлекторную конспирацию и навыки чувствовать недосказанные мысли собеседника. Может быть, потому и не вычислили его до сих пор. «Не иначе, скрывает что-то. Может, даже под чужим именем живёт. Белогвардеец например. Хотя нет, на военного, пусть и в отставке, не похож. Есть в нём что-то такое очень близкое, родственно душевное, так сказать. А он случайно не?..»

— Слушай, Жора, — Иван Иванович с опаской глянул на дверь, — ты верующий?

Вопрос был настолько неожиданный, что отец Георгий на некоторое время, как будут говорить много позже, в век компьютеров, просто завис.

— Да. А что? Я своей верой стараюсь никому не мешать. Претензий в отряде не было.

— Нет-нет, я не о том, — глаза Ивана Ивановича заблестели. — Просто я тоже. И когда ты во сне молитву читал, вот я и подумал.

И тут отец Георгий понял всё. Священником его сосед по палате был и вот так же, как и он сам, в войну сана лишился. Ну ничего себе встреча! Уж чего-чего, а встретить в этом времени своего коллегу — шанс, по теории вероятности, в пределах нуля. И ещё — Зазуля. Зазуля Иван Иванович из Брянского ополчения — где же он это имя слышал? Да, точно, Зазуля — кукушка по-украински! У отца Георгия от такого открытия аж голова закружилась, потому что он вспомнил, где про своего теперешнего соседа по палате слышал, а вернее читал. В Интернете. Файл интересный про участника Великой Отечественной войны Зазулю Ивана Ивановича перед самым хронопеременением нашёл. Священником полковым в Первую мировую Иван Иванович был, а потом... Ну так на Гражданской иногда такие вещи творились... Вот и не выдержал батюшка. А что уж дальше-то... Был в Деникинской армии пулемётчиком. Кончилось всё, прятаться пришлось. Но в то время с этим полегче было, особенно ежели один из всей семьи уцелел. Далеко ведь от Киева до Брянска, там, в Брянске, и осел. А когда новая война началась, в ополчение записался. До Минска дошёл, по ранению списали. Но прожил долго, аж

сто девятнадцать лет. Семьёй новой обзавёлся. Да уж! Всем встречам встреча.

— Жора, тебе что — плохо? — Иван Иванович потянулся к лежащему на тумбочке возле кровати колокольчику. — Ты что-то бледный весь. Я сейчас медсестру позову.

— Нет-нет, не надо. Просто лежать так устал, — Отец Георгий слегка поёрзал по кровати, пытаясь размять порядком уставшее от лежания тело. — Да, а час-то который? Завтрак скоро будет?

— Завтрак? Завтрак, Жора, — Иван Иванович рассмеялся, — будет сразу после ужина. Сейчас уже вечер.

— Как вечер? Так я что?..

Отец Георгий был крайне удивлён. Долго же он спал. Хотя, если учесть, что ему вводили снотворное...

— А перед ужином бывает обход, — несколько дрогнувшим голосом произнёс Иван Иванович.

Это тоже не укрылось от внимания отца Георгия. Только вот с какой, спрашивается, радости обхода бояться? Это же не вызов на допрос в НКВД, а просто текущий медосмотр. И что тут такого? Но, как оказалось, «такого» в медосмотре всё же есть. Не каждый день, правда, но тем не менее. А узнать про это самое «такое» отцу Георгию очень скоро пришлось, так сказать, на собственной шкуре испытать. Бинты-то к ране присохли и, в отличие от VIP-клиники или хотя бы добропорядочной больницы, никто их, разумеется, при смене повязки отмачивать не собирался. Отодрали — и всё. Не по-зверски, конечно, нет. С максимальной осторожностью, но...

А ведь как всё хорошо начиналось! Лечащий врач с медсёстрами в палату вошли, поздоровались. Сначала к тяжелораненому, но он же без сознания лежит и лежит. Ну а уж потом к ним с Иваном Ивановичем. Вопросы о самочувствии, давление померили. И вот тут... Больно было до жути. Так, наверное, в гестапо пытаются. А ещё, ко всему прочему, йодом помазали. Хорошо, что хоть не каждый день перевязку делают. А если бы мне пулю или осколок доставали без наркоза? «Стоп, стоп, стоп», — отец Георгий обрубил начинающую формироваться кошмарную мысль о возможности стать объектом операции под крикаином, то есть по живому. И без того... Да и потом — сейчас уже 1942 год, и будем надеяться никогда в подобную ситуацию не попасть.

После обхода был ужин, и только после этого боль слегка отпустила.

— Жора, ты спишь? — Иван Иванович, осторожно поднявшись, принял сидячее положение.

— Нет, не сплю. Просто, как бы это сказать...

— А как есть, — Иван Иванович вздохнул. — Перевязка — это самое страшное из того, что здесь бывает. Нас ведь много. Где же на всех перекись возьмёшь? Вот потому-то бинты по сухому и отдирают. Но при осколочном или пулевом ранении это ещё ничего. Танкистам — тем вот действительно во сто крат хуже. Видел я, как оно бывает. Подобьют танк, выскочить не успели, комбинезон-то у них в солярке, как факел вспыхивает. И ожог на всё тело. Будь моя воля, я бы их всех без Страшного суда в приказном порядке в рай отправлял, потому что в аду они уже были... Ладно, не будем о плохом. — Иван Иванович бросил короткий взгляд на лежащего без сознания соседа по палате. — Давай, Жора, радио послушаем. Что на фронтах делается. Может, наши на новой линии обороны укрепились, а то опять немец, как в прошлом году, вперёд пополз. Видать, Москвы ему было мало. Здорово мы им тогда всыпали.

— Это точно, — согласился отец Георгий. — Первый раз с начала войны. Но, видать, недостаточно, ещё получить хотят. Включайте. Может, действительно что-то важное произошло.

«Немцы в очередной раз наш фронт прорвали», — закончил он про себя. До хороших новостей ещё полгода, но они будут, будут — в сорок третьем.

Иван Иванович включил висящую на стене чёрную тарелку, благо в бывшем санатории все палаты имели радиоточки. И из динамика раздался давно знакомый голос Юрия Борисовича Левитана: «От Советского информбюро». Отец Георгий затаил дыхание. А ведь это же всё по-настоящему, вживую. Лето 1942 года, госпиталь, Сталинград, сводка Совинформбюро. Нет, он, конечно, слышал Левитана и раньше — и в своём времени, и в этом, особенно после того, как благодаря его собственным стараниям батарея для питания рации появилась. Сводки с фронтов удавалось слушать более или менее регулярно. Но теперь тут, на Большой земле, это было как-то совсем иначе. Мир прошлого, реальный и осязаемый, обрёл свои формы. Ведь там, в партизанском отряде, несмотря на десять месяцев войны, он все же так и не смог полностью отделаться от чувства, что всё, с ним происходящее, является не чем иным, как сильно затянувшейся исторической реконструкцией. Хотя разумом понимал, что это не так. И вот теперь ощущения были какие-то... Наверное, так себя пер-

вооткрыватели в эпоху великих географических открытий чувствовали, когда прямо по курсу пересекавшей океан каравеллы из-за горизонта выплывали берега новой, ещё никому не известной земли.

А ведь время — это тоже океан, огромный, бескрайний, на всю Вселенную, и по нему, оказывается, тоже можно путешествовать. Какие огромные возможности для изучения истории! Если, конечно, машину времени сделать. А сделать её однозначно можно, если всё, что с ним самим случилось, учесть. И вот тогда 33-й год новой эры. Римская провинция Иудея. Иерусалим. «А в общем, это уже несколько иной вопрос», — притормозил полёт мысли отец Георгий. Ибо, как любил говаривать вождь мирового пролетариата, «какие, однако, у вас аппетиты, батенька». А то одному историческую экскурсию подавай, а другому выгоду коммерческую. Галеоны испанского золотого флота, к примеру, пощипать. Ну, те, что во время перехода через Атлантику с грузом золота из-за штормов затонули. И никакого вмешательства в ход истории. Экипажи-то на них всё равно покойники. Так какая же, спрашивается, тем испанцам разница — от волн морских умереть или от пули из Калашникова? Хрен-то, как известно, редьки не слаще. И тут такое начаться может... Так что, прежде чем машину времени изобретать, не семь и даже не четырнадцать, а семьдесят семь раз отмерить надо. А впрочем, на всё воля Божья. Но, представься отцу Георгию возможность посредством машины времени в Иерусалиме 33-го года новой эры побывать, он бы от этого никогда не отказался.

— Никаких существенных изменений на фронте — это тоже неплохо, — подвёл итог прослушанной сводки Иван Иванович. — Перед наступлением под Москвой тоже всё стихало, а потом... — И вдруг, не закончив фразы, схватился за колокольчик. — Жора, смотри — Сёмка в себя пришёл!

— Что? — отец Георгий глянул на их третьего соседа по палате. Тот лежал с открытыми глазами. — Слава тебе, Господи, очнулся.

На звон колокольчика прибежала медсестра, потом врач, затем ещё один. Стандартная процедура и вердикт: жить будет, но...

— Оглох, значит, — вздохнул Иван Иванович. — Этого и следовало ожидать. Ну ничего, глухие тоже живут. Пусть хоть так, но домой вернётся. Бумагу с карандашом дайте, — обратился он к медсестре. Письмо родителям напишу, чтобы сына с войны ждали.

— А ведь и мне тоже надо отписаться, — неожиданно спохватился отец Георгий. — Ну если не в отряд, туда почта в лучшем случае

к концу войны дойдёт, то хотя бы Наталье. О том, что живой, сообщить. Нас же, как я понимаю, одним бортом на Большую землю эвакуировали. Она, наверное, с ума сходит: выжил или нет? Правда, в какой её госпиталь отправили, неизвестно, но вот адрес живущей в Москве бабушки её помню. На него и пошлём... Долго, конечно, получится, но это всё же лучше, чем ничего... И мне тоже бумагу и карандаш дайте, — попросил отец Георгий. — Своим сообщить надо, что живой.

Глава 3. Возвращенец

— А мы от так слоном. — Иван Иванович переместил бумажный кружок с надписью «слон» с А2 на D5.

— Оригинальный ход. — Отец Георгий оценил возникшую на шахматной доске ситуацию.

Похоже, на этот раз будет ничья. А может, и нет. Сёма игрок неплохой, не их с Иваном Ивановичем уровня, конечно, но учится быстро, времени-то много, первая половина августа уже. И делать особенно нечего, у них своего рода отпуск. Поначалу, особенно первый месяц, не до развлечений было, в основном новости слушали, ну а когда немного на ноги встали, вот тут и понадобилось чем-нибудь себя занять... А главное — не то что Интернета с соцсетями и «Ютубом», даже телевизора нет. И как только люди здесь живут? Нет, конечно, если по-серьёзному, то и книги, и газеты имеются, и пионеры с художественной самодеятельностью приходят. А ещё шахматы. Но это на любителя. Вот как они — втроем сами всё изготовили.

Дверь палаты открылась, вошла медсестра с пачкой писем в руках. Почта. «Это наверняка Семёну, — решил отец Георгий». Впрочем, он ведь через два дня домой в Хабаровск уезжает. Кончилась для него война, и доедет нормально, без приключений. А то ведь 22 августа скоро, день самого страшного авианалёта на Сталинград. Может, и госпиталю достанется. А делать что, ну в смысле как предупредить обо всём? Ненормальным посчитают в лучшем случае или попытку дезертирства под видом симуляции психического заболевания пришьют. Нет, тут без вариантов, что было, то будет. Их

с Иваном Ивановичем эта бомбёжка во всяком случае в госпитале не застанет. Ещё максимум неделя — и на фронт.

— Держи, Жора. Из Москвы. — Медсестра протянула отцу Георгию не стандартный фронтовой треугольник, а конверт.

От Натальи наконец-то! Долго же оно шло. Внутри было письмо и фотография — Наталья с Ванечкой на руках. Отец Георгий взглянул на снимок и понял, что вернётся домой. Да-да, именно так. Ведь точно такую же фотокарточку он видел в фотоальбоме у отца Александра, и не её одну. Есть ещё другая. На ней отец Александр и... «А это мы с моим воздушным стрелком Жорой в День Победы в Берлине фотографировались. Он вместе со мной с самого начала войны партизанил. Потом, после ранения, его на Большую землю отправили. Под Сталинградом и Курском был, ну а потом, в сорок четвёртом, снова встретились. Школу воздушных стрелков окончил. До конца войны в одном экипаже летали. А потом пропал. Ни письма, ни открытки. Искать я его пытался — нету, как в воду канул», — почти мгновенно всплыли в памяти отца Георгия слова отца Александра.

«Надо же, значит, всё-таки вернусь. И вернусь нормальным, не инвалидом, как Семён. А ведь мог бы и раньше вспомнить», — поймав себя на мысли отец Георгий. Ведь та Берлинская фотография не только у отца Александра в альбоме есть, но и ещё в рамке на комодке стоит. Да, насколько бы веселей воевать было. Ну зато теперь... Кстати, по возвращении надо будет к отцу Александру и матушке Наталье зайти. Однополчане всё-таки, а кроме того, посоветоваться, как теперь со служением быть, — вопрос с наличием сана всё ещё толком не определён. Ну а дома так вообще караул. Ведь поехал на две недели куда? Правильно, погибших на Великой Отечественной войне солдат искать. А вернулся через сколько и откуда?.. Вот именно.

— Что, Жора, новости хорошие? — поинтересовался Иван Иванович.

— Более чем, — отец Георгий улыбнулся. — Самые лучшие с начала войны. «Я домой вернусь — вот такие новости», — закончил он про себя. — Наталья, наш санинструктор — помните, я вам рассказывал? — из госпиталя выписалась, дома уже. Фотографию прислала — она и малыш.

— Да, действительно хорошие, — согласился Иван Иванович. — Пусть теперь ребёнка воспитывает. Она в этой войне всё, что смогла,

сделала. Ну что, продолжим партию? — он посмотрел на Семёна. — Твой ход или ничья?

Тот кивнул.

— Ладно, ничья так ничья. Как говорится, победила дружба.

Глава 4.
Ошибка Абвера,
или Как, используя знание истории,
разоблачить шпиона

Дни шли своим чередом, приближая момент выписки, и только одно удручало отца Георгия — по городу погулять не удавалось никак. Госпиталь — не воинская часть, где увольнительную можно получить и отправиться на экскурсию в прошлое. В госпитале с внешними прогулками строго. Нет, за территорию выйти можно, да вот только что толку? Далеко-то в пижаме не уйдёшь, а пару улиц с одноэтажными деревянными домами и из-за забора прекрасно видно. «Да, обидно будет, если в город попасть так и не получится, — печально думал отец Георгий. — Особенно после того, как фактически обратный билет домой заполучил. Ведь это же такие впечатления — тот старый довоенный Сталинград увидеть. Будет, что потом рассказать. Господи, помоги».

И Господь услышал молитвы своего пастыря. И не просто услышал, а ещё и совместил для него полезное с приятным. «Увольнительная рядовому Медведеву Г.В. для ознакомления с достопримечательностями города, носящего имя товарища Сталина, была предоставлена в знак поощрения за проявленную бдительность и помощь органам Народного комиссариата внутренних дел СССР в борьбе с врагами нашей социалистической Родины». Так, ну или почти так, торжественно и пространно, могла бы звучать соответствующая формулировка в каком-либо официальном документе. А если коротко — за то, что помог контрразведке поймать немецкого шпиона, находящегося на излечении в этом же госпитале. Каким образом? Да очень просто. Одну небольшую подробность из истории Великой Отечественной войны вспомнив. А произошло это так.

В связи с катастрофической нехваткой вспомогательного персонала привлекали для выполнения различных хозяйственных работ выздоравливающих. Сия участь не миновала и отца Георгия с Иваном Ивановичем. И санитарями быть приходилось, лежачих тяжелораненых принимая, и грузчиками — когда в колхоз за продуктами на полуторке ездили, и даже на кухню попасть удалось. В общем, всего понемногу, так что очередная разрядка в канцелярию госпиталя не стала для отца Георгия большой неожиданностью. Он был этому даже рад. А что? Работа непыльная — перенести несколько ящиков с документами из основного здания госпиталя во флигель во дворе. Это ведь не тяжелораненых на носилках таскать и не картошку чистить. Так, разминка. Но жизнь распорядилась иначе.

Взяв очередной ящик с красноармейскими книжками, отец Георгий уже направился было к выходу, как вдруг обратил внимание на то, что скрепки одной из книжек имеют зеркально-серебристый цвет, в отличие от других, где скрепки были либо потемневшие, либо вообще ржавые. «Из нержавеющей наверняка...» — мелькнула где-то в глубине сознания мысль. И в то же мгновение отец Георгий замер в дверном проёме, потому что понял: эта книжка — фальшивая. Да-да, фальшивая. Ведь это же исторический факт — у нас в стране для скрепок в документах обычная проволока использовалась, а у немцев — из нержавеющей стали. Как оно, по большому счёту, и должно быть, чтобы внешний вид и презентабельность документа не портить. А то неэстетично, не по-европейски как-то, когда у тебя паспорт или удостоверение личности с ржавчинкой. Но нам-то при тогдашней бедности не до эстетики было. Держится — и ладно. А совсем сгниёт — заменим. Ну так вот на разнице этих психологических подходов не один немецкий (и не только) шпион погорел.

— Жора, ты что? — шедший сзади с ящиком в руках Иван Иванович чуть не влетел отцу Георгию в спину.

— Да вот тут одна красноармейская книжка... — отец Георгий лихорадочно пытался придумать обоснование своей осведомлённости. — Похоже, она фальшивая.

— Что? — Иван Иванович от такого откровения аж попятился. — С чего ты взял?

Но у отца Георгия уже была готова правдоподобная версия.

— А вот, смотрите, — поставив ящик на стол, отец Георгий провёл рукой по рядам красноармейских книжек. — Они все потрёпанные, бэ-у, и у всех скрепки или потемнели, или заржавели. Кроме одной.

Тут скрепки новые, блестящие, как будто только из типографии. Такое у немецких солдатских книжек бывает. Для них скрепки из нержавеющей стали делают. Вот я и подумал, что...

Некоторое время оба молчали. Потом Иван Иванович достал из ящика подозрительную книжку.

— Действительно не новая, — дрогнувшим голосом произнёс он. — В прошлом году ещё до начала войны выдали. Капитан-пехотинец, в Белоруссии служил. А ты уверен, Жора?

Отец Георгий кивнул:

— На все сто.

— Тогда пошли к главврачу. Об этом доложить надо.

Выслушав доклад, главврач побледнел, как собственный халат, и снял трубку телефона.

— Ало, это госпиталь. Соедините с НКВД.

— Вот здесь: «с моих слов записано верно, мною прочитано».

Отец Георгий поставил подпись под протоколом допроса.

— И ещё здесь. Подписка о неразглашении военной тайны. Да, опыт — незаменимая вещь, — резюмировал оперативник, складывая бумаги. Я вот сам-то провоял, считай, всего ничего. Месяц без трёх дней — и в госпиталь, а потом в контрразведку определили. Ну а теперь... — он на секунду задумался. — Тут на днях батальон НКВД формируется. Меня комроты назначили. Пойдёте ко мне пулемётчиками? По штату в роту «Максим» положен, а в батальоне почти сплошь новобранцы или из тыловых частей, из милиции, необстрелянные. А вы с Зазулей, считай, ветераны.

Предложение было настолько неожиданное, что отец Георгий даже немного растерялся. Чтобы вот так к новому месту службы пригласили... Ведь можно было просто приказать, потому как то, что их с Иваном Ивановичем завтра выписывают, ни для кого, в том числе для этого опера, не секрет. Забрал бы их к себе — и всё. А тут... А тут приглашает, что само по себе дорогого стоит.

— Пойду, — кивнул отец Георгий. — Но насчёт Ивана Ивановича — ему решать.

Но с тем проблем не возникло. Товарищ Зазуля принял предложение будущего командира сразу. «А куда бы вы, батюшка, делись? — мысленно спросил его отец Георгий. — С вашей-то биографией? Ведь ежели чуть-чуть копнуть, то, как минимум, штрафбат светит. Так что... Да и потом — их же не ГУЛАГ охранять отправляют и не в заградотряд. На передовую, а что до погон, вернее петлиц...

Погоны ещё только через полгода, в сорок третьем введут. То какая, спрашивается, разница — армейские они или чекистские? Пограничникам в первый день войны принадлежность к НКВД воевать с врагом нисколько не мешала.

— Вот и отлично, — обрадовался оперативник. — Значит, завтра сразу, как выпишетесь, приходите. Он написал адрес. — С госпиталем я созвонюсь. Документы вам подготовят. Всё, свободны. Ещё раз спасибо за помощь. Пропуск отметьте у часового. У входа полуторка, вас отвезут.

Отец Георгий был крайне доволен случившимся, если не сказать больше. Не только агента абвера обезвредить удалось, но и ещё собственную репутацию в глазах товарищей по госпиталю сохранить, потому как при задержании сей капитан пехоты, или кто он там по званию у немцев — гауптман от инфантерии, бежать пытался. Как опергруппу увидел, так нервы и сдали. Почувствовал, видать, что по его душу. Так что тут, как говорится, двух мнений быть не может. Сам своё вражье нутро открыл, а не то что, видите ли, бывшему партизану из-за сверхбдительности показалось, и он, вместо того чтобы перекреститься, невиновного контрразведке сдал. Нет, однозначно нет. «Так ведь это же шанс увольнительную себе выпросить, — вдруг совершенно неожиданно поймал себя на мысли отец Георгий. — Как-никак всё же герой дня. Неужели в такой малости откажут? Тем более что завтра всё равно выписка».

— Нет, Жора не откажут, — согласился Иван Иванович. — После того, что сегодня случилось, у тебя, так сказать, особые права. Но только сегодня, так что пользуйся.

И действительно, в увольнительной не отказали, разрешив погулять до вечера. «Спасибо тебе, Господи, что услышал мои молитвы», — думал отец Георгий, забирая у каптёра комплект формы. Впереди семь часов исторической экскурсии. Жалко, конечно, что видеокамеры с собой нет. Но тут уж, как говорится, хорошего понемножку. Тем более что кинохроники довоенного Сталинграда полно. Личные впечатления важнее.

Переодевшись, отец Георгий подошёл к большому зеркалу и не узнал себя. Вернее узнал, но вместо партизана в камуфляже на него из зазеркалья смотрел типичный боец Красной армии возрастом лет под сорок с пустыми петлицами рядового. «А волосы-то седеют, — вдруг совершенно неожиданно обратил внимание отец Георгий, поправляя пилотку. — Как снегом голова припорошена. Не

зря говорят, что у войны белой краски много». Ладно, сейчас не это главное. Наглядный урок истории начинается. Это куда интересней, чем физиологические последствия войны для собственного тела изучать. И, выполнив строевой поворот или нечто подобное — как-никак, он теперь красноармеец, вернее чекист, — отец Георгий направился к выходу.

Глава 5.

Прикоснуться к прошлому

Вот оно, прошлое, живой музей. Ходи, смотри, слушай, даже потрогать можно. Отец Георгий шёл по улицам и не узнавал родного города. Вместо высоких панельных домов — маленькие кирпичные в три, максимум пять этажей, а на том месте, где там, в далёком 1983 году будет стоять их девятиэтажка, вообще частный сектор. И только Волга неспешно несёт свои голубовато-зелёные воды среди знакомых берегов. Но набережная не та — другая, и корабли у пристани тоже другие — старые, а Мамаев курган без огромного мемориала, и Родины-матери с мечом тоже нет. Пока нет. И цемент для неё ещё не изготовлен, и бетон не замешен, и сталь для арматуры не выплавлена в мартене.

А вокруг... А вокруг — спокойная, почти что мирная жизнь. Спешат куда-то люди, едут, обгоняя друг друга, чёрные «эмки» и зелёные полуторки, ходит общественный транспорт. Допотопные автобусы «ЗиС». На таком Жеглов с Шараповым в фильме «Место встречи изменить нельзя» за Фоксом гонялись. И только силуэты встречающихся кое-где зениток ПВО да бумажные кресты на окнах дают понять, что идёт война. Но ко всему этому люди уже привыкли, как и к множеству военных, а потому никто не обращает внимания на неспешно идущего по улице бойца Красной армии в звании рядового с пустым сидором, то есть вещмешком на плече. Скорее всего в увольнении, вот и гуляет по городу, а вещмешок — так красноармеец с ним на рынок зайдёт себе и сослуживцам чего-нибудь прикупить.

Так и не так. Да, в увольнении, да, сидор для покупок. А ещё этот боец — попаданец, хронотурист, хронафт, прошедший сквозь время,

чтобы увидеть всё и вернуться. Но пока он здесь, в этом времени, в прошлом, отделённом от дня его рождения четырьмя десятилетиями. И лишь ему одному известно, что меньше чем через месяц всего этого не будет. Этого города, и этих людей, и этих домов, и этих машин, и этих кораблей на реке. А будут дым и огонь Сталинградской битвы, в которой Красная армия сломает хребет фашизму. Пусть ещё не полностью, только надломит, окончательно сломает под Курском, но здесь, здесь будет начало.

А превращённый в руины город возродится. Да, возродится, как Феникс из пепла, и уже потом, через много лет, жарким июльским днем 1983 года в нём родится тот, кто сейчас неспешно идёт по улице за сорок один год до своего появления на свет. Так оно и будет.

Отец Георгий остановился возле дома Павлова. Целый, и люди в нём живут, и даже не предполагают, каким знаменитым станет этот с виду вовсе ничем не примечательный дом. Предупредить бы их, об этом он ещё в сорок первом думал. Но если и попытается, ну так кто же ему, контуженному, поверит? Восемь суток без сознания даром не проходят. Спишут в нестроевые или вообще...

Ладно первая часть программы, то есть историческая экскурсия, закончена, подытожил отец Георгий. Теперь к своим в гости ехать надо. Так сказать, личные контакты наладить. Но сначала на рынок за гостинцами для тётки Зины, старшей сестры отца. Она с 1935 года, ей сейчас семь лет. Леденцы или нечто подобное будет в самый раз.

— Ой, а он что, сынок, серебряный, что ли? Бабуля лет под семьдесят, торговавшая в том числе леденцами, удивлённо разглядывала портсигар.

— Нет, мельхиор, — честно признался отец Георгий. — Серебро я бы в фонд обороны сдал, а это у фельдфебеля немецкого как трофей взял заместо кисета. Очень удобно. Закрывается плотно, в дождь табак сухим будет. Ну так что, берёшь?

— Беру, беру, — закивала бабуля. — Вот тебе, сынок, леденцы. Не довоенное монпансье, конечно, но сама из плавленного сахара делала. Не сомневайся, племяннице понравится.

— Спасибо.

Отец Георгий сунул кулёк самопальных леденцов в один из карманов вещмешка. Сделка по бартеру состоялась, ибо деньги в военное время были не особенно в ходу. Во-первых, из-за гигантской инфляции, а во-вторых, денег у отца Георгия просто не было. Ведь он, если по-серьёзному разобраться, ещё даже не красноармеец,

коим хоть и гроши, но платят, а бывший партизан и будущий боец войск НКВД — с завтрашнего дня. А сегодня — так себе, между небом и землёй. Вот и пришлось трофейным портсигаром рассчитаться. Хорошая вещь была для индивидуальной бронезащиты. Набитый бумагой портсигар всегда лежал в левом нагрудном кармане камуфляжа, потому что теоретически мог защитить сердце от пули или осколка. И хотя в том бою у деревни он не помог, но каким-то чудом, что очень удивило отца Георгия, портсигар отправили вместе с ним на Большую землю. И то польза, было чем за леденцы расплатиться.

— Может, ещё что надо? — поинтересовалась бабуля. — Так я подскажу.

— Нет, не надо, — мотнул головой отец Георгий. — Всё, что хотел, уже купил. Теперь пойду своих повидаю. А завтра... Завтра на фронт.

Несмотря на свою допотопность, «антикварные» автобусы бежали довольно резво, а пробок не было как таковых, поэтому меньше, чем через полчаса, отец Георгий оказался во дворе знакомой лишь по чудом сохранившейся фотографии трёхэтажки. Здесь жила, а вернее живёт в этом времени семья его даже не отца, а деда. Отец не здесь родился, уже в другом доме, потом, через пять лет после войны.

Зайдя в подъезд, отец Георгий замер возле двери. Вот он, момент истины, личные контакты третьего рода, как говорят уфологи. Что же, в какой-то степени аналогия налицо, ведь он для них, а они для него иновременяне. Нет, конечно, версия того, кто он и откуда, была подготовлена заранее. Служивец, воевали вместе. Дед ведь в начале войны тоже в окружение попал, партизанил. Ну так вот и зашёл служивец с фронтовым приветом проведать семью боевого товарища. Всё просто и естественно — для них. А для самого себя? Ладно, будь что будет.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы сжечь начинающий выделяться сверх меры адреналин, отец Георгий вдавил кнопку звонка. И ничего. А если дома никого нет? Но тут за дверью слышались шаркающие шаги и топот маленьких детских ножек. Щёлкнул замок, дверь открылась, и на пороге отец Георгий увидел женщину шестидесяти лет, возле которой стояла маленькая, лет семи-восьми, девочка с двумя косичками. «Тетя Зина и прабабушка», — услужливо подсказало сознание.

— Вам кого?

— А-а-а... Медведевы здесь живут? — наконец выдал отец Георгий.

— Да.

— Медведев Пётр Степанович — ваш сын? Я от него. Воевали вместе.

Прабабушка изменилась в лице.

— Живой, не волнуйтесь.

— А как он, где он? Ой, да вы проходите, проходите скорей. Зиночка, маму буди. Папа нашёлся!

«А вот это уже больше, чем можно было ожидать», — отметил про себя отец Георгий, переступая порог квартиры. Застать дома бабушку он особенно не рассчитывал, поскольку времени было всего шесть часов вечера, а смены на заводах, в том числе на СТЗ, то есть Сталинградском тракторном, где она в этом времени работает, по 12 часов и более. Часто с ночёвками на рабочем месте. А тут, видать, домой отпустили. Повезло.

Квартира оказалась двухкомнатной, чем-то напоминающей знаменитую в будущем хрущёвку. Только потолки высокие, под три метра. Мебель той эпохи. Семейные фотографии на стене, а вместо телевизора — уже знакомая по госпиталю черная тарелка. И две пары глаз. Бабушка и прабабушка глядели на него, как на икону. Что с мужем? Что с сыном? Ведь год почти писем не было. Думали, погиб, а тут...

— ...Ну, а когда меня после ранения на Большую землю самолётом эвакуировали, да к вам в госпиталь, я и подумал, что надо бы зайти сообщить. Письма-то из-за линии фронта очень редко доходят. И ещё, — отец Георгий достал из вещмешка кулёк с леденцами. — Это тебе, Зиночка, от меня и от папы. Кушай, моя хорошая.

— Большое вам спасибо, Жора, что зашли, — поблагодарила отца Георгия прабабушка. Вы же мне, считайте, сына вернули, а Верочке мужа. Пойдёмте, мы вас хоть покормим.

— Нет-нет, за приглашение спасибо, но это исключено. — Отец Георгий встал с дивана. Объедать предков в его планы совершенно не входило. — Времени нет. Из увольнительной опаздывать нельзя, а мне ещё на другой конец города ехать. Так что пора. Всего вам хорошего.

— А вы на моего мужа чем-то похожи, — вдруг совершенно неожиданно заявила бабушка уже стоящему в дверях отцу Георгию. — И тоже Медведев. Вы случайно не родственники? Может, дальние?..

— Не знаю, — пожал плечами отец Георгий. — Вряд ли. Я же из Пскова. Но Земля ведь круглая, ничего исключать нельзя. Ладно, пойду я. До свидания.

Выйдя из подъезда, отец Георгий обернулся и ещё раз посмотрел на их дом, как бы фотографируя в памяти то, чему уже очень скоро суждено исчезнуть. А потом сел в автобус и поехал в госпиталь. Он получил от этого дня всё, что хотел. Экскурсия в прошлое завершилась.

Глава 6. Волжский рубеж

Вот теперь порядок. Отец Георгий аккуратно разгладил сапёрной лопаткой землю бруствера. Окоп полного профиля. Ведь земля для пехоты — броня. И от пули, и от осколка, и даже от танка с самолётом защитит может, если, конечно, не лениться и всё по правилам, как положено, сделать. Цена ошибки — жизнь.

Их слегка разбавленная ополченцами рота НКВД здесь с самого утра. Вокруг — уже начинающая желтеть под палящим августовским солнцем, пересечённая кое-где оврагами, плоская, как стол, степь. Впереди — немцы, за спиной — Сталинград. Приказ обычный: окопаться и держать оборону на этой высотке пока. Но о том, что это «пока», иными словами, контрнаступление с окружением в районе Сталинграда шестой армии Паулюса, начнётся только в феврале будущего, 1943 года, здесь ещё не знает никто. Да и вообще обстановка крайне нестабильная. Немцы, прорвав фронт во многих местах, наступают крупными силами, но точных данных нет, вот поэтому-то они и ждут противника, как говорится, по-джентльменски, в лоб. Тоже вариант.

Окопаться, слава Богу, успели. Ружьё противотанковое имеется, у них с Иваном Ивановичем — «Максим». А ещё большой сюрприз для немцев зарыт в предполье обороны — фугас из неразорвавшейся пятидесятикилограммовой авиабомбы. Как на место прибыли, так сразу и нашли. На треть корпуса недалеко от будущей линии окопов из земли торчала. Не иначе как истребители Сталинградского ПВО «Юнкерс» или «Хенкель» подбили, а тот, чтобы уйти побыстрее, бомбы для облегчения в степь сбросил, и одна с дефектным

взрывателем оказалась. Сразу от греха подальше взорвать хотели, но тут рядовой Медведев, что из бывших партизан, план предложил: бомбу эту самую разминировать, из земли выкопать и на наиболее атакоопасном направлении установить, землёй и дёрном замаскировав. А в нужный момент в гуще наступающих немцев выстрелом из противотанкового ружья подорвать. Посмотрели на него, как на полоумного. Чего, спрашивается, лезешь? Одно ведь дело — в бою храбрость проявлять, а другое... Тем более не сапёр. А если она у тебя в руках — того? В ней же полцентнера тола! Аккурат до райских врат долететь хватит или до преисподней — в зависимости от послужного списка. Отец Георгий усмехнулся: так воевать можно, ежели заранее знаешь, что с тобой ничего фатального не случится. Ну, максимум ещё несколько ранений — и домой.

— Воздух! — резануло по ушам.

Отец Георгий задрал голову. Высоко в небе медленно кружил «Фокке-Вульф — 189», немецкий высотный самолёт-разведчик, у наших солдат получивший за свою нестандартную двухкилевую конструкцию прозвище «Рама».

— Это ещё не «воздух!», это разведка, но скоро начнётся, — резюмировал Иван Иванович, глядя на барражирующий над позициями «летающий глаз вермахта».

— Давай, Жора, «Максим» в окоп спустим, а то наверняка «лаптёжники» перед атакой бомбить будут. Запросто без пулемёта остаться можно.

Но немцы не особенно спешили. Первая атака началась только после обеда, за что, если честно, отец Георгий, да и не он один, был камрадам благодарен. Ибо после рытья окопов есть хотелось по-страшному. А так — хоть и сухпай, но всё же. Авианалёта не было, его заменил миномётный обстрел. Развернувшись под прикрытием бронетранспортёров и пары танков, цепь немецкой пехоты неожиданно остановилась, и в воздухе послышался пронзительный вой. Отец Георгий нырнул на дно окопа. Да, это не партизанский отряд! Там обычно постреляли и разбежались, а тут... Стенки окопа дрожали от взрывов, а сверху сыпались целые лавины земли и камней. Господи, да когда же это всё кончится?! Они нас уже, наверное, целый час долбают. И вдруг совершенно неожиданно наступила тишина.

— Жора, ты как — нормально? — Иван Иванович тронул отца Георгия за плечо.

— Да.

— Тогда давай «Максим» ставить, сейчас полезут.

Притихшая было степь наполнилась рёвом моторов и лязгом железа. Немцы наступали широким клином. Впереди, поднимая столбы пыли, останавливаясь перед каждым выстрелом из башенного орудия, ползли оба танка, а за ними, сопровождаемые густой цепью пехоты, двигались полтора десятка бронетранспортёров, ведя на ходу непрерывный огонь из пулемётов. В воздухе часто-часто засвистели пули. На нервы давят...

Отец Георгий прикинул расстояние: метров семьсот. Далековато для пулемёта, а вот для винтовки уже норма. Можно пополнить личный боевой счёт, потому что потом не до того будет. В бою у второго номера пулемётного расчёта своих забот хватает. Короткий взгляд в сторону Ивана Ивановича. Тот кивнул:

— Действуй, Жора. Пока не нужен.

Прицельную планку на 70. Выстрел. Отдача мягко ткнула приклад в плечо. Оказавшийся на линии огня немец падает. Похоже, попал, а может и нет — другие ведь тоже стреляют. Ещё и ещё выстрел. «СВТ-40» самозарядная, с компенсатором отдачи. Стрелять из неё удобней и быстрее. Только уход нужен — чистка, смазка. И ничуть она не хуже трёхлинейки. Зря от неё однополчане нос воротят. Для такой высокоскоростной стрельбы она куда сподручнее. Щелчок, затвор в крайнем заднем положении. Десятизарядный магазин пуст. Всё, хватит. До немцев уже метров пятьсот. Самое время для пулемёта.

Иван Иванович, нажав на гашетку, дал короткую очередь, затем ещё и ещё, выбивая с каждой очередью в наступающей немецкой цепи заметные бреши.

— Жора, ленту!

— Есть.

Мгновение на перезарядку. Ещё и ещё очередь. Ближайший к их позиции танк «Т-4», или «четвёрка», грозно завращал башней, выискивая положение пулемётной точки. Из короткого пушечного ствола вырвался сноп пламени, но снаряд взорвался далеко в стороне. «Зря стараешься, — отец Георгий криво улыбнулся. — Да по нам хоть в упор пали — и то ничего не будет. Мы же оба здесь, на этой войне, бессмертные. То давно уже предрешено заранее, и не нами. А «снайпер» этот сейчас нарвётся. Вот и проверим, возьмёт ли немецкая бомба немецкую броню».

Продолжая наступление, «четвёрка» поравнялась с местом закладки импровизированного фугаса. Удачно установили, почти где

надо. Ну!!! Звонко перебивая пулемётно-винтовочную трескотню, рывкнуло противотанковое ружьё, и в нескольких метрах от борта «четвёрки» вздыбилась земля, а в следующее мгновение прогремел второй, несравнимо более мощный взрыв, превратив «Т-4» в груды металлолома и далеко отбросив сорванную танковую башню. Второй танк «Т-3», «тройка», резко остановился и, дав задний ход, начал отползать. Очевидно, его экипаж решил, что предполье обороны русских минировано, а потому продолжать атаку себе дороже. Но уйти «тройке» не удалось. Очередным выстрелом бронейщик перебил отступающему танку гусеницу, а потом, когда тот крутнулся на месте, всадил бронейную пулю в корму, вызвав пожар в двигателе. Не желая сгореть живьём, немецкие танкисты, распахнув люки, попытались спастись бегством. Безуспешно. Иван Иванович срезал двоих одной очередью. Ещё двух добили из винтовок. Лишившись танковой поддержки, немцы стали отходить, оставив на поле боя не менее двух сотен убитых и три бронетранспортёра, которые во время отступления успел подбить бронейщик.

Всё кончилось. Отец Георгий, сняв каску, вытер вспотевший лоб.

— С боевым крещением тебя, Жора. — Иван Иванович улыбнулся. — Как оно на передовой?

— Терпимо, хотя и потяжелее, чем у партизан, — честно признался отец Георгий. — Особенно под обстрелом.

— Это точно, — Иван Иванович вздохнул. — Хотя под бомбами ещё хуже. «Лаптёжники», они ведь, мать иху, ещё и сирену перед атакой включают. Ладно, об этом потом. Отлуп фрицы получили, так что часок у нас есть. К стану за водой сходи.

— Само собой. — Отец Георгий закинул на плечо винтовку и, подхватив пустую канистру, направился за водой.

В этом отношении им сказочно повезло. Примерно в паре километров от обороняемой высоты находился полевой стан с колодцем, где можно было брать воду не только для питья, но и для пулемёта. Люди ведь в случае чего и потерпеть могут, а вот «Максим» — нет, он же с водяным охлаждением. Четыре литра H₂O ему вынь да налей, а без них стрелять не будет, хоть ты его к стенке ставь. И если зимой эту проблему легко решал обыкновенный снег, то в тёплое время года... В этом отношении у немцев было явное преимущество — все их ручные пулемёты имели воздушное охлаждение.

«А потери-то у нас немаленькие», — думал отец Георгий, проходя через позиции роты. Всё вокруг было усеяно воронками от мин

и снарядов. Меж стрелковыми ячейками метался санинструктор, делая перевязки. Ему помогали несколько бойцов, переноса тяжелораненых на противоположный склон, к подножью высотки, где в овраге был устроен лазарет. Легкораненые шли сами или оставались на позиции, если чувствовали в себе силы продолжать сопротивление. «Не меньше трети личного состава выкосило, — пришёл к выводу отец Георгий. — И это за один бой. А сколько тяжелораненых до госпиталя не довезут? И ведь у каждого дома семьи, они своих с войны ждут...»

Несмотря на целый военный год, проведённый в партизанском отряде, он впервые видел войну так близко, и ему было не по себе. Ведь в его собственной семье на той этой войне из девяти братьев уцелели только двое.

— Медведев, ты к стану за водой? — Вопрос комроты оторвал отца Георгия от мрачных мыслей.

— Так точно, для пулемёта.

— Один не ходи, на подводе поедешь. Вода и раненым нужна. Да, и за идею с бомбой спасибо. Считай, что один танк твой. Что ещё из партизанского опыта подсказать можешь?

— Не могу. Вернее могу, но не с нашими возможностями, — вздохнул отец Георгий.

— Ну нет, так нет. Бомба — тоже немало. И ещё... — комроты сделал паузу. — В общем, если что со мной и со взводными, примешь командование. У тебя год войны за плечами. Иди.

До стана доехали без приключений, а вот на обратном пути на середине дороги их подводу атаковала пара «Мессеров». Немецкая истребительная авиация в то лето под Сталинградом нагнала безбожно. Работая попарно, «Мессершмитты»-охотники снижались чуть ли не до самой земли, расстреливали колонны беженцев и даже одиночные цели. Ещё бы — степь кругом, куда от самолёта денешься? Вот поэтому, пока возница подгонял лошадку, отец Георгий следил за небом. Не появились бы охотники... Их-то двоих, может, и не достанут, а вот лошадь могут. И тогда на одну подводу для раненых станет меньше. На душе было беспокойно, и, как оказалось, не зря.

Неожиданно с восточной стороны, откуда никто опасности не ждал, вывалившись из облаков, как чёртики из табакерки, появились два «Мессершмитта».

— Воздух! Гони, я их отпугну, — крикнул вознице отец Георгий, передёргивая затвор.

Правда, если по-честному, ну что может винтовка, пусть даже и самозарядная, против двух скоростных и манёвренных истребителей? Тут «Стингер» нужен, а ещё лучше «Игла». Но ни того, ни другого в 1942 году на вооружении Красной армии не было, а потому, лоя в прицел атакующий «Мессер», отец Георгий действовал, исходя из принципа «не съем, так понадкусаю». А вдруг?

Выстрел. И тут произошло то, чего не могло быть, ну или почти не могло быть никогда. Ведущий «Мессершмитт» взорвался в воздухе, превратившись в огненный шар, и рассыпался на множество алюминиевых брызг. Его ведомый резко вильнул в сторону, сорвался в штопор и врезался в землю. «У-у-у!» — почти одновременно прокатились над степью два взрыва. И наступила тишина. Лишь мерно скрипели колёса подводы да стучали копыта перешедшей на шаг лошади.

— Так ты их что это — обоих, что ли? — возница уставился на отца Георгия полным мистического восхищения взглядом.

— Да нет, я только один раз стрелял, да и то так, навскидку, — честно признался отец Георгий. — И сразу попал. Вот только куда?

«А действительно, куда?» — отец Георгий задумался. Это куда же надо было попасть ведущему, чтобы вот так сразу с одной пули и, как говорится, наповал? С ведомым-то всё ясно: либо с управлением не справился, либо под осколки от взрыва попал. Но ведущий... Ведь у «Мессершмитта» же бак и мотор бронированы, а в магазине винтовки отца Георгия обычные патроны, не с БЗ, то есть не с бронебойно-зажигательной пулей были. Или... ну да, точно, пуля, наверное, с полукилометра, если не больше, атакующему в ствол авиапушки угодила, что у «Мессера» в развале блока цилиндров двигателя установлена, и, пройдя его насквозь, при калибре пули 7,62 миллиметра и калибре пушки 20 миллиметров взорвала находившийся в патроннике, уже готовый к выстрелу снаряд, а тот, в свою очередь, подорвал другие снаряды, а те — мотор, а мотор — бак, а бак... В общем, шанс на подобное сознательное попадание был намного ниже нуля. Чистая случайность.

— Так и никак иначе, — согласился комроты, выслушав рапорт отца Георгия об обстоятельствах уничтожения двух истребителей противника. Но, тем не менее, на секунду задумался. — Танк и два «Мессера», а до этого — разоблачение вражеского агента. Представление на медаль «За боевые заслуги» писать буду. Удовлетворят или нет, не знаю, но заработал ты её честно.

«Не совсем честно, особенно с бомбой, — мысленно поправил командира отец Георгий. Но, как говорится, дают — бери». И, вскинув руку к пилотке, отчеканил:

— Служу Советскому Союзу!

Глава 7. Откровение

Солнце тонуло в океане степи, окрашивая западную часть горизонта в багровые тона. Отец Георгий, сидя на краю окопа, смотрел на закат. Его вместе с ещё двоими бойцами назначили часовыми. Устав требует. Хотя, по большому счёту, в этом не было смысла. После дневного боя и последовавшего авианалёта от полноценной роты, лишь утром занявшей оборону на высоте, осталось всего одиннадцать человек, трое из которых — раненые.

«Лаптёжники» бомбили страшно, даже пулемёту досталось. Осколок водоохлаждающий кожух повредил, и если бы за бомбардировкой последовала новая атака, этот бой стал бы для всех последним. Но атаки не случилось. Почему? Ответ очевиден для отца Георгия. Сегодня 22 августа, а завтра 23-е. Именно в этот день немецкие танки, прорвав с севера нашу оборону, выйдут к окраине Сталинграда, а авиаэскадра Вольфрама фон Рихтгофена мощнейшим бомбовым ударом практически сотрёт город с лица земли. Связь в вермахте налажена хорошо, вот поэтому атаки и не было. Немцы ушли, перегруппировав силы. Их здесь вообще нет. Рассказать бы всем да спать лечь. Но как в этом случае объяснить свою осведомлённость?

— Жора, а когда война кончится? — неожиданный вопрос Ивана Ивановича прервал мысленный экскурс в историю будущего.

— Что? Откуда же я знаю? — удивился отец Георгий. — Вы бы спали, а то ведь завтра...

— Да нет, Жора, нет, — Иван Иванович заговорщически огляделся по сторонам. — Ты знаешь. У тебя ведь откровения от Господа бывают, да? Никому не говори, а мне скажи. Я молчать буду. Как исповедь сохраняю. Я это давно заметил — не такой ты, как все. Страху в тебе нет, а воюешь не первый день. А сегодня так особенно. Когда бомбу разряжал, у тебя потом руки даже не дрожали. А так быть не

может, ежели только человек разумом не тронулся. Но на сумасшедшего ты, Жора, не похож. Я на своём веку много умалишённых видел. Вот и выходит: заранее ты знал, что бомба та не взорвётся. А раз верующий, значит, не колдун. От Господа откровения имеешь. И «Мессеров» тех обоих с Божьей помощью сегодня тоже? Или не открыл ещё тебе Господь дня победы нашей?

Так, приехали. У отца Георгия перехватило дыхание, потому что он понял: попал. Его вычислили, раскусили, раскололи. Влип по полной. А как же иначе? Ведь он бомбу ту, чтоб ей пусто было, чуть ли не весёлую мелодию насвистывая, обезвреживать пошёл. Без страха всякого. Верно Иван Иванович подметил. А ведь так в реальности не бывает, даже у опытейших сапёров. У самоубийц разве или у тех, кто действительно заранее знает, что бомба по-любому не рванёт, хоть кувалдой по детонатору бей. Вывод: либо пророк, либо попаданец. Но второй вариант из-за неинформированности в этом вопросе наблюдателя отпадает однозначно. И что же теперь делать? Первую версию подтвердить или... Отцу Георгию вдруг очень захотелось рассказать правду, чтобы не быть одному. Да-да, одному. Потому что, проведя в этом времени тринадцать месяцев и даже встретив тех, кого очень хорошо и близко будет знать там, в будущем, он так полностью и не смог избавиться от чувства одиночества. Между ним и этими людьми непреодолимой стеной стояла тайна, раскрыть которую он не мог никому. И вот теперь... А почему бы и нет? Это же, в конце концов, не первый встречный. Да и есть что ему самому предречь, «попророчествовать», так сказать. Ведь такое про себя узнать здесь и сейчас дорогого стоит.

— Хорошо, Иван Иванович, я вам всё расскажу, — отец Георгий улыбнулся. — Вот только откровений от Господа у меня нет. Здесь вы не совсем правы. Мои знания от другого. Просто я родился 23 июля 1983 года.

И отец Георгий рассказал вкратце свою историю, а затем и историю СССР и России двадцатого века.

— Невероятно, Жора, просто невероятно, — Иван Иванович помотал головой, очевидно, пытаясь привести в порядок мысли. — Так, значит, победим мы немцев в сорок пятом, а после и власть советская безбожная рухнет, и вера православная на Русь вернётся, и я новый век встречу? Всё то будущее, о котором ты говоришь, увижу. Человек в космосе, «Луноходы», Интернет. Мне же в 2013 году 120 лет будет! Я же с 1893-го. Семь десятков лет жизни впереди.

— Так и есть, семьдесят, — подтвердил отец Георгий, хотя знал, что это не совсем так. Не доживёт Иван Иванович до 2013 года, в 2012-м

преставится. Дата рождения и смерти под фотографией стояла. Ровно 119 лет прожил. Но сказать об этом открыто отец Георгий не мог. Ведь, с одной стороны, хорошо своё будущее знать — к примеру, что на войне с тобой ничего не случится, а с другой — если дату собственного ухода из жизни тебе назовут... Многие себя, как приговорённые к казни, почувствовать могут. Вот потому и слукавил.

— А насчёт того, что ты, Жора, сана лишился, то... — Иван Иванович некоторое время молчал. — По канонам, конечно, оно всё верно, да вот только уж случай больно неканонический. Тебя ведь Господь сюда, на эту войну, направил и ведаёт, что ты на ней этих слуг антихристовых жизни лишаешь. Ну я бы, наверное, лично исключение для тебя сделал, о Пересвете и Ослябе помня, хотя они и иноки нерукоположенные были, а впрочем, не знаю.

— Вот и я не знаю, — вздохнул отец Георгий.

Тут же в каноны церковные теория относительности вмешивается, а там, как любил говаривать первый президент России, загогулины такие, что одному Господу, как создателю мира сего, разобраться возможно. Кстати, как там со временем? Отец Георгий глянул на часы. Фосфоресцирующие стрелки трофейного «Мозера», служившего ему верой и правдой с самого первого дня хронопеременения, показывали ровно двенадцать ночи. Ещё два часа до смены караула.

— Ложись спать, Жора, а я подежурю, — неожиданно предложил Иван Иванович. — Всё равно ведь не сплю. Да и не усну до утра после того, что услышал. Комроты наверняка посты проверить не будет.

— Не будет, — согласился отец Георгий, подкладывая под голову вещмешок. — Ему после контузии не до этого. Он, кстати, тоже живой останется. Местный, сталинградец, к нам в школу приходил будет про войну рассказывать. Но это уже совсем другая история. Ему её знать совсем не обязательно, а то вдруг ещё потом жить неинтересно станет.

Глава 8.

В начале славных дел

Только бы заработало! Отец Георгий, устало плюхнувшись на водительское сиденье, машинально окинул взглядом приборную панель. Потому что если нет, то все труды по реанимации одного из

подбитых бронетранспортёров пойдут насмарку и пешком до своих топтать придётся, что не есть добро вообще, и для раненых в частности. Да и безопаснее. «Мессера» доставать не будут.

Он этот БТР ещё со вчерашнего дня приметил, потому как два остальных бронейщика подожгли, а этому только мотор повредили, и, стало быть, при определённом везении и умении есть шанс мобилизовать данную иномарку в ряды РККА. Комроты дал добро. Немцев поблизости нет, до своих позиций всего ничего — меньше чем полкилометра, так что риска для ремонтников никакого. Ну а если получится выходить из окружения на бронетранспортёре... Выйдем, как говорится, без вариантов. А в том, что это, скорее всего, придётся делать, не сомневался уже, похоже, никто. Хотя все и молчали. А как иначе? Ведь они не просто бойцы, а бойцы войск НКВД. Так как же может чекист в панику впадать, когда его святая обязанность перед Родиной и народом своим пламенным примером?! Ну и т.д., и т.п. Да вот только здесь передовая, а не митинг. И хотя комроты человек нормальный, с понятием, сам в начале войны порох нюхал тем не менее. А впрочем, это всё лирика.

— Господи, помоги!

Щелчок тумблера. Есть! Мотор завёлся с пол-оборота и заработал ровно, без сбоев. Спасибо бронейщикам, куда не надо не попали.

— Жора, поздравляю, — сидевший на соседнем сиденье Иван Иванович протянул отцу Георгию руку. — Верил, что получится.

— Спасибо, — отец Георгий улыбнулся. — А я, признаться, не очень. Моя первая специальность ещё до истфака и семинарии. Но не забыл. Ладно, едем.

На позиции их ждала ещё одна хорошая новость. Наконец-то пришёл приказ об отступлении.

— Отлично! Молодец, Медведев, — похвалил отца Георгия комроты. — В третий раз нас выручаешь. Я и это в представлении на награждение укажу. Танк, два «Мессера», БТР — должны учесть. — И скомандовал бойцам: — Всё, загружайтесь, время дорого. Мы и так уже, считай, в кольце. Но на броне — не пешком, прорвёмся.

Мягко покачиваясь на ухабах, БТР резво катил по степной дороге. Отец Георгий был крайне доволен. Такой трофей отхватили! Это же не грузовик какой-нибудь. Бронетранспортёр — почти что танк, особенно если его на СТЗ отогнать и тюнинг, в смысле доработку, сделать. Пусть башню с пулемётом приварят или с лёгкой пушкой.

Как до своих доберёмся, обязательно посоветовать надо. На Сталинградском тракторном спецы есть, так что это вряд ли проблема.

Неожиданно по крыше кабины забарабанили прикладом. Что там ещё? Отец Георгий высунул голову. Их догоняла легковушка с открытым верхом.

— Медведев, машину видишь? Притормози,— отдал приказ комроты. — Похоже, немцы, встретить надо.

— Есть встретить.

Остановив БТР, отец Георгий вынул из кобуры трофейный «Парабеллум». Если машина одиночная, то это, скорее всего, какой-нибудь курьер немецкий заблудился и решил у «своих» дорогу спросить. Дойче туристо, Сталинград, бите. Я-я, камрад, Сталинград, данке. Всё подскажем, и дорогу покажем, и сопроводим даже. Мы гостям завсегда рады.

И действительно, спектакль получился на славу. Станиславский отдыхает. Отец Георгий жалел только об одном — что кинокамеры у них не было. Обязательно бы в военную кинохронику сюжет попал.

В легковушке, остановившейся метрах в десяти от БТРа, были двое. Водитель лет восемнадцати, светловолосый веснушчатый солдатик в стандартной полевой мышинового цвета форме, и довольно упитанный, лет под пятьдесят, хлыщ в чёрном эсэсовском мундире. Водитель остался сидеть на месте, а хлыщ, очевидно решив поразмяться, вышел из машины и не спеша направился к БТРу.

— Добрый день, господа. Это дорога в Сталинград? Мы...

Пошутили — и хватит, времени в обрез. Отец Георгий, распахнув дверцу кабины, направил на него «Парабеллум». Хлыщ, подавившись от неожиданности остатками собственной фразы, сначала вытаращил глаза, а потом побледнел как мел. Вас? Что? То ли он плохо видел, но не носил очков, то ли поначалу не обратил внимания, но до него только тут дошло, что сидящие в кузове немецкого бронетранспортёра немецкие солдаты, направившие на него оружие, одеты как-то не совсем правильно, что ли. Ибо под наброшенными на плечи и застёгнутыми даже не на все пуговицы форменными френчами виднелась советская военная форма, а водитель бронетранспортёра — так вообще вылитый красноармеец.

Причина маскарада была проста. С высоты, из кабины самолёта, цвет формы виден прекрасно. Вот поэтому и переоделись. Благо в выборе подходящего гардероба проблем не было. Уходя, немцы не забрали своих убитых.

Немая сцена. Хлыща обезоружили без какого-либо сопротивления. Водитель поднял руки.

— Эсэсовца в кузов, машину сжечь, водителя — в расход, — приказал комроты.

— А я бы по возможности обоих прихватил, — как бы невзначай заметил отец Георгий. — По опыту партизанскому знаю: водители много интересного рассказать могут. А уж там пусть командование после допроса решает, в расход его или в лагерь.

— По опыту, — комроты на секунду задумался. — Ладно, пусть живёт, потеснимся. Может, и правда чего полезного расскажет.

У отца Георгия отлегло от сердца. Нет, не то что бы он очень жалел водителя. Полтора года войны не прошли даром. Перед ним был враг. Воюя в партизанском отряде, он их убил немало. Но здесь просто так лишит жизни почти мальчишку, не оказавшего никакого сопротивления и наверняка не убившего на этой войне никого? Нет, не надо. Но признать это открыто по вполне понятным причинам было нельзя. Вот потому-то версию про партизанский опыт и придумал.

Водителя запихнули в кузов, усадив его рядом с теперь уже его бывшим шефом. Отец Георгий залез в кабину: «Ехать пора. На дым горячей легковушки «Мессеры» слететься могут. Не надо, чтобы они нас рядом видели. Мы, хоть и в маскировке, но всё же бережливого, как известно, Бог бережёт». И бронетранспортёр снова двинулся по степной дороге на восток.

До своих добрались без приключений, потому что заранее предупредили по радио, на чём приедут, чтобы, значит, под огонь своих случайно не попасть. И всё-таки появление бронетранспортёра вызвало фурор. Ещё бы — обстановка-то патовая. Немцы уже к северной окраине Сталинграда прорвались, а тут хоть маленькая, но победа. Такой трофей, да ещё с довеском в виде двух заблудившихся «туристов».

Отец Георгий подрулил прямо к штабу батальона, расположившемуся в здании сельсовета. Комроты ушёл с докладом, прихватив с собой обоих пленных, а им с Иваном Ивановичем, героям дня, приказал ждать снаружи. Через некоторое время из штаба вышел смеющийся переводчик — ополченец довольно преклонного возраста. Как говорили в этом времени, из бывших, то есть из дворян, счастливо переживший революционные потрясения и репрессии тридцатых, а теперь зачисленный за своё знание в том числе немецкого языка в батальон НКВД на соответствующую должность.

— Хорошего вы гуся взяли, — весело произнёс переводчик, устраиваясь рядом с отцом Георгием и Иваном Ивановичем в тени на скамейке.

— Сильно жирный? — поинтересовался отец Георгий. — Не из самого ли Берлина прилетел?

— В точку. Из него самого, — переводчик достал из кармана портсигар. — В общем, водитель — мелочь, бывший студент. А этот самый штандартенфюрер — ну так тут цирк с конями, да и только.

А ситуация в действительности во многом была комичной. Как выяснилось при допросе главного «туриста», он вообще был чиновником, назначенным в администрацию города Сталинграда, который со дня на день возьмут победоносные немецкие войска согласно приказу фюрера и планам летней военной кампании. А как же иначе? Фюрер приказал — вермахт выполнил. Ордунг, порядок то есть, во всей его красе и великолепии. Ну так вот, сей чистокровный ариец прибыл из столицы рейха, свято веря в непобедимость всеокрушающей немецкой военной машины, давшей лишь случайную осечку в прошлом году под Москвой из-за ужасающих русских морозов и варварского подхода большевиков к ведению войны. Он требовал себе машину и отправился за передовыми частями, чтобы, значит, на работу не опоздать. И каково же было его удивление, когда на уже занятой вермахтом территории он встретил немецкий бронетранспортёр, в котором оказались — о майн Готт! — русские.

— А не лезь поперёк батьки в пекло, — прокомментировал ситуацию Иван Иванович.

На крыльцо сельсовета вышел комроты: — Медведев, Зазуля, ко мне!

«Так, — отец Георгий, встав со скамейки, одёрнул гимнастёрку. — В штаб зовут. Не иначе награждение намечается». Интересно, что за трофейный БТР полагается? К орденам их с Иваном Ивановичем представят или медалями ограничатся? Но награждение не состоялось из-за вмешательства люфтваффе. Не успели они сделать и пару шагов, как в небе появились «лаптёжники».

— Воздух! — истошно заорали где-то рядом.

Отец Георгий глянул вверх. Не меньше десятка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс Ю-87» один за другим заходили в атаку. А БТР же без маскировки, они же его сейчас... Так оно и случилось. Правда, с небольшой корректировкой. Бронетранспортёр был уничтожен не бомбой, а прямым попаданием самого пикировщика.

Ибо на этот раз немецким пилотам безнаказанно порезвиться не удалось. «Лаптёжников» отогнали, но не истребители, а штурмовики. Совершенно неожиданно с запада, откуда никто не ждал, появилась четвёрка «Илов», очевидно возвращавшихся со свободной охоты, и с ходу завалила два «Юнкерса», а потом ещё одного, который — вот ведь места ему было мало! — «приземлился» аккурат на БТР.

— Нет, после такого уже не починить, легче новый сделать, — подытожил Иван Иванович результат авиакатастрофы.

— Это точно, — согласился отец Георгий. — Только в металлолом.

И действительно, упавший столь неудачно «лаптёжник» не только разнёс бронетранспортёр вдребезги, но и частично разрушил здание сельсовета, убив при этом, как потом оказалось, одного из пленных, запертых после допроса в чулане. Рухнувшим потолком насмерть придавило эсэсовца, а у молодого водителя — ни царапины. Повезло. Да и не только немцу. Благодаря своевременному вмешательству штурмовиков потери от бомбёжки оказались небольшими. Погибших не было вообще, только раненые. Но авианалёт мог свидетельствовать о том, что передовые части немцев уже близко, и, стало быть, снова нависла опасность окружения, командование приняло решение срочно отходить к Сталинграду.

Переход длился остаток дня и всю ночь. Сначала к окраине города, где сделали короткий привал для передачи раненых в санчасть, ужина и пополнения боекомплекта, а потом через сам Сталинград — к новой линии обороны в его северной части.

«Кошмар, как при конце света», — думал отец Георгий, шагая в колонне бойцов мимо дымящихся развалин по засыпанным обломками улицам. Пленному немцу-водителю повезло во второй раз, его передали по инстанции чуть раньше, чем немцы вошли в город, а то бы... Такое ведь не прощают.

Четвёртый воздушный флот Вольфрама фон Рихтгофена сделал своё дело, превратив цветущий Сталинград в сплошные руины. И несмотря на то, что после бомбардировки прошло уже больше суток, во многих местах ещё бушевали пожары, дым от которых, окрашиваемый лучами заходящего солнца в багровые тона, придавал всему окружающему пейзажу особенно зловещий вид. Но, несмотря на всё происходящее, ни паники, ни тем более дезорганизации не было. Работали пожарные команды, оказывалась помощь раненым. Город принимал бой.

— Отойти к обочине, пропустить танки! — последовала команда.

Мимо, урча двигателями, проследовали восемь «Т-34» и два «КВ». «Со Сталинградского тракторного, после ремонта, — тут же понял отец Георгий, разглядев на башне головного танка вмятины от ударов снарядов. — На север, как и мы, в подкрепление идут. Жалко, конечно, что их так мало, а то бы можно было на броне доехать. Ну ничего, тут уже немного осталось, дойдём».

До передовой добрались после полуночи, заняв свои места в окопах и стрелковых ячейках. Всё было тихо, а потому последовала команда «отбой», чему все вновь прибывшие были несказанно рады — более чем полсуток перехода вымотали всех до предела. Отец Георгий отключился сразу, как только опустил голову на вещмешок.

А проснулся от звонка немецкого «будильника» — рёва пикирующих «лаптёжников». Сон как рукой сняло. Бомбят — значит, скоро атака. И тут по ушам ударил пронзительный, ни на что не похожий вой, от которого кровь застыла в жилах. Потом удар, как по листу железа. И тишина. Ещё вой, ещё удар — и опять без взрыва.

— Жора, что это? — дрожащим голосом произнёс побледневший Иван Иванович.

Психологический эффект был просто запредельный. А действительно — что? Воеет, но не взрывается. А это случайно не?..

— Бочки. Бочками бомбят, — уверенно заявил отец Георгий. — Психическая атака. На нервы давят.

— Какими бочками? — не понял Иван Иванович.

— Пустыми, из-под бензина. Дырок понаделают и бросают с самолёта. А они летят и от попадания воздуха в дырки воют, как хор бесовский. Я это по истории знаю. Опасности никакой, но на нервы действует крепко.

— Это точно, — согласился Иван Иванович. — Хоть сам себя в могилу закапывай. Сильная штука.

Отбомбившись «психологическими» бомбами, «лаптёжники» перешли на обычные и, пройдясь напоследок из пулемётов, улетели.

— Ну что, Жора, дадим ответный концерт? — Иван Иванович выставил на бруствер пулемёт «ДП» — «Дегтярёв пехотный», который им выдали вместо повреждённого «Максима».

— Ещё как дадим. Я, само собой, вторая скрипка, — и, передёрнув затвор СВТ, отец Георгий выглянул из окопа, окинув взглядом будущее поле боя, находившееся уже практически в городской черте.

Линия обороны проходила по окраине Сталинграда, среди разбитых и сгоревших одноэтажных домов. А там, примерно в полутора километрах от их позиций, уже ползла по изрытой воронками от бомб и снарядов степи густая цепь наступающей немецкой пехоты при поддержке бронетранспортёров и танков. «Хорошо идут, плотно», — отец Георгий выставил на прицеле дистанцию. Ну прямо как у Олега Митяева, услужливо подсказала ассоциацию память рождённого в 1983-м.

*В осеннем парке городском
Вальсирует листва берёз,
А мы лежим перед броском —
Нас листопад почти занёс,
Занёс скамейки и столы,
Занёс пруда бесшумный плёс,
Занёс холодные стволы
И брёвна пулеметных гнёзд.
А на затвор легла роса,
И грезится весёлый май,
И хочется закрыть глаза,
Но ты глаза не закрывай.
Не закрывай — кричат грачи, —
Там сквозь берёзовый конвой
Ползет лавина саранчи
На город за твоей спиной!*

Да, точно, как саранча. И май тоже будет, но позже. А сейчас... Атакующая пехотная цепь приблизилась на расстояние эффективного винтовочного огня. Рядом загремели выстрелы, и отец Георгий, поймав в прицел идущего прямо на него немца, нажал на спуск. Не пройдут! Сталинград останется нашим.

Глава 9.

Дело для везучих, или Крупн против Маузера

— Жора, вставай.

— На пост пора? — Отец Георгий открыл глаза и мгновенно проснулся.

— Нет, не на пост, нам до смены ещё... — Иван Иванович глянул на часы. — Час с четвертью. На КП батальона зовут обоих срочно.

— Ну, если срочно, то придётся. — Отец Георгий с сожалением поднялся с импровизированного лежака из накрытого шинелями матраса. — Поспать не дали, — и, прихватив СВТ, последовал за Иваном Ивановичем к выходу из подвала обороняемого их ротой дома.

Наверху было морозно и солнечно. В квартирах первого этажа гулял сильный ветер, но начавшийся ещё вчера ночью буран прекратился, и теперь свежавывавший снег чистым белым ковром, как саваном, укрывал останки мёртвого города. Обгоревшие полуразрушенные дома, зияющие пустыми провалами окон, и люди на улицах. Их много, очень много. Погибшие от пуль и осколков немцы и защитники города. Вон там, посреди двора, где уже третью неделю проходит линия фронта, целые штабеля убитых немцев. После каждой атаки прибавляются. И некому убирать, некому хоронить погибших. Так и лежат, полуразложившиеся, окоченевшие, там, где их застала смерть. А смертей будет ещё много, очень много, ведь, несмотря на то, что уже декабрь и немцев взяли в кольцо, они всё ещё очень и очень сильны.

И их роте, как и все эти месяцы, приходится держать позицию любой ценой, стоя насмерть. И держат. Вцепились зубами — и назад ни шагу. Хотя, если серьёзно разобраться, какая это рота — от 25-ти до 30-ти бойцов в среднем. И хотя пополнение приходит регулярно, но день-два — и кто куда: либо здесь навечно, либо за Волгу, в госпиталь, если, конечно, повезёт добраться. И только единицы, вот как они с Иваном Ивановичем, остаются. И убить потом таких уже очень трудно.

Подошёл комроты:

— Не знаю, зачем вы в батальоне оба понадобились, но комбат требовал именно вас. Сказал, как самых опытных и везучих. А вы у меня... — комроты отвёл взгляд.

— Такие и есть, — подтвердил отец Георгий. — Самые везучие.

И это была чистая правда. Ведь сформированный в августе батальон НКВД полёг почти полностью, и его остатки растворились среди армейских частей, оборонявших город. А из их роты, кроме командира, уцелели только они с Иваном Ивановичем. Везение — дай Бог каждому. И вот теперь, судя по всему, намечалось очередное самоубийственное задание. Ну что же, как говорится, по коню и в оз.

Не в первый раз, справятся. Тем более, в отличие от других, им обоим ни сегодня, ни завтра, ни до конца войны смерть не грозит, а стало быть, это их святой долг — жизни товарищей спасти. И спасают вот уже пятый месяц, на самые сложные и опасные дела добровольцами вызываясь. Без показного героизма, правда, опыт с авиабомбой учили, но тем не менее.

— Ладно, идите, — комроты внимательно посмотрел на обоих. — И возвращайтесь. Удачи.

До командного пункта батальона было не особенно далеко, но двигаться приходилось с максимальной осторожностью. В городе свирепствовали снайперы.

— Вот здесь только ползком, — предупредил стоящий возле пролома в стене дома боец. — Со вчерашнего дня снайпер появился. Откуда-то из дальнего конца улицы бьёт. Я его отвлеку, а вы — один за другим, по очереди. Ему винтовку перезарядить, что... Готовы? — он вопросительно посмотрел на обоих.

— Готовы.

— Тогда начали.

Боец поднял на ручке от швабры возле соседнего с проломом окна уже пробитую пулей каску, и в ней через считанные мгновения появилось ещё одно пулевое отверстие. В ту же секунду отец Георгий и Иван Иванович нырнули в зев пролома, с перекатом уйдя под прикрытие груды битого кирпича, и оказались возле глубокого, в полный профиль, хода сообщения. «Да, хорошо сработали, как синхронисты», — машинально подумал отец Георгий, оглянувшись на Ивана Ивановича. Тот кивнул. Хочешь жить — умей вертеться, особенно на войне, а иначе...

Ход сообщений вёл прямо к дому, по соседству с которым находился КП батальона. Дальше снова пришлось ползти. Но снайперов в этом районе не было, а потому остаток пути прошёл без эксцессов, если не считать, конечно, свиста случайных пуль. Но кто на них в Сталинграде особое внимание обращает? Обыденность.

На КП их ждал сюрприз, причём явно под стать особо везучим. Оказалось, прошлой ночью вместе с пополнением в батальон прибыл фронтовой корреспондент и пулю шальную в грудь прямо там же, на КП, и получил. Ну так вот им, самым опытным и везучим, следовало этого самого корреспондента немедля на тот берег Волги в госпиталь доставить, потому что, как сказал санинструктор, здесь он до ночи не дотянет точно.

— Да знаю я, что почти невозможно, — вздохнул комбат, — но... — он глянул на лежащего без сознания корреспондента, возле которого топтался политрук. — Надо. Надо — и всё. Сделаете — обоих к Красной Звезде представлю.

— Дело не в награде, просто при нынешней обстановке нет никакой гарантии, что дойдём, — возразил Иван Иванович. — Так, может, всё-таки ночью?

— Нет, — отрезал комбат. — Сейчас.

— Ночью будет поздно, товарищи, — подал голос политрук.

«Так, — отец Георгий сопоставил факты. — А корреспондент-то явно не из рядовых, ежели за него советская власть так впрягается. Но, как бы там ни было, простой он или не очень, а всё одно человек. Даст Бог, вынесем».

— Верёвки понадобятся — с нашей стороны берег высокий. И что-нибудь, из чего волокушу сделать, — затребовал Иван Иванович.

— Найдём, — кивнул политрук. — Только живым доставьте.

Сборы были недолгими. Из подручных средств смастерили подобие волокуши и, погрузив на неё раненого, двинулись в путь, который был труден и опасен вдвойне. Мобильности-то у них, считай, никакой. Это когда на КП батальона шли, можно было со снайпером в акробатов поиграть, а теперь не выйдет. Вот потому-то ползли крайне медленно и осторожно, прижимаясь к стенам домов или прячась за грудками битого кирпича. Поначалу помогало — как-никак свой, обжитой так сказать район. Где у немцев огневые точки и какой сектор обстрела, было более или менее известно. Но когда пересекли улицу и завернули за угол дома, их подловил-таки снайпер, пуля которого задела каску Ивана Ивановича. Тот, резко опустив голову, отполз назад.

— Жора, похоже, снайпер — нутром чую.

— Сейчас проверим.

Вынув из ножен штык-нож, отец Георгий осторожно поднял на нём взятую специально для такого случая каску-приманку. Щелчок — и пробитая навывлет каска скатилась на дно воронки. Точно снайпер.

— Всё, Жора, назад, в обход. Сунемся дальше — как в тире положит, — заявил Иван Иванович.

Назад и в обход... Отец Георгий оглядел развалины. А ведь, судя по тому, как прошла пуля, им и назад нельзя. Там возвышенность,

и если немец их, когда они сюда, до этой насыпи ползли, не подстрелил, то, значит, занял позицию только что.

— Плохо, — вздохнул Иван Иванович. — До ночи ждать нельзя...

— А я сейчас из танка осмотрюсь, — отец Георгий указал взглядом на стоящий неподалёку от них немецкий «Т-4».

С виду танк был цел, ну то есть не горелый, а стало быть, забравшись в него через нижний люк, можно было, не опасаясь снайперской пули, осмотреть окружающую местность через смотровые щели командирской башенки и выбрать максимально подходящий маршрут движения.

— Хорошо, — кивнул Иван Иванович, — разведай, что к чему. И ещё, Жора, НЗ у танкистов поищи — пригодится.

— Само собой, — согласился отец Георгий. — НЗ, оно никогда не помешает, — и, сунув штык-нож в ножны, пополз к танку.

Ну надо же — как в бинокль! Отец Георгий, не веря своим глазам, смотрел в прицел танкового орудия. Из-за перебитой гусеницы танк, прежде чем окончательно заглухнуть от второй пули бронебойщика, развернулся почти на 180 градусов, и теперь его пушка смотрела в сторону немцев.

Осмотрев местность окрест и поняв, куда двигаться, отец Георгий без всякой цели, так, любопытства ради, глянул в прицел пушки. Да и застыл от удивления, ибо то, что он увидел, было просто нереально. Но оно было. В перекрестье цейсовской оптики, удобно пристроив винтовку на столе в дальнем углу комнаты дома напротив, щурился в оптический прицел немецкий снайпер. Нет, такой случай упускать нельзя. Рука сама потянулась к спуску пушки. До немца метров двести, не больше. Это дальность прямого выстрела из 75-миллиметрового длинноствольного танкового орудия. Даже поправки на расстояние вносить не надо. Главное, чтобы заряжено было. Сейчас проверим. А если нет, так в боеукладке полно снарядов.

Грохот выстрела, приглушённый танковой бронёй, ударил по ушам. Со звоном плюхнулась на пол боевого отделения стреляная гильза. Всё кончено. В оптику прицела было прекрасно видно, что снаряд попал куда надо. Комната, в глубине которой ещё несколько секунд назад находился немецкий снайпер, просто прекратила существование. Да, Крупн в противостоянии с Маузером явно остался в выигрыше. «Не зря нас с Иваном Ивановичем везучими считают, — удовлетворённо подумал отец Георгий. — Оправдываем. Эх, выпу-

стить бы весь боекомплект, но нельзя — по своим запросто попасть можно. Тут ведь неизвестно, где кто, сплошная мешанина. Ладно, назад пора, время дорого. Повеселились — и хватит». И, прихватив обнаруженный в танке НЗ — неприкосновенный запас продовольствия, отец Георгий пополз обратно.

— Нет, теперь точно живым доставим, это знак от Господа был, — с абсолютной уверенностью в голосе заявил Иван Иванович. — А то я уж и не знал, что думать, когда пушка пальнула. А оно вон как оказалось. Ведь скажи кому — не поверят.

— А я бы и не говорил, — отец Георгий улыбнулся. — Слишком уж это нереально даже для нас, везучих. Ну что, поползли?

— Поползли.

Дальнейший путь до берега Волги и по самой реке прошёл без приключений. Лёд был уже достаточно крепок. А вообще Волга в том году в районе Сталинграда не замерзала долго. Не из-за тёплой погоды, нет. Морозы были неслабые. Но постоянные бомбёжки и артобстрелы, которыми немцы пытались нарушить сообщение между двумя берегами, сильно мешали образованию льда. Но декабрь есть декабрь, лёд, наконец, встал, и это позволило относительно безопасно переправиться на другой берег. А это уже своя территория, где можно, воспользовавшись попутным транспортом, добраться до ближайшего госпиталя. Ехать, правда, пришлось не на полуторке, а на санях, которые везли почту, но зато управлявший ими дедок был из местных, прекрасно знал дорогу, а потому доехали быстро. Корреспондент отправился в госпиталь на операцию, а они — на постой к тому же дедку, жившему в деревне, возле которой располагался госпиталь.

Впереди была ночь и более чем полсуток отдыха — группа выздоравливающих бойцов, к которой отец Георгий с Иваном Ивановичем решили присоединиться, чтобы не добираться назад в одиночку, отправлялась на пополнение в Сталинград только к обеду следующего дня. Ну а пока можно было спокойно поужинать, угощая гостеприимных хозяев трофейным НЗ. А ещё — баня!

— Жора, а форму-то нам выдали новую, не бэ-у, — обратил внимание Иван Иванович.

— Это нам в знак признания заслуг. Четыре месяца в Сталинграде — и живые. — Отец Георгий затянул добротный кожаный, явно лендлизовский ремень.

Хорошо. Ещё утром, когда корреспондента транспортировали, условились, что ежели его на тот берег живым доставят, обязатель-

но в баню сходят, а то с августа месяца без водных процедур, честно говоря, не очень. Ну а в госпитале по такому случаю в выдаче обмундирования не отказали. Правда, каптёр попросил для списания старое оставить, ну так и не жалко. Его теперь разве что на тряпки пустить — в руках разваливается. Так что пусть списывает.

— Да, удачно всё получилось — и человека спасли, и в бане попались, и до завтра, считай, в увольнении, — подвёл итоги дня Иван Иванович. — Ну что, Жора, пойдём, — он встал с лавки.

— Да, пора, — отец Георгий глянул на часы. — Время-то идёт, уже восемь вечера. Чем дольше здесь сидим, тем меньше времени на сон.

И, накинув шинели, они вышли из предбанника.

Надо же, как тихо. Только сейчас, идя вслед за Иваном Ивановичем по протоптанной среди сугробов к дому хозяев дорожке, отец Георгий обратил внимание на то, что кругом стоит какая-то странная всепоглощающая тишина. Ни выстрелов, ни взрывов, ни свиста пуль — всего того, к чему он так привык за эти месяцы боёв. Ничего этого нет, а лишь скрипит под ногами снег да завывает ветер. К тому же как-то странно, но можно не ползать, а ходить вот так, в полный рост, даже не пригибаясь. А ещё... Он, подняв голову, взглянул на усыпанное яркими звёздами бархатно-чёрное небо. Можно просто смотреть на звёзды. Да много чего можно делать, когда нет войны. Но война есть — там, на западе, в пылающем Сталинграде. И не только. А это значит, им надо возвращаться. Хотя, если честно, чисто по-человечески, очень и очень не хочется.

Глава 10.

Замкнувшийся круг

Вот всё и закончилось. Дальше будет Курск. Снова, как и семь месяцев назад, отец Георгий шёл вместе с другими бойцами его роты по улицам Сталинграда. 31 января сдался в плен фельдмаршал Паулюс, а ещё через три дня наконец-то наступила долгожданная тишина. Уцелевшие немцы сдавались десятками, сотнями, тысячами и огромными колоннами под охраной конвоиров двигались пешим маршем на восточный берег Волги и дальше, в глубь страны, в лагерь военнопленных. Правда, некоторые, как правило офицеры,

пускали себе пулю в лоб, предпочитая позору плена смерть. Или же отстреливались до последнего патрона, а потом подрывали себя гранатами. Но это в основном фанатики-эсэсовцы, а также хиви, то есть помощники нацистов — жители оккупированной территории СССР, имевшие счёты с советской властью и набиравшиеся в добровольном порядке в вермахт на вспомогательные должности. Эсэсовцы — потому что хотели забрать с собой на тот свет побольше русских. Хиви — ну так им терять было нечего. Либо на месте пуля, либо чуть позже по приговору трибунала. А может, и петля.

Но всё это не меняло картины в целом. Сталинградскую битву немцы проиграли бесповоротно и окончательно. А в разрушенный и истерзанный многомесячными боями город возвращалась жизнь. Кое-где среди развалин копошились вылезшие из подвалов местные жители, пытаясь найти хоть какое-то добро. У попавшейся на пути полевой кухни выстроилась очередь из гражданских. «А к лету полным ходом начнутся восстановительные работы», — отметил отец Георгий, наблюдая происходящее вокруг. Причём помощь будет приходиться даже из Америки, а британский монарх наградит защитников Сталинграда церемониальным мечом с надписью на русском и английском: «Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа».

Да, много чего ещё случится в Сталинграде, но теперь уже без его, рядового Медведева, непосредственного участия. В тыл на переформирование батальон отправляют. Сперва до ближайшей железнодорожной станции, а там — на поезд и, как минимум, месяц без войны. Для них, ветеранов, кто Сталинградскую битву от начала до конца прошёл, такой отпуск дороже любой награды. Даже личной благодарности товарища Сталина. На днях вручили. Маленькая такая книжечка, наподобие удостоверения личности, а в ней, кроме слов благодарности, ещё и личная подпись: Иосиф Сталин. Эффект был запредельный. Нет, подпись, конечно, факсимильная, но о том, что это факсимиле и что вообще такое факсимиле, среди награждаемых, кроме отца Георгия, не знал никто. Да и не надо им было знать. Ведь для них благодарность та лично товарищем Сталиным подписана, тепло его рук хранит. Зачем людей, сквозь ад прошедших, в этом разубеждать? Пусть верят.

Колонна свернула в переулок, направляясь к берегу Волги. Отец Георгий насторожился. Так ведь это же тот район, где бабушка и пра-

бабушка живут, вернее в августе прошлого года жили! Вот только их дома уже не было. На его месте зияла огромная припорошенная снегом воронка.

— Похоже, пятисотка, прямое попадание, — высказал предположение Иван Иванович. А что ты помрачнел, Жора?

— Да здесь, — кивнул отец Георгий, — семья того партизана жила, к которому я перед выпиской из госпиталя во время увольнения заходил. — Но они живы, уехали, точно знаю.

— Конечно уехали, — Иван Иванович улыбнулся.

Ведь только ему одному из всех слышавших этот короткий, в несколько фраз разговор было известно, что это именно так и не может быть иначе.

Всё дальше и дальше шёл батальон, петляя по засыпанным обломками улицам Сталинграда. И снова, как и тогда, во время той памятной экскурсии в августе сорок второго, у отца Георгия возникло чувство сопричастности, но уже к окончанию события. Великая битва на Волге, которую он прошёл, увидел, испытал, прочувствовал с первого и до последнего дня, завершилась. Круг его личной сталинградской истории замкнулся.

Глава 11.

Театр — фронту

«Интересно всё-таки, дойдут сюда немцы или не дойдут?» — отец Георгий, сидя на бруствере окопа полного профиля за котелком с кашей, в который раз взглядом опытного бойца оценивающе смотрел на простирающуюся впереди линию обороны. Ходы сообщения, колючая проволока, замаскированные позиции противотанковой артиллерии, минные поля. Курская дуга, одним словом. Южный фланг, но не передний край, а примерно ближе к середине не глубоко эшелонированной полосы укреплений, выполненной на высшем фортификационном уровне. Не зря здесь немцы зубы сломали. Точнее, ломают. Это им не сорок первый и даже не сорок второй, так что, не исключено, повоюет отцу Георгию с Иваном Ивановичем в обороне вообще не придётся, сразу пойдут в прорыв. Хотя будущее покажет, ведь сегодня 4 июля, и менее чем через сутки

начнётся то, что потом войдёт в историю Великой Отечественной войны как Курская битва.

Ну а пока на фронтах затишье или, по-военному, оперативная пауза. Немцы копят силы, пытаются взять реванш за Сталинград. Ещё бы — такую оплеуху схлопотали! Целая армия в плен угодила, да ещё и с фельдмаршалом во главе, чего никогда раньше в истории Германии не было. Паулюсу бы застрелиться, а он возьми да сдайся... Первый печальный прецедент. Но, с другой стороны, с чего бы это он, фельдмаршал, стрелялся по желанию какого-то там ефрейтора Шикльгубера? Да ни в жизнь.

Правда, отца Георгия с Иваном Ивановичем подобные высокие исторические материи занимали мало. У них было более приятное во всех отношениях занятие, а именно — нахождение в резерве, куда был отправлен после переформирования батальон. Практически отдых. Хотя, если честно, пребывание в резерве понравилось отцу Георгию куда меньше, чем он этого ожидал. Исключительно потому, что в тылу началась стандартная армейская служба со всеми её «прелестями» в виде строевой подготовки, подшивания подворотничков, приветствий командиров исключительно по уставу и так далее. Нет, конечно, так оно, по сути, и должно быть, а иначе армия превращается даже не в банду, а вообще неизвестно во что. Но, с другой стороны, человека, пробывшего год в партизанском отряде и полгода на передовой, весь этот формализм временами, как станут говорить много позже, в будущем, довольно сильно напрягал. На войне в этом отношении всё же посвободней.

Вот поэтому отец Георгий с явным облегчением воспринял известие об отправке на фронт. Там от него будет больше пользы, чем здесь марширующим на плацу. Специализацию, правда, поменять пришлось, из второго номера пулемётного расчёта в автоматчики переквалифицировавшись. Распалась их с Иваном Ивановичем пулемётная команда. Списали того по здоровью в нестроевые, в хозвзвод, так что видятся они теперь редко, а скоро, возможно, и совсем перестанут... Ладно, что будет, то будет. Отец Георгий собрал со дна котелка кусочком хлеба остатки каши. Сегодня после обеда важное культурное событие намечается. Фронтная концертная бригада прибыла. Так что помыть котелок — и на представление.

Место для выступления артистов ради безопасности было оборудовано в берёзовой рощице, зелень которой надёжно скрывала всё

происходящее от возможной атаки с воздуха. А то, хоть и не передний край, и «Мессеры» давно уже на бреющем не летают, но всё же не тыл, всякое случиться может. И, как потом оказалось, случилось. Но это было позже. А пока отец Георгий, присев прямо на траву рядом с другими бойцами, с интересом наблюдал за разворачивающимся здесь действием, потому как за почти двухлетнее пребывание в этом времени у него впервые появилась возможность вот так близко, напрямую приобщиться к здешней культурной жизни, посмотрев выступление артистов фронтовой агитбригады.

А посмотреть действительно было на что. Первым на сооружённую из кузовов двух полуторок с опущенными бортами сцену поднялся фокусник в сером костюме и, надев чалму индийского факира, начал показывать незамысловатые, но довольно оригинальные фокусы, включая номера с угадыванием карт и склеиванием разорванной бумаги. Далее была сатирическая сцена, в которой участвовали куклы Гитлера и Муссолини. Гитлер выбирал себе головной убор для похода на восток. Сначала в виде рогатого шлема тевтонского рыцаря, а потом в виде треуголки Наполеона. И спрашивал, подойдёт ли ему это. Но Муссолини каждый раз, подумав, отвечал: «Не подойдёт, потому что по этой шапке русские уже надавали». А в конце появился красноармеец и со словами «я знаю, что вам надо» надел на головы обоих по ночному горшку. Все зрители от смеха буквально катались по земле.

Далее перешли к музыкальной части. Молодая стройная женщина в великолепном концертном платье спела песню «Два Максима». Эту песню отец Георгий как-то слышал по телевизору в исполнении Людмилы Гурченко. Потом были частушки, в которых вдоволь поиздевались над Гитлером.

*Сидит Гитлер на берёзе, а берёза гнётся.
Посмотри, товарищ Сталин, как он навернётся.*

Завершила концерт та же исполнительница, спевшая «Синий платочек», «Землянку» и, конечно, «Катюшу».

Хорошо выступили, ничего не скажешь. Отец Георгий был доволен. За тот час с небольшим, что длился концерт, он отвлекся от всего, что было вокруг, и, возможно, в первый раз за эти три года действительно по-настоящему отдохнул душой. На душе было легко и приятно. Теперь и воевать можно.

Артисты вышли на сцену для традиционного поклона, и вдруг среди зрителей пронеслось:

— «Рама!»

Отец Георгий задрал голову. Высоко, практически на пределе видимости, в бездонной глубине неба медленно кружил «Фокке-Вульф — 189». Последняя рекогносцировка перед решающим ударом. Правда, никто из присутствующих, кроме отца Георгия, этого не знал, а потому в связи с возможной бомбёжкой, что было довольно часто после визита «Рама», всем пришлось в спешном порядке разойтись по окопам и блиндажам. Но авианалёта, против ожидания, не последовало, а досадное происшествие с аэроразведчиком ничуть не испортило общего впечатления от прошедшего концерта. Так что день закончился вполне благополучно.

А следующий... Следующий будет уже другим — первым днём Курской битвы, когда двинувшаяся вперёд всесокрушающая лавина немецких войск разобьётся о нашу оборону и начнёт отступать. То быстрее, то медленнее, но всё же окончательно и бесповоротно откатываясь на запад, к границам Польши, Германии, а в итоге к Берлину, где и исчезнет, став историей.

Глава 12.

Капеллан

Скорей бы уже началось! Отец Георгий, укрывшись в окопе переднего края вместе с другими бойцами, ждал команды к атаке. Почти месяц со стороны запада всё гремело и грохотало, но они не двигались с места, оставаясь в резерве в ожидании возможного прорыва фронта. И только в последних числах июля, когда стало окончательно ясно, что немецкое наступление захлебнулось, батальон перебросили на передовую. Но здесь, на южном фланге Курской дуги, не в пример другим участкам фронта, было относительно тихо. Выдохшиеся и обескровленные в наступательных боях немецкие войска спешно готовились к обороне.

И вот сегодня, 3 августа 1943 года, Красной армии эту самую оборону в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции и предстоит прорвать. При поддержке в том числе артиллеристов,

которые, похоже, заснули, если, конечно... Отец Георгий глянул на часы. Трофейный «Мозер» всё так же точен, как и в сорок первом. Значит, самое время. Во всяком случае, если верить истории, арт-подготовка началась именно в...

Вспыхнувшая в небе ракета вернула сознание к реальности, разорвав утреннюю тишину. Над головой что-то пронзительно завывало, заскрипело, и сотни огненных полос, оставляя за собой белые дымные хвосты, понеслись в сторону немецких позиций, а стенки окопа едва заметно задрожали, как при землетрясении. Залп легендарных «Катюш» отец Георгий наблюдал впервые. Мощь удара впечатляла, и нетрудно было представить, во что превратился немецкий передний край, если даже звук от летящих в небе эрэсов ощутимо давил на нервы. У немцев вряд ли много кто уцелел. Через пару минут к расчётам «Катюш» присоединилась ствольная артиллерия, огонь которой хотя и был менее зрелищным, но всё же не менее эффективным. Так продолжалось около получаса. Потом огневой вал, смешав с землёй окопы первой линии обороны противника, покатился дальше.

А теперь атака! За спиной взревели танковые двигатели. Отец Георгий, передёрнув затвор ПППШ, в два движения выбравшись на бруствер и смешавшись с массой атакующих, пригнувшись, побежал в сторону немецких окопов. И тут, казалось бы, полностью подавленная огнём артиллерии и «Катюш», немецкая линия обороны ожила. Защёлкали отдельные выстрелы, потом по броне идущего перед пехотой «Т-34» хлестнула очередь из «MG». А вот это уже серьёзно. Отец Георгий, с ходу плюхнувшись во влажную от росы траву, скатился в ближайшую воронку. Пулемёт — не автомат, всех положит, если вовремя не заткнуть. Вот только где он? «Тридцать-четвёрка», притормозив, крутнула башней. Выстрел. Пулемёт смолк. Похоже, накрыли. Тогда вперёд! Немецкие окопы совсем близко.

Правда, окопами их можно было назвать лишь с большой натяжкой. Всё пространство впереди, насколько хватало глаз, представляло собой сплошной лунный пейзаж. Всё же двести тридцать стволов на километр фронта не выдержит ни одна, даже самая хорошо подготовленная линия обороны. Она просто перестанет существовать. Хотя кое-что всё же осталось. Двигаясь по извилистому ходу сообщений, группа, в которую входил отец Георгий, уперлась в чудом уцелевший блиндаж. Шедший впереди боец из недавно прибывшего пополнения схватился за ручку двери.

— Куда? Жить надоело! — Отец Георгий буквально за шиворот оттащил новобранца. — А если растяжка? Встать в стороны от двери. Как открыю, «лимонку» внутрь. Готовы?

А дальше произошло непредвиденное. «Лимонка» взорвалась с замедлением. Но в эту пару секунд из блиндажа буквально выпрыгнул немецкий офицер и, споткнувшись о порог, растянулся возле двери. Это его и спасло. Взрывная волна и осколки прошли поверху. Пара автоматных очередей в дверной проём. Но блиндаж оказался пустым. А этот что — живой?

— Найн! Нихт шиссен! — немец поднял руки, умоляя не стрелять.

Он наверняка получил бы пулю. В разгар боя о соблюдении Женевской конвенции думают в последнюю очередь. Но оружия, даже кобуры с пистолетом, у потенциального пленного не было. Как и погон. Зато на груди на довольно толстой серебряной цепочке висел внушительных размеров крест наподобие тех, что носят православные священники.

— Не стрелять! — отец Георгий, подняв немца с земли, втолкнул его обратно в блиндаж.

Окоп, где идёт бой, не лучшее место для допроса, а выяснить, кто это, необходимо. Нет оружия, офицерская форма без погон. Может, кто ценный?

— Фамилия, имя, звание?

— Их бин кайн официр. Их бин капеллан.

Не офицер, а капеллан?! Ответ стал для отца Георгия верхом неожиданности. Да, конечно, о том, что в составе вермахта были военные священники, он знал, но так, мельком, из-за крайне малой изученности этого вопроса. И вот теперь... Ну надо же — в какой-то мере «коллегу по цеху» в плен взять получилось! Хотя какой он, к свиньям, коллега, если вспомнить, что вермахт ненамного меньше ваффен СС зверствовал? Каким вот, к примеру, образом этот падре, или как там его — пастор — действия своих прихожан-окупантов с христианской добродетелью совмещал? Видно, для него надписи «Готт мит унс» (с нами Бог) на пряжках солдатских ремней достаточно было.

— Что тут? — в дверях блиндажа появился комвзвода.

— Капеллан, товарищ сержант, — доложил отец Георгий.

— Поп ихний, — для лучшего понимания уточнил один из бойцов.

— Поп? — комвзвода окинул капеллана оценивающим взглядом, очевидно, решая, стоит ли этот фашистский поп того, чтобы с ним

возиться, или прямо тут пустить его в расход. Но, видимо, учтя необычный статус пленного, приказал: — Медведев, доставить в тыл. Остальные за мной.

— Есть доставить в тыл.

Вот ведь не было у бабы забот, так купила порося! Становиться конвоиром отцу Георгию совсем не хотелось. Во-первых, здесь от него, «бессмертного», больше пользы — может, чью-то жизнь сохранит. А во-вторых, от своих отстанешь — придётся потом догонять. Но приказ есть приказ. Да и неспроста же «лимонка» с замедлением рванула. Не иначе воля на то Господня. Может, капеллан этот, к примеру, в комитет «Свободная Германия» вступит и антигитлеровскую пропаганду начнёт вести?

— Гее. Иди, — отец Георгий указал капеллану стволом автомата на дверь.

Тот кивнул:

— Данке. Хитлер капут.

Поход в тыл и обратно не занял много времени, а потому догонять своих не пришлось. После зачистки окопов часть пехотинцев усадили на танки, создав подвижную рейдовую группу, чтобы воспрепятствовать противнику в отступлении и организации новой линии обороны. И вот теперь танковая колонна на предельной скорости неслась по просёлочной дороге. Вот оно, наступление. Отец Георгий, вместе с другими бойцами пристроившись за башней головного танка, с интересом смотрел по сторонам. Прямо как в сорок первом, только теперь для немцев. И действительно, то тут, то там навстречу потоку наступающих войск понуро брели подгоняемые конвоирами многочисленные вереницы немецких пленных, а над головой с рёвом проносились краснозвёздные штурмовики и пикировщики, а над ними в бездонной вышине неба кружили, удерживая превосходство в воздухе, «Яки», «Лавочкины», американские лендлизовские «Аэрокобры».

Обогнав пехоту, танковая группа ушла в отрыв. Всё меньше стало попадаться разбитой и сожжённой техники. Вместо неё появились брошенные артиллерийские орудия, грузовики и обозные повозки. Попалась даже группа немцев, среди которых было много раненых. Увидев русские танки, они без какой-либо попытки сопротивления просто отошли к обочине, побросав оружие и подняв руки. Заниматься ими не стали, предоставив это дело идущей следом пехоте.

Примерно через час такого марша впереди показалась деревня. А вот есть ли там немцы? Конечно, можно было послать для выяснения разведку, но, с другой стороны, если их уже заметили, то, возможно, пока разведчики будут выяснять, что да как, противник сумеет подготовиться к обороне. Поэтому решено было атаковать с ходу, чтобы попытаться застать немцев врасплох.

Так оно и получилось. Немцы, которых в деревне было немало, но с бору по сосенке — тыловики, обозники и отступающие фронтовые части, отреагировали не сразу, очевидно, приняв атакующую рейдовую группу за своих. Тревогу подняли только когда танки уже вломились на окраину деревни. Переполох среди немцев начался страшный. Какого-либо организованного сопротивления не было вообще. Каждый действовал сам по себе.

«Долго не продержатся, — отец Георгий, прижавшись к бревенчатой стене сарая, осторожно выглянул из-за угла. — Ну ничего себе!» У стоявшей возле забора 88-миллиметровой зенитной пушки суетились двое немцев. Наводчик, сидя в кресле, быстро крутил маховик, лоя в прицел видимую только ему цель, а заряжающий ждал со снарядам в руках. Не выйдет! Отец Георгий, выскочив из своего укрытия, кинулся к зенитке, дав с ходу длинную очередь от живота. Есть, оба готовы. Заряжающий распластался на земле, получив несколько пуль в грудь, а наводчик медленно сползал с кресла, цепляясь за казённый зенитки. «Вовремя я их, а то бы...» — успел подумать отец Георгий.

Внезапно стена соседнего дома дрогнула, дом, покосившись, сдвинулся в сторону, и, подминая под себя забор, на улицу выползла серая туша «Тигра», за которой следовало несколько немцев. Отец Георгий дал по ним очередь. И тут зенитка выстрелила. Очевидно, умирающий наводчик всё же нажал на спуск, и 88-миллиметровый бронебойный снаряд почти в упор вошёл оказавшемуся на линии огня «Тигру» в моторное отделение. В следующее мгновение многотонная танковая башня, поднятая столбом огня, взлетела в небо подобно ракете. И снова, как тогда, при первом ранении, отец Георгий провалился в чёрную пустоту небытия.

Часть 3.

Штрафник до победы

Глава 1.

Коса на камень

Чем хороша контузия? А тем, что после неё перевязки делать не надо. И хотя ушибленная при падении спина давала массу неприятных ощущений, особенно первое время, отец Георгий всё же был доволен, что так легко отделался. Подозрение на перелом рёбер, из-за чего его, собственно говоря, и отправили не в ближайший полевой госпиталь, а в Курск, где был рентген, слава Богу, не оправдалось. Ну так по сравнению с тем, когда от раны засохшие бинты отдирают, это же комариный укус и не более того, а стало быть, можно наслаждаться очередным отдыхом, лёжа на койке или сидя во дворе на скамеечке.

И всё бы ничего, если бы не одно досадное обстоятельство: сосед по палате идейным коммунистом оказался, причём до фанатизма. И хотя комиссару, точнее политруку по реалиям 1943 года, разделять коммунистические идеи, как говорится, сам Господь, вернее товарищ Ленин велел, но всё же не до такой же степени. А главное — за два года пребывания в этом времени отец Георгий повидал немало представителей большевистской номенклатуры, начиная от комиссара, командовавшего их партизанским отрядом, и заканчивая

политруком своей последней воинской части, из которой и убыл на лечение в госпиталь. Но все они были вполне нормальные, так сказать, адекватные люди в том плане, что находившийся в их подчинении рядовой Медведев Г.В. — верующий, а потому со вступлением в члены ВКП(б), несмотря на все заслуги перед Родиной, у него никак не получается... Ну так и не страшно. Воевать, в конце концов, вера в Бога ему не мешает, а большего от него пока и не требуется. Тем более что сам вышеозначенный Медведев Г.В. свою веру никак не афиширует и религиозной пропаганды среди личного состава не ведёт, а стало быть, никакой политической опасности не представляет. Таким образом, между отцом Георгием и советской властью был заключён негласный пакт о ненападении, действовавший более двух лет и бесцеремонно нарушенный одним из её особо ретивых представителей. Причём случилось это в первый же день, когда в их палату, на этот раз аж на пятнадцать мест, поскольку госпиталь занимал здание школы, доставили нового раненого.

— Политрук Октябрьский, — представился вновь прибывший.

«Странная у него фамилия», — сразу обратил внимание отец Георгий. И хотя всякое может быть, но какая-то она уж чересчур советская. Причём политруку на вид было немногим более сорока. То есть он никак не мог получить фамилию в детском доме, где малым детям иногда давали революционные имена и фамилии согласно бытовавшей в первые годы советской власти моде. Следовательно, поменял в угоду партийной карьере, как это, к примеру, сделал Вячеслав Михайлович Скрябин, более известный в истории как Молотов. И случившееся в дальнейшем как будто подтвердило догадку, потому что товарищ Октябрьский практически сразу после знакомства поинтересовался, кто из находящихся в палате является коммунистом. И был крайне удивлён тем, что товарищ Медведев, награждённый орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда», всё ещё не состоит в ВКП(б). А когда узнал причину...

В общем, как определил для себя отец Георгий, перед ним в лице товарища Октябрьского был не просто атеист, а воинствующий атеист. Свято верящий не в наличие, а в отсутствие Бога. Нашла-таки коса на камень. И нет бы по примеру его предыдущих коллег побурчать для проформы да уйти в сторону, вспомнив хотя бы советскую Конституцию 1936 года, в которой тогдашняя власть чёрным по белому написала: «Свобода отправления религиозных култов

и свобода антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами». Иными словами, сам живи и давай жить другим. Так нет! Этот начал антирелигиозную пропаганду. А поскольку просто отмолчаться во избежание эксцессов было нельзя, пришлось вступить в дискуссию. Но уж больно неравными оказались весовые категории. С одной стороны, семилетка и партийная школа, а с другой — одиннадцать классов, истфак университета и духовная семинария. В итоге, получив несколько интеллектуальных нокаутов, да ещё и при свидетелях, что было обиднее всего, политрук был вынужден замолчать, заявив, разумеется, напоследок, что беседу они в ближайшее время продолжат.

— Конечно продолжим, — согласился отец Георгий.

Но интуитивно при этом ощущал, что больше подобных разговоров между ними не будет, так как товарищ Октябрьский, судя по всему, вознамерился пустить в ход кое-что посерьёзней слов. Уж больно глаза ненавистью горели. А что могло быть в сталинское время более серьёзным, чем произнесённое слово? Только слово на бумаге в виде доноса в соответствующие органы о том, что гражданин (Ф.И.О.) идёт против советской власти. И нет человека. Просто и эффективно. Правда, не со всеми. С попаданцами, к примеру, которые точно знают, что домой вернутся, фокусы с экскурсиями в ГУЛАГ не проходят в принципе. Вот почему возникшая ситуация отца Георгия больше забавила, чем пугала, в отличие от некоторых соседей по палате, бросавших на него похоронные взгляды. Ещё бы — и дёрнул же Жору чёрт с политруком связаться! Да ещё и при всех, и вот так, с аргументами. Да политрук его теперь, как минимум, в штрафбате сгноит, а может, и вообще...

Но, как ни странно, ко всеобщему удивлению, за Жорой не только из соответствующих органов, будь они не к ночи помянуты, не пришли, а наоборот — совершенно неожиданно через несколько дней после их последнего с политруком диспута резко поменялось поведение самого товарища Октябрьского. Он стал вести себя потише и вроде как сдулся, словно превратившись в одночасье из всегда и во всём правого хозяина жизни — большевика — комиссара в некое подобие нерадивого студента перед экзаменом или школьника, не выучившего урок и с трепетом ждущего вызова к доске. Причём внешне это было настолько заметно, что даже лечащий врач, так и не сумевший ничего понять, от греха подалее, пока не улучшится психологическое состояние, запретил товарищу Октябрьскому без

крайней необходимости покидать койку. Вся палата терялась в догадках о причинах столь странной метаморфозы, произошедшей с политруком.

Истину знал лишь отец Георгий, который благодаря довольно богатому опыту общения с людьми, в том числе находящимися в подвешенном состоянии, а также по причине отсутствия визита следователя НКВД понял, что они с товарищем Октябрьским банально поменялись местами. Прознал, видать, политрук, информацию для доноса собирая, что его идейный оппонент в Сталинграде в батальоне НКВД служил. Ну и, так сказать, облегчился по полной. Ведь быть такого не может, чтобы верующего, пусть и по крайней надобности, и рядовым, но всё же в войска НКВД записали. Что там — простых армейских частей мало было? Нет конечно. Вывод: стукач этот Жора, провокатор. Специально за верующего себя выдаёт, чтобы таким вот подлейшим образом благонадёжность и стойкость взглядов политсостава проверять. И, что самое паскудное, сделать — то ничего нельзя. Враз руки укоротят с головой вместе. Да и ещё неизвестно, что там этот Жора, если он вообще Жора, куда надо сообщил. Присигнализировал то есть. Нет, конечно, с одной стороны, вопросов возникнуть не должно. Но с другой — последнее — то слово за кем осталось? Правильно, за Жорой. Ну и зачем, спрашивается, такой политрук нужен, ежели он всяким там богомольцам по существу ответить не может? Да ещё и при свидетелях. А если турнут из политруков за профнепригодность? И смех и грех одним словом.

Вот уж чего-чего, а стать в глазах окружающих сексотом, то есть секретным сотрудником органов госбезопасности, отец Георгий не предполагал никак. Специально даже о своей службе в Сталинградском батальоне НКВД не распространялся. Хотя, в общем-то, ничего необычного и экстраординарного по тем временам в этом и не было, учитывая то, что Народный комиссариат внутренних дел был организацией, включавшей в себя, кроме непосредственно карательного аппарата, ещё очень многие структуры и подразделения как в тылу, так и на фронте, никакого отношения к репрессиям не имеющим и внесшим огромный вклад в защиту страны. А товарищ Октябрьский пусть помучается. Отец Георгий, даже если бы и мог, всё равно бы не стал разубеждать политрука. Ведь это же тому не иначе как в наказание за дела минувшие, коих, учитывая особенности характера, должно быть немало. А там, глядишь, человеком станет, на собственной шкуре испытав все прелести положения, когда

не он, а на него донос пишут. Это во-первых, а во-вторых, не так уж и долго политруку от страха дрожать осталось. Приблизился день его выписки, и разойдутся их пути-дорожки. Куда отправят товарища Октябрьского, отцу Георгию, разумеется, известно не было. А вот то, что он сам в пехоту больше не попадёт, это однозначно.

Так оно и случилось. После прохождения медицинской комиссии его поставили в известность о том, что он вместо пехотной части направляется в авиашколу на курсы воздушных стрелков. И хотя новость была не только ожидаемой, но и закономерной, отец Георгий всё же был доволен. Потому что, если честно, чисто по-человечески быть пехотинцем ему надоело страшно. Небольшое это удовольствие — круглый год под небом голубым. И если летом при хорошей погоде ещё ничего, терпимо, то вот зимой... Хотя весной и осенью ещё хуже. А тут хоть немного, да получше. Вот только одно было непонятно: с чего бы это вдруг его, человека сугубо земного, почти три года в пехоте провоевавшего, и вот так разом в небо. Нет, конечно, жизнь наша полна неожиданностей, но всё же. Уж больно крутой вираж судьбы.

Возможно, причины произошедшего так бы и остались невыясненными, если бы не случай. Уже сидя на скамейке во дворе госпиталю в ожидании полуторки вместе с другими такими же, как он, направленными на обучение в авиашколу выздоровевшими бойцами, отец Георгий услышал весьма прелюбопытный разговор.

— А с парашютом страшно прыгать?

— Кому как. Я так с первого раза прыгнул в ОСОАВИАХИМе. На летчика хотел учиться ещё до войны. Эвакуироваться не успели. А как наши пришли, меня в пехоту. Полгода рапорты писал.

— А что же тогда не в лётчики, а в стрелки?

— Так это не по рапорту. Политрук товарищ Октябрьский, спасибо, помог. Сказал, что в лётчики не может рекомендовать, только в стрелки. Но всё равно же летать буду.

Ну надо же, как интересно! Отец Георгий прикинул: да, всё сходится. Вот, значит, кому он путёвкой в небо обязан. Ведь ежели у политрука была возможность помочь одному реализовать мечту всей жизни — попасть в авиацию, то где один, там и второй. Что же, очень изобретательно, если не сказать больше. Отец Георгий отдал политруку должное: он без доноса на этот раз обойтись смог. И то верно, зачем бумагу марать, ежели заместо НКВД всё немцы сделают? Ведь уж кому-кому, а товарищу Октябрьскому, служившему некоторое время, по его же собственным словам, в политотделе штурмового авиаполка, долж-

но быть прекрасно известно, что шанс выжить у воздушного стрелка «ИЛ-2» был даже меньше, чем в штрафбате, из которого и освободиться можно раньше истечения назначенного трибуналом срока — по ранению, искупив вину кровью. А тут... Вот и выходит — штрафник до победы. То-то сегодня, когда он заходил после медкомиссии в палату попрощаться, политрук весь цвёл и благоухал, как клумба перед дождём. Оказывается, не только и не столько из-за того, что люто ненавидимый им «стукач» наконец-то покидает госпиталь, но ещё и потому, что...

Рядом притормозила полуторка. Шофёр высунулся из кабины:

— Вы на станцию?

— Да.

— Тогда загружайтесь.

Ладно, пора в дорогу. Отец Георгий, забравшись в кузов, последний раз глянул на окна своей палаты. А товарищ Октябрьский пусть думает, что своего добился. Жалко, конечно: был у него шанс человеком стать, но насильно мил не будешь. Это его выбор, его жизнь, его судьба. Поймёт потом, возможно, что не прав оказался, да поздно будет.

Глава 2.

Дверь открылась, а там «Google Maps».

Вы же не боитесь «Google Maps»?

16, 17, 18, 19, 20. Все. Отец Георгий стоял на лётном поле и считал раскрывшиеся в небе купола. Два дня назад после почти полуторанедельной тряски в переполненной теплушке они наконец-то прибыли в школу воздушных стрелков. Вечер на то, чтобы обжиться, встать на довольствие, день на теорию, и вот, можно сказать, первый экзамен — прыжки с парашютом. Своего рода проверка на профпригодность. Инструктор перед отъездом в УТАП — учебно-тренировочный авиаполк — так и сказал:

— Сегодня для вас самый важный день. Кто сможет сам прыгнуть, будет летать. Кто не сможет — тому в пехоту, в танкисты, в артиллерию. Небо не для него.

И он в этом, безусловно, прав. Ведь в подбитом самолёте помощников, чтобы хорошего пинка дать, не предусмотрено. Не пры-

гнешь — сгоришь. Так что прыгайте, товарищи, сами. Камикадзе в РККА без надобности. А вот прыгнут сами или нет, это ещё вопрос, потому как некоторых уже с самого утра, с момента отъезда на аэродром заметно трясло, и два десятка раскрывшихся в небе куполов ни о чём не говорят. Помогли товарищи, чтобы другим не мешали. На самостоятельный прыжок три попытки даётся. Так что выбывших по вечерне считать будем. Но, как бы там ни было, в себе отец Георгий был уверен на все сто. Ибо, во-первых, то не им — Господом предрешиено. А во-вторых, и чего там особо такого страшного, ежели за открывшейся для выброски парашютистов дверью всего лишь «Google Maps». Вы же не боитесь «Google Maps». Классический парашютный юмор начала XXI века. Нет, такую шутку здесь не поймут и не оценят, время не то. Да этого, по большому счёту, и не надо. Не жарко, ветра почти нет, штиль, инструктаж прошли, так что будем надеяться, что всё с Божьей помощью пройдёт без эксцессов.

Выбросив первую партию парашютистов, десантный «ЛИ-2», он же «Дуглас DC-3», сделав круг над аэродромом, пошёл на посадку и, пробежав по лёгкому полю, остановился, не глуша двигатели. «Наша очередь», — отец Георгий вместе с другими курсантами занял своё место на узкой скамейке вдоль борта самолёта. Механик закрыл дверь. Последние секунды на земле, разбег — и...

По широкой спирали, ревя моторами на взлетном режиме, «ЛИ-2» набирал высоту. А ведь красиво! Отец Георгий, не отрываясь, видел в иллюминатор то стремительно проваливающуюся вниз жёлто-зелёную степь, то голубое небо, то убегающий вдаль горизонт. Хорошо ангелам — они умеют летать. И почему Господь не дал человеку крылья, как птице? Тогда бы и самолётов не надо было. Взмахнул крылами и полетел. Хотя он и сам уже вот прямо сейчас шагнёт через открывшуюся дверь в эту ослепительную синеву и будет парить в ней под белым куполом на этой высоте!

И тут совершенно внезапно эйфория прошла. Внутри как будто переключили тумблер. На этой высоте?... «Да, на этой, и что тут такого? — попытался возразить начавшему накатывать так некстати страху отец Георгий. — Я же здесь, в этом времени, на этой войне, вообще бессмертный, а там, снаружи, вообще «Google Maps», так чего же его бояться?»

Но страх всё больше и больше, не принимая никаких возражений логики, заполнял душу, делая непослушным тело. И если верхняя его часть ещё сохраняла относительную работоспособность, то

вот ноги будто бы налились свинцом или чем потяжелее — осми-ем например, — став в одночасье совершенно неподъёмными. Во глупо-то как! И страх-то этот ведь совершенно же ничем не обоснован. А на таких ногах можно и до двери не дойти.

Самолёт, выровнявшись, лёг на горизонтальный курс. Всё, сейчас начнётся выброска. Господи, помоги!.. Отец Георгий начал читать молитву. А дальше всё прошло как в тумане. Один за другим поднимались со скамейки и, пройдя несколько шагов неровной походкой, исчезали за открытой дверью парашютисты. Кто сам, тихо, кто при помощи инструктора — со сдавленным криком. Но вылетали все, один за другим, как патроны в магазине автомата. И вот настал — нет, не час, не минута, не секунда, а миг отца Георгия. Одно всезаполняющее мгновение, когда он колоссальным усилием воли заставил себя подняться и, с огромным трудом отрывая от пола всё такие же неподъёмные ноги, сделал шаг, потом ещё шаг, потом ещё и ещё, а потом... Оттолкнуться от комингса двери, как учили, не получилось. Тело, правда без посторонней помощи, просто выпало наружу, в голубую бездну, а навстречу понесся не «Google Map», а земля. И это вернуло сознание к реальности.

Рывок на кольцо, хлопок, купол раскрыт. Слава тебе, Господи, прыгнул. Причём сам, с первого раза. А вот теперь можно наслаждаться почти свободным полётом, хотя и страшно было до жути. Но страх, терзавший душу ещё каких-нибудь 10–20 секунд назад, теперь вдруг, как по мгновению волшебного жезла, совершенно исчез, уступив место умиротворённому спокойствию. Вокруг снова было небо с висящими в нём белыми куполами парашютов и чёткой удаляющегося «ЛИ-2», а внизу — желто-зелёная степь, но уже не проваливающаяся вниз, а медленно приближающаяся. И всё это в абсолютной тишине. Без тряски и рёва двигателей самолёта. Хорошо. Отец Георгий так засмотрелся на окружающий пейзаж, что чуть было не забыл сгруппироваться. Но всё же вовремя спохватился и произвёл приземление по всем правилам, как учили во время инструктажа. А потом, собрав купол, неспешно направился к месту сбора. На душе было легко и приятно, хотя и не без вопросов. А что если опять то же самое повторится и снова ноги от пола не оторвёшь? Ведь впереди ещё два прыжка. Неужели же он всё-таки и правда такой трус, или так оно и должно быть?

Но опасения отца Георгия не оправдались. Ни при втором прыжке, ни, тем более, при третьем страхе не было абсолютно. Более

того — когда прыгал в третий раз, даже появилась шальная мысль: «А что, если взять да и парашют не раскрыть?». Ведь он же, по идее, левитировать начать должен, раз в этом времени умереть не может. Вот зрелище будет! Но, несмотря на всю заманчивость мероприятия, отец Георгий всё же решил таких экспериментов не делать. Потому что, во-первых, не надо милостью Господа злоупотреблять, с судьбой подобным образом играя, а во-вторых, разбирательства в обязательном порядке последуют. Как, что да чего, и давно ли вы такое умеете. А оно ему надо? Вот поэтому и сделал всё как положено. В итоге, вечером покидая УТАП, отец Георгий уже ощущал себя в своей среде, твёрдо зная, что небо — это его. В отличие от четверых курсантов, которые так и не смогли прыгнуть сами. Ну что же, бывает. Кому-то и по земле ходить надо. А вот он будет летать.

На следующий день начались занятия. Изучали вооружение — крупнокалиберный 12,7-миллиметровый пулемёт «УБТ», штатное оружие воздушного стрелка штурмовика «ИЛ-2» — и теорию воздушной стрельбы. А ещё тактику действия немецких истребителей и их наиболее уязвимые места. Но главного — практики, чтобы на «ИЛ-2» полетать и хотя бы одну ленту в полёте из того же «УБТ» выпустить, — как раз и не было. Лишь ещё один раз в УТАП выехали, и не из «УБТ», а из его предшественника, пулемёта «ШКАС» винтовочного 7,62-миллиметрового калибра, по конусу, который за собой «ПО-2» на тросе тащил, с земли постреляли. И всё. А остальное — на фронте по причине полного отсутствия возможности тратить в процессе подготовки кучу дефицитных крупнокалиберных патронов, не говоря уже об использовании в учебных целях столь необходимых на передовой «ИЛ-2».

В результате обучение продлилось лишь один месяц, по истечении которого всех повысили до сержантского звания и отправили на фронт.

Глава 3.

Стрелок летающего танка

Сталинград, Курск, год в партизанах, четыре награды — солидно. Комполка, лично принимавший пополнение, с уважением посмо-

трел на отца Георгия. Направил во вторую эскадрилью, к комеску Лукашевичу. А вот и он сам. В землянку командного пункта вошёл одетый в лётный комбинезон Александр.

— Товарищ полковник, — начал он с порога и вдруг осёкся: Жора?!

— Так точно, — отец Георгий, вытянувшись по стойке «смирно», отдал честь и, чеканя слова, отрапортовал: — Товарищ капитан, сержант Медведев после окончания школы воздушных стрелков прибыл для дальнейшего прохождения службы. Приказом командования назначен к вам в экипаж.

— Жора! — Александр крепко обнял отца Георгия.

— Да вы знакомы, что ли? — удивился комполка.

— С сорок первого, товарищ полковник! — Александр расплылся в улыбке. — Партизанили вместе. Жору по ранению на Большую землю эвакуировали. Он мне писал, что на стрелка учится. Но чтобы к нам в полк и в мой экипаж — это же...

— Да, действительно, такое редко бывает, — комполка тоже улыбнулся. — Но... — вопросительно посмотрел на Александра.

— Потерь нет. Курицына только сильно потрепали, на вынужденную сел, — доложил Александр и, повернувшись к отцу Георгию, приказал: — Жора, через 30 минут у капонира, и быть готовым к взлету.

— Есть, — отец Георгий, забрав у писаря свои документы, покинул землянку КП.

У каждого свои заботы. Саше — командованию докладывать, а ему лётный комбинезон и всё остальное в БАО — батальоне аэродромного обеспечения — получить надо. Времени мало, всего полчаса, опоздавших ждать не будут.

— Жора, не горопись, время ещё есть, — идущего по лётному полю отца Георгия нагнал Александр. — У тебя сегодня первый вылет, так что слушай. Следишь за задней полусферой, особенно сверху. «Мессера», как правило, на вертикали атакуют. Ни на что другое не отвлекаешься. Задача-минимум — меня предупредить и «Мессеров» отпугнуть. Работаешь короткими очередями. «УБТ» очень прожорлив. Длинными и только наверняка. На будущее имей в виду: сбить «Мессер» или «Фоккер», они недавно появились, очень трудно. В школе хоть раз стрельбы были?

— По конусу с земли из «ШКАСа». А что — могло и не быть? — удивился отец Георгий.

— У кого как, зависит от того, где учили. Мой предыдущий стрелок, — Александр сделал паузу, — только в полку вживую пулемёт увидел. «УБТ» не «ШКАС», но у тебя опыт есть, справишься. И самое главное: подбьют — прыгай без команды. А на земле — ну там как получится.

Они подошли к стоявшему возле капонира самолёту, около которого ожидали оружейник, механик и моторист, очевидно, уже закончившие подготовку машины к очередному боевому вылету.

— Знакомьтесь: Жора, мой новый стрелок, — представил отца Георгия Александр. — В сорок первом партизанили вместе.

«Надо же! А земля-то круглая», — не без удивления отметил отец Георгий. Механиком оказался один из бойцов сталинградского батальона НКВД, тот самый, с которым они за водой для раненых и пулемёта ездили. Ну всё — теперь только и разговоров будет. Хотя, с другой стороны, может, оно и к лучшему. Объяснение появится, почему у комеска второй эскадрильи воздушный стрелок такой выдающийся. Так ведь он, ещё когда в пехоте был, «Мессеров» из винтовки, как в тире, клал, а уж из пулемёта...

Но слишком разговор про двух сбитых одной пулей «Мессершмиттов» не продлился. В небе вспыхнула ракета.

— Так, Жора, мы следующие. Лезь в кабину, — распорядился Александр. — Договорим после полётов. Тебе ещё к «УБТ» принориться надо.

С «УБТ» особых проблем не возникло. Пулемёт довольно податливо двигался на турельной установке, хотя против «ШКАСа» был, конечно, потяжелее. Но усилие всё же было вполне приемлемым. «Так что главное теперь, — отец Георгий передёрнул ручку затвора, — в горячке боя по собственному хвосту не попасть, и чтобы ничего там не заклинило, а остальное — по ходу дела».

Вскоре подъехала машина-стартёр, техник присоединил кабель, двигатель заурчал на малых оборотах, потом урчание сменилось рёвом. «ИЛ-2», задрожав всем корпусом, сдвинулся с места и начал рулёрку. «Вот и первый боевой вылет, — отец Георгий мысленно осенил себя крестным знамением. — Даруй нам победу, Господи, и чтобы мы без потерь вернулись. А впрочем, будущее покажет. На всё воля Божья».

До цели, а объектом штурмовки на этот раз была автоколонна в ближнем немецком тылу, летели на бреющем не более чем в двухстах метрах от земли, прикрываемые сверху эскадрильей истре-

бителей, и только на подходе к цели набрали высоту, атаковав с пологого пикирования. И хотя из кабины воздушного стрелка можно смотреть только назад, сам процесс штурмовки выглядел впечатляюще. Первыми, оставляя за собой огненно-дымные шлейфы из-под крыльев, подавляя сопротивление сопровождающих автоколонну зениток ПВО, ушли эрэсы. А через считанные мгновения штурмовик содрогнулся от отдачи двух пушек и двух пулемётов, обрушив на головы немцев потоки свинца и стали. И неожиданный резкий рывок вверх. Освободившись от бомб, «ИЛ-2» начал набирать высоту.

«Всё, конец колонне», — сделал вывод отец Георгий, буквально на секунду оторвавшись от наблюдения за небом, где истребители прикрытия вступили в бой с атаковавшими их «Мессершмиттами». А внизу, на земле, среди облаков дыма и пыли, прорезаемых трассерами пулемётов и пушек штурмовиков, один за другим вставляли столбы разрывов, меж которых металась и падали крохотные, словно игрушечные, фигурки людей.

Снова взгляд вверх. Один из истребителей прикрытия, очевидно, подбитый, вывалившись из общей круговерти и оставляя за собой шлейф дыма, уходил в сторону фронта, а у него на хвосте, плотно пристроившись, висел «Мессершмитт» с явным намерением добить подранка. Не так быстро. Отец Георгий крутнул пулемёт на турели. Короткая, в несколько патронов, почти без прицела навскидку очередь, только чтобы отпугнуть. И уже готовый расстрелять наш израненный истребитель «Мессершмитт», клюнув носом, понёсся к земле. Надо же — попал.

— Жора, «Мессер»? — раздался в шлемофоне сквозь треск помех голос Александра.

— Не за нами, за истребителем подбитым один увязался. Я его отпугнуть хотел и попал случайно, — объяснил отец Георгий. — На земле догорает.

Секундная пауза.

— Поздравляю, Жора. Случайный, но твой. Следи за небом.

— Есть следить за небом.

Отработав автоколонну в один заход, штурмовики потянулись к линии фронта. Отец Георгий пересчитал машины. Все, никого не сбили. Не оставил Господь своё воинство. И подбитый истребитель вон рядом пристроился, может, до аэродрома дотянет. Не дотянул. Вскоре после пересечения линии фронта истребитель ушёл на вы-

нужденную, как и их с Александром ведомый, получив слишком серьёзные повреждения от зенитного огня.

«Ладно, переживём, не всё коту масленица, — резюмировал отец Георгий. — Люди-то живы, а технику ещё сделают или подлатают». Это для штурмовиков было делом обыденным. Ибо после каждого боевого вылета в не защищённых бронёй частях можно было насчитать не один десяток попаданий.

Наконец приземлились.

— Ведомый в порядке, на вынужденную сел, — не дожидаясь очевидного вопроса о судьбе не вернувшихся товарищей, заявил Александр. — И краску несите — звёздочку малевать. Жора «Мессера» завалил.

— Что я говорил? — оживился механик. — Поздравляю, Жора, с первым сбитым. А краску мы сейчас организуем.

Похоже, между членами наземной части экипажа за время отсутствия основного действующего лица состоялось нечто вроде пари, которое механик, к своему немалому удовольствию, выиграл. Моторист и оружейник присоединились к поздравлениям, как и наземная часть экипажа не вернувшегося ведомого. На этом приятная — торжественная — часть встречи закончилась и началось техническое подведение итогов полёта. В смысле что натворили немецкие зенитки.

— Тут ремонта до ночи, товарищ капитан, — растеряв большую часть хорошего настроения, не допускающим возражения тоном заявил механик. — Раньше не сделаем.

— Ладно, латайте, — согласился Александр. — Пойду доложу. Жора, рисуй звёздочку.

Остаток дня ничем особенным не ознаменовался, за исключением разве что обеда и ужина. Нет, не ресторан, конечно, но таких разносолов, меню, чего желаете, товарищи лётчики, и в таких количествах нормы на человека отец Георгий не вкушал в этом времени ни разу. Ни на фронте, ни в тылу. Причём обедали и ужинали не кто где пристроится, а в импровизированной столовой. Правда, подобное пищевое великолепие распространялось исключительно на лётный состав. Техники питались на уровне пехоты (гайки крутить и бомбы вешать — не так уж и много сил надо), хотя тоже в столовой. А ещё техники постоянно жили на аэродроме, в отличие от лётчиков и стрелков, которых по возможности для более полноценного отдыха старались расселять по ближайшим деревням. Вот и сейчас,

вскоре после захода солнца, вся лётная братия отправилась на полтора часа в ближайшую деревню.

Эх, хорошо день прошёл! Отец Георгий с удовольствием растянулся на лежаке только что протопленной русской печи. Последний раз вот так, на печке, он спал зимой сорок первого ещё партизаном во время одного из рейдов в незанятой немцами деревне. И несмотря на то, что и староста, и оба полицая были своими, всё же это было не то. Рядом враг, а тут — у своих. Посидели с Сашей, за встречу выпили. Хозяин, Кузьма Степанович, по такому случаю наливочку достал. За жизнь поговорили. Считаю полтора года не виделись. А тут ещё приятная неожиданность — в деревне церковь действующая, правда, без батюшки. Немцы во время оккупации открыть разрешили. А политрук, хотя и морщится, но молчит. В ней же за победу Красной армии люди молятся. Так что до конца войны не закроют — точно. Провести бы молебен по всем правилам, но... Мечты, мечты.

Ладно, спать пора. Отец Георгий ещё раз глянул в заиндевелое окошко, где едва различимый в свете луны виднелся силуэт белокаменного храма, так не похожего на типичные деревенские церквушки. А даже если и закроют, то не снесут, опять амбар сделают. Так и достоин до окончания времён безбожия. Ну а дальше — дальше совершенно другая история начнётся. Да, кстати, по возвращении надо будет в Интернете покопаться. Интересно всё-таки, кто же в здешней глуши вот такую красоту сотворил.

Глава 4.

Рождение настыря

Что это? Отец Георгий удивлённо смотрел по сторонам, пытаясь понять суть происходящего, а мир вокруг стоял на стоп-кадре в буквальном смысле этого слова. Как будто кнопку «stop» нажали. А ведь начиналось всё как обычно. Вполне рядовой боевой вылет, третий по счёту за день, с обычной боевой задачей: уничтожение автocolонны в ближнем немецком тылу. Взлёт, построение над аэродромом, полёт на бреющем, набор высоты над целью, залп эрэсами, потом из пушек и пулемётов, бомбы. А потом...

Произошло это. Похоже, в них попали, повредив управление, потому что, резко клюнув носом, штурмовик на полной скорости понёсся к земле и вдруг замер, завис в каких-нибудь полутора-двух метрах над дорогой у самого хвоста колонны. И вместе с ним завис весь мир. Даже звуки исчезли. Разгадка пришла внезапно, всплыв откуда-то из глубины сознания. Растяжение времени. Да, точно. В критических ситуациях такое бывает. Он как-то об этом читал. От летящей пули увернуться можно. А у них сейчас ситуация самая что ни на есть критическая. До столкновения с землёй — секунда...

В одно мгновение по своему собственному времени отец Георгий оказался на крыле, рванул фонарь кабины пилота. Александр медленно, как бы нехотя, повернул голову:

— Жора, а ты? — на его лице появилось удивление.

— Саша, быстрей! Сейчас всё закончится.

И не дожидаясь нужной реакции, отец Георгий, отстегнув ремни, буквально в охапку выволок Александра из кабины.

— Бежим!

И они побежали среди всё того же зависшего на стоп-кадре мира. Всё дальше и дальше к лесу, через поросший некошеной травой луг. И лишь у самой опушки время вновь возобновило свой бег. За спиной загремели взрывы. Отец Георгий обернулся. На месте падения штурмовика поднялся огромный фонтан земли и огня. Концевая машина колонны, лёжа на боку, пылала. И то польза — ещё одну цель накрыли.

— Бежим!

«Нет, зря мы такой кросс в глубь леса дали. Надо было отбежать немного и остановиться. Немцы ведь всё равно бы лес прочёсывать не стали», — такой была первая мысль, пришедшая отцу Георгию после того, как он вновь обрёл способность соображать. Ибо спринтерский забег уже при нормальном темпе времени закончился тем, что они с Александром просто свалились, как загнанные лошади, без малейшей возможности даже ползти, не говоря уже о передвижении на двух ногах. «В следующий раз будем умнее, — резюмировал отец Георгий. — Хотя надеюсь, что такое больше не повторится. Как там Саша?» Александр сидел, прислонившись спиной к дереву, очевидно тоже приходя в себя. Похоже, в норме.

— Товарищ капитан, вы в порядке?

— Жора, как ты это сделал?

— Что сделал? — отец Георгий поднялся, тоже приняв сидячее положение.

— Ну это. Ну мы же... — голос Александра дрогнул. — Мы же сейчас мертвые должны быть. Управление заклинило, а у самой земли всё остановилось, как в кино, когда плёнка рвётся. И ты меня из кабины вытащил. Я же всё помню. Или мы?..

— Да нет, не мёртвые, — отец Георгий улыбнулся. — Это эффектом растянутого времени называется. Когда время вдруг как бы останавливается или для человека, с которым такое произошло, идти намного быстрее начинает. Не суть важно. Главное другое. От пули летящей увернуться можно или вот как у нас, из сбитого самолёта выбраться. Слышал я про такое, вот и воспользовался.

— Жора, а почему именно с нами?

— Не знаю, товарищ капитан, — пожал плечами отец Георгий. — На всё воля Божья.

— Воля Божья?

И тут отец Георгий понял истинную причину того, что сегодня с ними произошло. Чудо Господь явил. Рассказывал ему как-то про-тоиерей Александр, что ещё на войне уверовал. Так вот, значит, как оно всё было. И он теперь тому чуду свидетель.

— Может, мы и до конца войны доживём?

— Да.

— Что?

Отец Георгий понял, что сказал раньше, чем подумал. Но слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Господи, ну кто же за язык-то тянул? Ведь опять засыпался.

— А война когда кончится? — в глазах Александра читалось удивление вперемешку с величайшим любопытством и очередной вопрос: — Жора, ты кто на самом деле?

— Ладно, расскажу, — отец Георгий постарался придать словам максимум убедительности, чтобы исключить дальнейшие вопросы и не выглядеть пророком, общающимся с Богом в режиме онлайн. — Я, Саша, сны вижу и из них будущее узнаю. Но не обо всём и нечестно. Не от меня зависит. Война весной сорок пятого кончится. В мае Берлин возьмут, первого числа. Восьмого капитуляцию подпишут. Об этом ещё с сорок первого знаю. О том, что мы в одном экипаже летать будем и до Победы доживём, летом прошлого года узнал. Почему молчал? А кто бы мне поверил? Никто.

Александр улыбнулся:

— Правильно делал, что молчал. Поэтому, Жора, как до наших доберёмся, скажешь, что у самой земли из пикирования вышли, а когда высоту набрали, мотор заглох. Прыгать пришлось. Сначала ты, потом я. Подробности расспрашивать не будут. В такой ситуации мало что помнишь. — Александр, поднявшись с земли, начал отстёгивать парашютную подвеску. — Идти сможешь?

— Смогу.

Отец Георгий тоже избавился от парашюта. Жалко, конечно, как-никак ценность. Но при приземлении во вражеском тылу последнее, о чем следует думать, так это о сохранности парашюта. Тем более в уложенном виде. Так что пусть парашюты здесь полежат. Может, кто из местных подберёт — и то польза. А им поскорей к своим добраться надо. Ведь писарь, будь он неладен, наверняка уже на них обоих похоронки оформил. И если за себя отец Георгий был спокоен — двадцать первый век местная почта не обслуживает, то вот за Александра... Каково будет Наталье вместо очередного фронтового треугольника казённый бланк со стандартной формулировкой «погиб смертью храбрых» на мужа получить? Да, конечно, потом всё выяснится, но вот только нервов и здоровья подобное выяснение не вернёт. Так что им надо торопиться, надо успеть.

И успели, причём не просто, а как любили говорить в то время, по-стахановски. Опыт, полученный в партизанском отряде, не прошёл даром, а потому к исходу следующих суток без особых приключений они добрались до линии фронта, которую столь же благополучно и пересекли. Правда, по минам. Но это выяснилось чуть позже, у своих. Что же, бывает небольшое недоразумение на этой войне для бессмертных.

Вот только пехотинцы в окопах переднего края были совсем не в курсе, кто на самом деле перед ними, а потому в большинстве своём испытали состояние, близкое к потрясению, от осознания произошедшего. Ещё бы — несколько сот метров вдвоём по минам, и живые. Возможно, именно поэтому длительных разбирательств не последовало. Остаток ночи удалось немного поспать в одном из блиндажей, а утром местный особист, здраво рассудив, что ни один нормальный и даже не очень шпион через линию фронта по минам переходить не будет, связался со штабом авиаполка и, получив подтверждение, прекратил дознание. До аэродрома добрались без особых проблем на попутных полуторках, а вот по прибытии произошёл курьёз. Стоявший на КПП часовой ошалело выкатил глаза:

— Живые?!

— А что — не похожи? — Александр улыбнулся.

— Похожи, похожи, — часовой тоже расплылся в улыбке. — А говорили — колом в землю, аж брызги полетели. Поздравляю, век теперь жить будете. Примета известная. Писарь-то на вас ещё давеча похоронки отписал. Вовремя вы, а то бы отправили. Почта вот-вот должна прибыть.

— Так утром же особист пехотный в штаб звонил, про нас справлялся, — удивился Александр.

— Не знаю, не слышал. Может, ещё не доложили? Комполка недавно вернулся, — часовой был явно озадачен. — Ну так и без того можно было сказать. Тут же не военная тайна. Если знают, что экипаж не погиб, зачем скрывать? Тем более со вчерашнего дня, кроме вас, потерь не было.

— Разберёмся. Жора, пошли, обозначиться надо.

И по весёлому блеску в глазах командира отец Георгий понял, что в ближайшее время будет театр или даже цирк, и не ошибся. Процесс «воскрешения» прошёл на ура и стал предметом обсуждения в течение нескольких следующих дней, чему сильно способствовала нелётная погода. Ведь это же надо было так доложить: комэск Лукашевич и стрелок Медведев для дальнейшего прохождения службы с того света явились. Во Саня загнул! А это правда, что когда политрук Сашку и Жорку увидел, креститься начал? Да нет, он же партийный. Просто у него в тот момент лоб и живот чесались. И так далее, и тому подобное. Выяснилось также, почему несмотря на звонок в штаб их продолжали считать погибшими. Как оказалось, особист-пехотинец всего лишь поинтересовался, числятся ли в списках личного состава полка капитан Лукашевич и сержант Медведев, и, получив утвердительный ответ, повесил трубку, не удосужившись при этом сообщить подробности. А поскольку при падении штурмовика колом в землю, которое наблюдали несколько экипажей, выжить невозможно в принципе, интерес особого отдела был истолкован как то, что либо под Лукашевича и Медведева контрразведка копает, в смысле проводит оперативную работу, либо, в лучшем случае, продвинувшаяся на этом участке фронта вперёд пехота нашла не месте падения обгорелые трупы. В возможность спасения путём выхода из пикирования у самой земли никто как-то не подумал. Но в рассказанную легенду поверили всё окончательно и бесповоротно. А как иначе? Ведь все они здесь образованные, иде-

ологически подкованные советские граждане. А любому советскому человеку, будь то октябрёнок, пионер, комсомолец, коммунист или даже беспартийный, прекрасно известно, что чудес на свете не бывает.

Глава 5.

Дело для везучих-2, или Клуб самоубийц

— Жора, как думаешь, когда в Германии будем, трофеи разрешат брать, или всё через контрибуцию пойдёт?

— Думаю, что и так, и так.

Вылет задерживался, и сидеть в кабине становилось скучно.

— Если что по мелочи, то наверняка можно будет, а если покрупнее, то купить. Из-за инфляции на наши деньги это всё равно копейки стоить будет.

— Тоже неплохо, — согласился Александр. — Никто мародёрство не припишет. Только в вещмешке много не увезёшь. Разве что по почте.

Аэродром, на котором базировался авиаполк, ранее использовался немцами и был брошен ими столь стремительно, что от них после поспешного бегства осталось кое-какое «наследство», в том числе в виде красочных глянцевых журналов, повествующих о жизни Европы вообще и Германии в частности. И хотя политрук с особистом всю эту антисоветскую макулатуру довольно быстро изъяли, осадок всё же, как говорится, остался. Хотя, услышь этот разговор кто-либо из однополчан, наверняка посчитали бы обоих, мягко говоря, не в себе. Войне-то ещё конца и края не видать, а эти в ожидании команды на взлёт сидят и преспокойно по внутренней связи перспективы будущей мирной жизни обсуждают. И это при том, что шанс вернуться — в пределах нуля. Всего две машины днём без истребительного прикрытия мост в дальнем немецком тылу бомбить. Ну не самоубийцы ли?

Со стороны, может быть, и так. Но только со стороны. А в реальности пару дней назад с командиром полка, который теперь летит ведущим, состоялся очень примечательный разговор. Без свидетелей — на предмет того, как это капитан Лукашевич и сержант Медведев после столкновения их самолёта с землёй не только живыми

остались, но даже не поцарапались. Версия о выходе из пикирования у поверхности третьей от Солнца планеты, выдвинутая вышеозначенными товарищами, выглядела, конечно, убедительно, но вот только напрочь опровергалась записью на ленте кинофотопуплёмата — кинокамеры, расположенной на борту самолёта для фиксации результатов боевых действий. Правду рассказать пришлось. Куда же денешься? По итогам разговора, перевернувшему всё его мировоззрение с ног на голову и обратно, комполка попросил товарища Медведева по возможности составить список тех лётчиков и стрелков, кто до Победы доживёт, чтобы, значит, использовать их на самых опасных вылетах.

И вот сегодня, если так можно выразиться, проба пера. Правда, в списке, в шутку названном Александром Клубом самоубийц, более двух экипажей, но исправных машин в полку всего две осталось, и чтобы техника, значит, зря не простаивала, они и летят на свободную охоту. И если с мостом всё удачно пройдёт, можно будет ещё и близлежащую станцию эрэсами пощипать. А если нет — два латаных-перелатаных «ИЛа» под списание — невелика потеря. Люди-то по-любому живы останутся, а большего и не надо. Подъехала машина-стартёр.

— Всё, взлетаем, — отец Георгий застегнул привязные ремни. — Даруй нам победу, Господи, и чтобы не на своих двоих вернулись, а то уж больно далеко.

Запуск двигателя, рулёжка, и пара штурмовиков один за другим ушла в небо.

Красота, лепота, не то что в предыдущих полётах. Несмотря на всю серьёзность ситуации, отец Георгий, наблюдая за задней полусферой, не мог отказать себе в удовольствии насладиться окружающей картиной простирающегося вокруг бескрайнего неба с проплывающими совсем рядом белыми пушистыми громадами облаков. Так высоко он ещё не забирался даже при парашютных прыжках в УТАПе. Там не более километра было, а здесь с кислородом лететь приходится. Некомфортно в маске, конечно, но она себя оправдывает. С земли так сразу не разглядишь, кто есть кто. И от «Мессеров» с «Фоккерами» в случае чего уйти легче. Нырнул в облака — и пускай поищут. Они же без локатора. Но играть в кошки-мышки с немецкими истребителями не пришлось. Перелёт до цели номер один — Мост — прошёл без приключений. Более того, на мосту во время атаки оказался эшелон, и это позволило сэконо-

мать бомбы, ибо сдетонировавшие от залпа авиапушек боеприпасы снесли мост до самого основания.

— Жора, ты как? Осколками не зацепило? — раздалось в шлемофоне.

— Нет, всё нормально.

Отец Георгий проводил взглядом результаты их работы. На месте моста поднималось огромное, чем-то похожее на атомный гриб облако. Плюс два. С перевыполнением плана нас, товарищи. Посмотрим, что будет на станции. На станции получилось не столь эффективно: всего лишь эшелон с пехотой и здание вокзала — ну не везти же с собой назад сэкономленные бомбы, — но зато более эффективно. Причём настолько, что охранявшие станцию расчёты ПВО не успели сделать ни единого выстрела. Да и как тут успеешь, если эти русские совсем страх или разум потеряли? Атакуют, двигаясь вдоль железнодорожных путей на высоте не более десяти метров. Это же даже не бредущий, а какой-то прямо глядящий полёт! А если бы там как раз поезд прямо навстречу шёл? Ведь всё бы в лепёшку! На это-то, в общем, и был сделан расчёт при планировании операции. Нет, не на столкновение со случайно оказавшимся на путях эшелонном, а на то, что немцы ну никак не ожидают, что русские штурмовики смогут подойти к станции на сверхмалой высоте, двигаясь вдоль полотна железной дороги. Слишком велик риск столкновения с землёй. Они же не самоубийцы. Нет, не самоубийцы — бессмертные! А им и не такое можно.

Но даже бессмертным судьба иногда подкидывает разнообразные сюрпризы, чтобы, значит, не расслаблялись и жизнь мёдом не казалась. Почти у самой линии фронта вынырнули из очередного, довольно протяжённого облака и... Отец Георгий глазам своим не поверил. Сзади, совсем рядом, в каких-нибудь 10–15 метрах висел, двигаясь параллельным курсом, «Юнкерс Ю-87», он же «лаптёжник», а чуть дальше — ещё, ещё и ещё. Господи, так мы что?.. Да, именно так и случилось. Пытаясь укрыться в облаках от вражеских истребителей, они совершенно случайно оказались в центре строя идущих на бомбёжку «Юнкерсов». Рефлекс сработал раньше сознания. Отец Георгий на автомате всадил короткую, но смертельную очередь в капот ближайшего «лаптёжника» и тут же перенёс огонь на соседние. То ли реакция у немецких пилотов оказалась слабоватой, то ли сработал эффект неожиданности, но паника среди немцев началась только после того, как на пятом сбитем отцом Георги-

ем «Юнкерсе» взорвался боезапас. Что тут началось! Сломал строй, «лаптёжники» бросились кто куда. Причем двое, как успел краем глаза заметить отец Георгий, случайно столкнулись. И снова облако.

— Жора, сколько патронов осталось? — раздался в шлемофоне возбужденный сверх меры голос Александра.

— Треть ленты. Пять сбитых, два столкнулись. У меня один головной сам в прицел влез.

— Поздравляю, Жора. Если до своих долетим, вообще хорошо будет.

— Долетим, долетим, — отец Георгий был практически в этом уверен.

Чтобы после такой победы и под конец пешком возвращаться — быть такого не может! И оказался прав. Истребительное прикрытие «лаптёжников» их либо не смогло найти в облаках, либо вообще не искало, тоже впад в панику от осознания случившегося. Ведь, как выяснилось несколько позже из данных разведки, общие суммарные потери немцев во время той памятной случайной встречи составили аж одиннадцать машин. Да фюрер за такое!..

Но что сделает фюрер со своими нерадивыми асами, отца Георгия интересовало лишь чисто теоретически, ибо были дела и поинтересней. Ведь по возвращении случился самый настоящий триумф. Без лавровых венков и триумфальной арки, конечно, но сути дела это сильно не меняло. Мало того, что вернулись и боевую задачу выполнили, что само по себе было уже на грани возможного, так ещё и одиннадцать «Юнкерсов» положили в придачу. Трёхсотпроцентное перевыполнение плана.

В штабе воздушной армии, куда тут же ушёл доклад, поначалу аж не поверили, а когда получили подтверждение от пехоты, триумф вспыхнул с новой силой. Как итог — статья в армейской газете с фотографиями. Корреспондент с ног до головы отщёлкал Сашу и отца Георгия, и, что не менее приятно, им вручили ордена — Боевого Красного Знамени для пилота и Отечественной войны для воздушного стрелка.

«Пятая награда за три военных года, — подытожил отец Георгий. — Совсем даже неплохо. Глядишь, к концу войны и деда-артиллера обгону. Ну а если и нет, невелика потеря — не за награды воюем. А впрочем, это уже не суть важно. На ближайшие семь-десять дней они от войны избавлены. Приказ на отправку за новой техникой в город Куйбышев пришёл. Так что здравствуй, отпуск.

Глава 6. Неметчина

Граница Германии. Надо же, и место обозначили. Отец Георгий проводил взглядом уплывающий вдаль указатель, а выдавшая виды полуторка БАО вкатила в пределы Тысячелетнего рейха. Почему по земле, а не воздухом? Дело-то житейское. Просто очередной «ИЛ-2» немецкие зенитки «Эрликон» превратили в очередной не подлежащий ремонту дуршлаг, в результате чего майор Лукашевич и старший сержант Медведев стали временно безлошадными. Вот почему и добираются на новый аэродром вместе с техсоставом. В каком-то смысле это даже хорошо. С самолёта многого не увидишь, а тут нечто вроде автобусной экскурсии.

Отец Георгий, как и остальные, сидевшие в кузове, с интересом смотрел по сторонам. Вот она, Германия, страна, из которой на нашу землю пришёл враг, которого мы уже очень и очень скоро прикончим... И всё здесь другое, непохожее, не такое, как наше. Во всяком случае, должно быть. Заграница как-никак. Да, конечно, Польша заграница тоже. Но там всё же свои, славяне, а тут... А тут — скоро увидим.

Всё дальше и дальше катила полуторка по автобану, пока не свернула в сторону деревни, где должен был быть расквартирован авиапункт. Вот это люди живут. У поляков-то победней будет. И это в деревне. «Цивилизация», — чуть было не разинул рот отец Георгий, но вовремя спохватился. Однополчане — ладно. Но он-то. Можно подумывать, в Европе, в той же Германии не был. Был конечно. Хотя, с другой стороны, так и есть — цивилизация. Дома в полтора-два этажа, как игрушечные. Камень, кирпич, черепица. Мощёные улицы. Вопрос: зачем они на нас напали, коли по всем статьям лучше нас живут? Хотя никем в открытую этот вопрос озвучен не был. Кому же охота к политруку или, того хуже, к особисту на карандаш попасть? Преклонение перед Западом. Мы ведь, согласно генеральной линии партии, лучшая страна в мире. А то, что жрать, пардон кушать, порой нечего, так это проклятые капиталисты виноваты. Да и вообще, мы хоть и бедные, но Родину любим, а вот они... Правда, совершенно непонятно, что мешает Родину любить, живя в двухэтажном особняке, а не в бараке или коммуналке. Но за такие вопросы...

Большая часть домов оказалась брошенной. Наслушались гебельсовской пропаганды о том, что Красная армия чуть ли не по-

головно расстреливает мирное население в извращённой форме. Большим гвоздём за язык к столу приколотят — и пулю в затылок. А также, опасаясь абсолютно обоснованной мести русских за творимые мужьями и сыновьями злодеяния, в центр Германии потекли потоки беженцев. Оставались лишь те, кому некуда было бежать, кто не очень доверял пропаганде или считал, что от судьбы не уйдёшь. И раз уж Германия войну проиграла, то сейчас или через месяц-другой, но немцы своё получают. И уж лучше ужасный конец от пули большевика, чем ужас без конца. Но полуторазэтажный дом, в который заселили отца Георгия с сотоварищами, оказался обитаемым. Пожилая фрау с дочерью, двухлетним внуком — розовощёким карапузом — и средних лет служанка, выйдя на крыльцо, со страхом и трепетом ожидали своей участи от пятерых бойцов Красной армии, определённых русским командованием к ним на постой. Тем более дело шло к вечеру. Солдаты со службы вернулись. Почему бы не расслабиться в женском обществе?

Ага, как же! Ну прямо всю жизнь мечтали под конец войны под трибунал загреметь. Особист с политруком на пару личный состав накачивали. Красная армия есть армия освободителей, несущая избавление от фашистского рабства народам Европы вообще и народу Германии в частности. И не дай Боже, если хоть какая-нибудь гнида... То на штрафбат пускай не рассчитывает. В расход перед строем, как опозорившего высокое звание солдата-освободителя и нашу социалистическую Родину. Это во-первых. А во-вторых — на пять-семь боевых слетай или пёхом при полной выкладке килограммов тридцать пару десятков километров отшагай, и останутся лишь два желания: поесть и поспать.

Но обо всём об этом «встречающие» не догадывались. А тут ещё и малыш, сидящий на руках у матери, масла в огонь подлил. Вскинул ручонку в нацистском приветствии и тоненьким голоском пропищал: «Хайль Гитлер». Немая сцена. И каждый раз, много позже вспоминая этот случай, отец Георгий ловил себя на мысли, что очень не хотел бы оказаться на месте матери малыша, да и обитателей дома вообще. Ведь, судя по ужасу, отразившемуся на их лицах, они считали себя уже практически мёртвыми. Но в следующее мгновение вместо выстрелов последовал оглушительный взрыв смеха. А как иначе? Ну увидел ребёнок дяденек в форме. Поприветствовал как положено. Он же ещё не знает, что дяденьки разные бывают. Что же его теперь — убивать за это, что ли? Посмеяться да

и только. И к тому же это не первый случай. Ещё в Польше началось. Привыкли за пять с лишним лет оккупации. А дети есть дети, взрослых копируют. Но, как бы там ни было, смех разрядил обстановку. И более того — служанка оказалась из прибалтийских немцев, её родители репатриировались в Германию вскоре после революции 1917 года, а потому она неплохо говорила по-русски, что позволило избежать общения на пальцах и сильно упростило процесс заселения, который, правда, если совсем по-честному, не принёс ничего, кроме шока и изжоги. Да-да, изжоги, как от самой ядрёной горчицы. В дом, деревенский дом вошли, а там прихожая, кухня, столовая, гостиная — зал по-нашему — и четыре спальни. Две на первом этаже — взрослая и детская, две на втором, в мансарде. Плюс подвал, а не какой-нибудь подпол для солений-варений. И отапливается всё это фашистское, то есть немецкое чудо — нет, слава тебе, Господи, не от какого-то мудрёного чудо-агрегата, а всего лишь от обычной угольно-дровяной печи, но с паровым отоплением. Фабричная или очень на неё похожая мебель при таком раскладе ни на кого особого впечатления не произвела. Приложение ко всему прочему, так сказать. Но вот наличие в доме санузла — это просто не укладывалось в голове. Да мы в России о таком и помыслить не могли. У нас даже в городах только в больших многоэтажных домах душ с туалетом в квартирах имеется, а тут... И дом ведь небольшой. Не барские хоромы посреди крестьянских избёнок стоят. Всё кругом такое. Вся деревня. А что же мы у себя дома вот так в восьмикомнатных домах со встроенным санузлом не живём? Россия ведь по всем статьям побогаче Германии будет. А толку для человека?

Ну да ладно, коли своего нет, так хоть чужим попользуемся. Во всяком случае, отец Георгий отработал ситуацию по полной, не только вымывшись под душем, но и полежав в ванне. Почти забытое за годы войны удовольствие.

Но всё хорошее, как известно, кончается довольно быстро. Хозяева, очевидно, решив продолжить налаживание отношений, пригласили русских солдат на совместный ужин, а посему пришлось срочно одеваться и идти за стол. Нет, конечно, ужин на аэродроме уже был. Но отказываться, если к столу зовут, как-то неприлично. Да и потом — наличие служанки в качестве переводчицы позволяло теснее пообщаться с хозяевами. Понять, что они за люди, эти немцы. Чисто по-человечески было любопытно. Ну а где, как не за столом своё любопытство удовлетворять?

Поначалу общение шло не очень. Во-первых, мешало содержимое тарелок. Копчёная свинина с тремя видами капусты. Так даже лёгкий состав под 7 ноября и на 23 февраля не кормили. А во-вторых, отсутствие общей темы для разговора. Но мало-помалу ситуация исправилась благодаря маленькому Адик — Адольфу (имя фюрера для новорождённых в Германии и Австрии в период нацизма было чрезвычайно популярно), который, устав сидеть рядом с матерью, решил познакомиться с русскими дяденьками поближе.

— Какой хорошенький, — механик посадил малыша себе на колени. — На моего младшенького похож. Хотя ему сейчас уже седьмой. В школу в будущем году пойдёт. А моей дочке сейчас вот столько же. Без меня родилась. Только на фотографии и видел, — вздохнул оружейник.

— А вы разве в отпуске с начала войны ни разу не были? — поинтересовалась мать малыша. — Мой муж до того, как без вести пропал, два раза за три года в отпуск приезжал. Один раз — в обязательный, а другой — после ранения.

— Нет, не были, — мотнул головой моторист. — У нас отпусков не бывает. С начала войны и до конца воюем. И не только в армии. Я вот, как и дядя Жора, в партизанах начинал. А война закончится, и тогда не до отпусков будет. Деревню-то нашу сожгли.

«На опасную тему разговор съезжает», — мысленно отметил отец Георгий. Лучше бы, конечно, без этого, но...

— Скажите... Вот вы говорите, что деревню вашу сожгли. А у нас тут слухи ходят, что... — служанка замаялась.

— Правильные слухи, — решил взять инициативу в свои руки отец Георгий. Моторист, конечно, парень хороший, но ежели его вот такими разговорами растормошить, то как бы чего не вышло. — У нас тысячи деревень пожгли вместе с людьми: женщинами, стариками, детьми.

— И такими, как Адик, — вставил механик. — В амбар запрут и сожгут. Живьём.

— А вы сами видели, или?... — голос служанки задрожал.

— Сами, — подтвердил отец Георгий. — Не из слухов знаем. И не только видели, но и людей спасали. В мае сорок второго. Едва успели.

— Это СС делали?

— Не только, — включился в разговор Александр. — Вермахт тоже. Тебя, Жора, с нами уже не было, когда мы ту деревню освободили. Там на постой один немецкий майор-интендант в избу стал, а мла-

денец грудной ночью плакать начал. Так он его головой о косяк, чтобы спать не мешал. А потом и мать с бабкой пристрелил, чтобы не голосили.

— Значит, и мой младший вот тоже так мог? — в ужасе пробормотала пожилая немка.

— Не мог, мама, он же не убийца, да и мой муж тоже, — ответила дочь.

— А ты думаешь, если и нет, то русские нас всех под одно считать не будут?

— Но они же нам не мстят, вон даже с Адиком играют.

— О чём речь? — поинтересовался Александр.

— Пытаются понять, могли ли младший сын фрау Марты и муж фрау Евы поступить вот так, как вы сказали, — объяснила бывшая подданная Российской империи. — Боятся, что русские будут нам мстить. Не понимают, почему вы нас не трогаете. И это не из-за страха перед наказанием. Не потому, что вам приказали никого не трогать. Я же вижу — это вы сами такие. Вы добрые. Меня сюда, — служанка сделала паузу, — родители в десять лет привезли. Я помню, в России хорошие люди.

— Да, не убийцы. Без разбора мстить не будем. Можете не бояться. Так и переведите и поблагодарите за ужин, а нам, — Александр глянул на часы, — спать пора, засиделись. Отбой.

Уж до чего там договорились мама с дочкой, неизвестно. Но в то, что их без суда и следствия в расход не пустят, похоже, поверили бесповоротно и окончательно. Да и как тут не поверить, если тот, кого ты ещё недавно врагом считал, на деле хорошим человеком оказался.

Глава 7.

Победа

Берлин! Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нём отозвалось. И хотя подобное было сказано классиком о Москве, здесь и сейчас, в апреле сорок пятого, это относилось и к Берлину. Да-да, под крыльями был Берлин. И будучи сейчас фактически не у дел — истребителей-то у немцев не осталось, от-

бываться не от кого — отец Георгий, превратившись в одночасье из воздушного стрелка в воздушного экскурсанта, с интересом наблюдал открывающуюся внизу панораму столицы Третьего рейха, чем-то напоминающую сейчас Сталинград сорок второго года. Чёрные, обгоревшие, превращённые в крепости дома. Баррикады на улицах и довольно чётко различимая на фоне дыма и пыли, с каждым днём всё больше и больше сжимающаяся под ударом штурмовых групп линия фронта. Эх, тяжело сейчас пехоте. Ну ничего, подмогнём.

Пикирование, старт эрэсов, длинная, на весь боекомплект пулемётно-пушечная очередь и привычный уход на высоту. Так кого это мы там отработали? А-а, ясно — очередная баррикада приказала долго жить. Как, в общем-то, и Адольф Алоизович. Сегодня же 30 апреля, четыре вечера, так что финита ля комедия, герр Гитлер. Цианид в зубах, пуля в голове. А здорово он всё-таки в плен попасть боялся. Мол, русские рейхсканцелярию снарядами с усыпляющим газом обстреляют, и проснётся фюрер Великой Германии в Москве, в зоопарке в качестве диковинного животного в клетке между слонем и бегемотом. Вот интересно, а он эту страшилку сам себе придумал, или наша разведка подсуежилась? А вообще-то оригинальное было бы зрелище. Идут люди по зоопарку, мороженое кушают, надписи на клетках читают: «Лев», «Слон», «Гитлер», «Бегемот». Ну да ладно — что случилось, то случилось. Тем более в аду этому выродку клетка Московского зоопарка раем покажется.

Ох ты, а этот ещё откуда? Совершенно неожиданно вынырнув, как призрак из пелены дыма, чуть позади на параллельном курсе возник «Шторьх». Он-то что здесь делает? За Алоизовичем, что ли, прилетел? Поздно. Длинная, на пол-ленты, очередь, и изувеченный «Аист», а именно так переводится с немецкого название самолёта «Шторьх», способного взлетать и садиться буквально на пятак, камнем рухнул на землю.

— Жора, что — «Мессер»? — раздался в шлемофоне скорее удивлённый, чем встревоженный голос Александра.

— Нет, не «Мессер», «Шторьх». Из дыма случайно выскочил. Причём без крестов и вообще без каких-либо опознавательных знаков. Сам в прицел влез.

— «Шторьх»? — Александр помолчал. — А не за Гитлером ли он? Или, может, за кем ещё? Сейчас доложу, пускай на земле проверят.

Ой, что тут началось! Сначала в эфире а потом и на земле, то есть на аэродроме. Особист с комполка и политруком в первых рядах

встречающих были, чтобы скорее подробности расспросить. Это же дело такое — а вдруг и вправду в том «Шторьхе» сам Гитлер из Берлина драпал? Нет, конечно, живьём взять было бы лучше. Но на безрыбье, как известно, и рак рыба. И ведь не кто иной, а именно воздушный стрелок их полка Гитлеру путёвку на землю выписал. Да слава о том вовек не померкнет!

— В общем, так, Жора: если там действительно Гитлер был, считай, что Героя ты заработал, — подытожил комполка. — А до выяснения обстоятельств оба останетесь в особом отделе, — веско добавил особист. И, перехватив на себе удивлённый взгляд комполка, пояснил: — На случай, если кому-нибудь сверху понадобятся показания от первого лица.

— Поддерживаю, — согласился с особистом политрук. — Мало ли что. Отдыхайте, товарищи.

— Слушай, Жора, а они нас что — для награды берегут, что от полётов отстранили? — Александр перешёл почти на шёпот. — А если там и правда Гитлер был, то...

— Да нет, до конца жизни в золотой клетке сидеть не придётся, — отец Георгий улыбнулся. — А насчёт того, что берегут, — да. Политрук с особистом про нас же не всё знают. Почему мы такие живучие. Вот и перестраховываются. Каково бы им было докладывать, что экипаж, уничтоживший Гитлера, сам геройски погиб в следующем вылете. Война войной, но наверху могут не понять. А так...

— Могут, — вздохнул Александр. — Ладно, посидим, подождём, тем более мы не под арестом.

Сидеть пришлось недолго. Ближе к вечеру пехота добралась-таки до места падения «Шторьха». Из разбитой, расстрелянной кабины извлекли лишь одно тело. Причём с первого взгляда было ясно, что это не Гитлер.

— Ну и слава тебе, Господи. — отец Георгий был очень доволен таким поворотом событий.

Нет, Гитлера там быть в принципе не могло, а вот двойник мог оказаться вполне. И одному Богу известно, когда бы это выяснилось и со сколькими особистами и прочими ответственными товарищами пообщаться бы пришлось. А оно ему надо?

Прошли ещё сутки, и наступила тишина. Странная, пронзительная, звенящая. И отец Георгий, как и все, слушал эту странную волшебную тишину и не мог наслушаться аж до восьмого мая, когда оглушительный грохот потряс уже начинавшую привыкать к тиши-

не Землю и тысячи, и тысячи огненных трасс осветили ночное небо Германии. Но то были не звуки новых боёв, то был салют. Салют победителей, Салют Победы! Великая Отечественная война, которую вел советский народ с нацистской Германией за свою свободу и независимость, завершилась. И как последний штрих: уже будучи демобилизованным, перед самой отправкой домой отец Георгий, добравшись на попутке до центра Берлина, нацарапал финкой на стене Рейхстага: «Жора из Сталинграда. Дошёл до Берлина». И, немало подумав, добавил: «С крестом и пулемётом».

Глава 8.

Исповедь — окончание

Вот так всё и было. Как вернулся? Просто, без приключений, как и все наши, кого в конце мая демобилизовали. Поездом до Смоленска, потом на попутках и через портал. А на дороге машина стоит и записка на стекле: «Ушёл в деревню, скоро буду». Это там, по ту сторону портала, четыре года прошло, а здесь меньше часа. С поисковиками встречаться не стал. Отзвонился — мол, дело срочное, и сразу домой поехал. Нет, они, конечно, ребята надёжные. Вряд ли бы разболтали, расскажи он им. Но бережёного Бог бережёт. Так что лучше им про это про всё не знать. Как домашние восприняли? Ну, скажем так, с пониманием. А теперь... Лёгкое, заранее отрепетированное движение фокусника. Театральный жест — куда же без него? И отец Георгий предстал перед глазами изумлённых однополчан в форме старшего сержанта ВВС РККА, а затем, улыбнувшись, надел пилотку, встал по стойке «мирно» и, отдав честь, отчеканил:

— Товарищ гвардии майор, старший сержант Медведев к полёту готов.

— Жора! Наш Жора! Кто бы мог подумать? — матушка Наталья в очередной раз смахнула с глаз слезинки. — Ведь если бы не ты, я бы тогда ампутацию не пережила. И не было бы у нас с Сашей ничего. А чайку ещё налить?

— Можно и ещё, — согласился отец Георгий. — Хороший у вас чай, душистый.

— А можно и чего покрепче, — предложил отец Александр. — Ёжик, доставай кагор.

— Саша, а может, не стоит? Нам же не тридцать семь, как Жоре.

— Так мы много и не будем. За встречу по рюмочке. За Победу, как всегда, 9 Мая и по третьей — за мир на Земле.

Протоиерей Александр отодвинул пустую стопку:

— А теперь насчёт служения и сана. Я тебе, Жора, вот что скажу: по канону тут напрямую судить нельзя. Про теорию относительно-сти ты верно подметил. И да, и нет получается. И к богословам за разъяснением не обратишься. Полуправдой ведь не отделаешься. А правду раскрыть, так это верный путь в какой-нибудь «почтовый ящик». А в закрытых НИИ не то что храмов православных, даже часовен нет. А если и есть, то и тогда не до службы будет, коли по десять раз за день на атомы разбирать начнут. Так что один для тебя путь вижу: Господу помолись, как дальше жить. А ответ, полагаю, придёт. Неспроста ведь всё это с тобой было.

Эпилог

9 Мая. Город-герой Волгоград. По тем самым улицам, где когда-то гремели бои, в это погожее майское утро шёл и шёл Бессмертный полк. И среди многих сотен и тысяч шёл в колонне отец Георгий, нёс свою фотографию. Идущие рядом удивлялись их сходству. Сходству будто бы деда и внука. И лишь немногие, очень немногие знали правду. Про четыре невероятно тяжёлых и трудных военных года. Про путь от Смоленска до Берлина и такое простое, но всё же чудесное возвращение. И про молитву. Да-да, молитву. И многое открылось. И своя собственная, ещё очень длинная и интересная жизнь, и судьба близких, и судьба России. И много чего ещё. И лишь на один вопрос не получил ответа отец Георгий: почему это с ним было? Для чего? Зачем? Испытание веры, дело от Господа? Или, может быть, истина где-то рядом?

Оренбург. Май 2013 — январь 2020 г.

Содержание

Предисловие	3
Часть 1. Партизан поневоле	4
Глава 1. Исповедь — начало	4
Глава 2. У черты	5
Глава 3. Попаданец	11
Глава 4. Жора-партизан	19
Глава 5. Отряд	30
Глава 6. Лицо войны	38
Глава 7. Диверсант-любитель	42
Глава 8. Не было бы счастья, да несчастье помогло	46
Глава 9. Пустой схрон	51
Глава 10. Знамя отряда	54
Глава 11. По заслугам и награда	60
Глава 12. Пополнение	64
Глава 13. Командир	67
Глава 14. Испытание огнём	71
Глава 15. «Великий изобретатель»	74
Глава 16. Охота на охотников	77
Глава 17. Предначертанное да исполнится	79
Глава 18. Не допустить Хатынь. Последний бой Жоры-партизана	83
Часть 2. Большая земля	86
Глава 1. Почти дома	86
Глава 2. Родственные души	88
Глава 3. Возвращенец	94
Глава 4. Ошибка Абвера, или Как, используя знание истории, разоблачить шпиона	96
Глава 5. Прикоснуться к прошлому	100

Глава 6. Волжский рубеж	104
Глава 7. Откровение	110
Глава 8. В начале славных дел	112
Глава 9. Дело для везучих, или Крупп против Маузера	119
Глава 10. Замкнувшийся круг	125
Глава 11. Театр — фронту	127
Глава 12. Капеллан	130
Часть 3. Штрафник до победы	135
Глава 1. Коса на камень	135
Глава 2. Дверь открылась, а там «Google Maps». Вы же не боитесь «Google Maps»?	140
Глава 3. Стрелок летающего танка	143
Глава 4. Рождение пастыря	148
Глава 5. Дело для везучих-2, или Клуб самоубийц	153
Глава 6. Неметчина	157
Глава 7. Победа	161
Глава 8. Исповедь — окончание	164
Эпилог	165

Владимир Викторович Семибратов
Крестом и пулемётом

Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 21.07.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ №

ISBN 978-5-907297-37-1

9 785907 297371